

Н.Н. ГЕРАСИМОВ
А.И. ГЕРАСИМОВА



20 ЛЕТ
С ДИКИМИ
ГУСЯМИ

Н.Н. Герасимов
А.И. Герасимова

20 ЛЕТ С ДИКИМИ ГУСЯМИ



Москва
Вече

УДК 574
ББК 28.688
Г 37

О КНИГЕ И ЕЁ АВТОРАХ

Г 37 20 лет с дикими гусями / Н.Н. Герасимов, А.И. Герасимова. — М. : Вече, 2011. — 120 с. : ил.

ISBN 978-5-9533-4901-7

Эта книга о многолетней работе учёных-орнитологов Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН, поставивших перед собой цель возродить, казалось, вымершую навсегда популяцию островного гуся — алеутской канадской казарки. Подобного проекта, касающегося птиц, Азия раньше не знала.

УДК 574
ББК 28.688

ISBN 978-5-9533-4901-7

© Текст. Герасимов Н.Н., Герасимова А.И., 2011
© Оформление и дизайн. ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Эта книга светлая: в ней рассказано, как люди сумели помочь истреблённому в Азии подвиду гусей, а ещё о том, как прекрасны могут быть человеческие отношения — когда вся семья самоотверженно работает на благо одной цели.

В русском языке есть слово «подвиг». Терминологические словари объясняют его так: «Доблестный поступок, важное, славное деяние (В.И.Даль). «Героический, самоотверженный поступок» (С.И.Ожегов). Это как раз то, что на протяжении почти 20 лет делали Н.Н. и А.И. Герасимовы.

Сейчас много говорят об охране природы — в разном плане, в разном смысле. Ясно, что дело с этим обстоит плохо, что сохранять природу необходимо всеми доступными средствами. И пока все (или многие) в это не включатся, толку не будет. Каждый должен что-то делать на своём месте, по своим возможностям. Основные проблемы охраны природы давно сформулированы.

Есть крупные программы, где необходимо участие государства. Пример тому — «тигриный саммит», прошедший в Петербурге. Там собрались представители всех «тигриных» (ещё сохранивших тигра) госу-

дарств. Выработывались общие концепции, стратегии... Будем надеяться, что дело сохранения тигра в России и в мире не ограничится словами и решениями, записанными на бумаге.

А что может сделать отдельный человек? Немного. Если он работает в природоохранном учреждении, он может честно исполнять свой долг — бороться с браконьерством. Если работает в других учреждениях — внести деньги, спонсируя какое-то конкретно направленное на сохранение природы мероприятие. Или поучаствовать в нём лично. Конечно, в любви к природе необходимо воспитывать своих детей, которые с детства должны знать: что хорошо, что плохо, а что совсем недопустимо. И, конечно же, необходимо самому выполнять все природные заповеди: не убивать, не сорить, помогать птицам зимой, не обращаться жестоко с животными и не позволять этого другим...

Только при таком «природоохранном» мировоззрении может спастись наша природа и вместе с ней — мы. Но, надо признать, при нашем настоящем непонимании созданных нами же проблем до этого

далеко. Хорошо, если не поздно. В природе многое уже загублено. Истреблены многие виды, сведены леса, уничтожены степи. С этим сделать уже почти ничего нельзя. И всё-таки...

Авторы этой книги посягнули на почти невозможное: возрождение исчезнувшей в Азии популяции алеутской канадской казарки. Идея восстановить исчезнувший ещё в начале XX века подвид гусей невероятно масштабна и в воплощении в жизнь трудна.

Когда-то эта казарка была многочисленна в густых травяных зарослях Алеутских, Курильских, реже — Командорских островов, в фауне которых не было наземных хищников: лисиц, песцов, крыс. Она жила здесь со стеллеровой коровой и плото летающим стеллеровым бакланом.

С 18 в. здесь появились промышленники — сначала русские, потом японцы, американцы. Животный мир островов изменялся до неузнаваемости, алеутская казарка была обречена. Об этом мы узнаём из книги Герасимовых.

Ещё недавно считалось, что «алеутский гусь» практически вымер. Однако в 1970-х гг. на одном из Алеутских островов американские учёные нашли несколько сотен этих птиц. И сумели их сохранить и приумножить.

В ноябре 1989 г. Н.Н. Герасимов, тогда уже видный деятель охраны природы Камчатки, был приглашён в Японию и увидел в зоопарке этих красивых миниатюрных гусей. И — влюбился в них с первого взгляда. В русском национальном характере нет-нет да и проявляется такая черта — одержимость в хорошем смысле этого слова, когда какое-то чувство, переживание, мысль уже не дают покоя. Так случилось с Николаем Николаевичем. Он тут же объявил японским коллегам, что берётся вернуть алеутского гуся в Азию. А они сообщили об этом «заявлении» орнитологам США, уже много лет

занимавшимся спасением этой птицы на Алеутах. Жребий был брошен!

В Японии есть Ассоциация защиты диких гусей — сильное общество, без государственных дотаций, за счёт членских взносов и пожертвований отдельных фирм помогающее сохранению диких гусей, слетающихся на зимовку в эту, по сути, крохотную страну с просторов Восточной Сибири, с Камчатки.

Восстановить популяцию алеутской казарки в Азии — легко сказать!

Это перелётная птица и, значит, её нужно заставить жить и размножаться там, где она жила когда-то, научить летать на зимовку в другую страну, где она когда-то зимовала. И она — дикий гусь, объект беспощадной охоты, ведущейся сейчас почти без правил. Сейчас вдоль восточных побережий Азии (и в Восточной Азии вообще) мигрирующим птицам фактически объявлена смертельная война.

В книге великолепно описаны все перипетии развития проекта восстановления азиатской стаи алеутских казарок. И ярко показаны все трудности, свалившиеся на голову авторов.

Главная трудность — полное отсутствие финансирования. Герасимовы начали свою программу в начале 1990-х годов — уже после развала СССР. Академия наук обнищала и финансировать проект не могла; даже зарплату тогда платили нерегулярно. «Мы и в самом деле были ненормальны, когда без копейки гарантированного финансирования брались решать проблему, подобную той, что обеспеченные всем американские коллеги решали 30 лет!» — пишут Герасимовы.

Важно ещё и другое. У Герасимовых на осуществление этого грандиозного проекта ушло около 20 лет — треть жизни. Вот уж где одержимость проявилась в самом хорошем

смысле этого понятия. Конечно, поставленная задача порой казалась непосильной.

Но всё-таки ОНИ СДЕЛАЛИ ЭТО! Азиатская популяция алеутской казарки возрождается, год от года численность птиц растёт. И в душе читателя это не может не найти отклика. Я уверена, что такая светлая, тёплая книга будет иметь большой успех. Герасимовы пишут о своих казарках, о гусятах, как о родственниках, о детях.

После прочтения этой книги остаётся светлое впечатление о простых нормальных людях с великолепным набором человеческих качеств. Сейчас говорят о падении нравственности, о распространении власти денег — это мы слышим с экрана телевизора, этого полно в книгах и газетах — настолько, что не хочется ничего нового читать.

А после прочтения этой книги — как будто заглянул в волшебную страну, где люди добры и прекрасны.

В книге отличные диалоги. Они очень оживляют текст и помогают понять отношение авторов к людям. Герасимовы показали себя прекрасными психологами. В результате многие основные пороки нашего современного общества нашли в этой книге отклик. Хороши и стихи И. Губермана, которые авторы два раза цитируют в тексте. Например, о руководящих чиновниках:

*Мне жаль небосвод этот синий,
Жаль землю и жизни осколки.*

*Мне страшно, что сытые свиньи
Страшней, чем голодные волки.*

А как хорошо Герасимовы описывают и «сортируют» посетителей питомника и вообще всех, кто помогал (или не помогал) их святому делу. К сожалению, о Москве и московских деятелях там мало тёплых слов — оно и понятно. Зато во многих случаях среди местных чиновников, даже таких в нашем понимании «испорченных», как таможенники и налоговики, исполнители проек-

та находили поддержку. И это написано так просто, задушевно, что приятно читать.

Очень хорошо видны любовь, взаимное уважение и поддержка в семье авторов: «Как всегда, в нужные минуты и в нужном месте оказалась Аля. Птиц мы вернули всех, и это уже само по себе явилось маленьким чудом...». Герасимов приводит замечательное высказывание Жана Мишеля — сына знаменитого Ива Кусто — о своей матери: «Она душа и сердце нашей команды, и мне кажется, что она истинный капитан нашего Калипсо!» В книге постоянно мелькают слова о незаменимости, о большом чувстве такта и заботливости Аллы Ивановны. «Мама-сан» — называли её посещавшие питомник и жившие в доме авторов японские орнитологи. А в одном месте мы читаем: «...(в августе) мы с Алей праздновали 50-летний юбилей совместной жизни. С нами это торжество отмечали все наши камчатские друзья...»

И что ещё замечательно: авторы не были задавлены и угнетены своим нелёгким ежедневным трудом. Это видно из того, как поэтично рассказывают они об окружающей их природе, о певчих и других птицах. «Природа сегодня прямо сказочная. Погода прекрасная: тишина, солнце, голубое в лёгких вуалевых облачках небо...» — записала в дневник Алла Ивановна 26 декабря 1995 года.

Мне очень близко то, о чем говорят Герасимовы. Я читала эту книгу и как воспоминание о собственной жизни. Мы с мужем тоже работали всю жизнь вместе, он тоже был во многом одержимым. А судьба Али — это хорошая, настоящая судьба русской женщины, лучшей и не надо.

Побольше бы нам таких светлых, зовущих творить добрые дела книг!

Э.В. Рогачёва

Доктор биологических наук, профессор



От лица первого автора

Отсчёт дням своей по-настоящему сознательной жизни я веду с двенадцати лет, когда отец на день рождения подарил мне одностволку — «ижевку». Порядки в те времена были не такими драконовскими, как сейчас, и мы, 12—14-летние пацаны, спокойно и гордо шествовали по окраинным улицам города Иванова с ружьями. Мы были охотниками!

Неповторимы, не блекнувшие яркие воспоминания о тех охотничьих годах. Особенно об охоте весенней. Водные разливы на полях, носящиеся над ними стаи уток начинали мне снится задолго до их появления. С наступлением Нового года я уже ждал дня 1 марта — календарного начала весны. Затем, когда этот день наступал, каждое утро, едва проснувшись, торопился к висящему на стене календарю, срывал с него листок и с нетерпением ждал следующего утра, так как завтра утром до настоящей весны останется ещё одним днём меньше.

Наконец эта настоящая охотничья весна наступала! И мы, задолго ещё до официального открытия охоты, но строго до срока её закрытия, старались возможно больше времени проводить за городом, на залитых талыми водами полях. Палили по уткам, пролетающим и в стаи и в двухстах метрах. Грохоту от нас было много, добычи обычно — ноль.

Я навсегда запомнил первую и на многие годы единственную в наших угодьях встречу с гусём. Кто-то из мальчишек уви-

дел его, летящего в поднебесье едва ли не в километре от нас. В мгновение все мы распластались по сырой холодной земле, хотели вжаться в неё, раствориться в ней: вдруг налетит! Не налетел. Впрочем, как подумал я через годы, та птица могла быть совсем не гусём, а гагарой.

Все мои молодые годы, да и большая часть «взрослых» лет, прошли во времена, когда за граница для большинства из нас была столь же недосыгаема, как обратная сторона луны. Эпоха была такая. Отсюда печальный «промах» моего раннего бытия: ни в школе, ни в институте я не прилагал стараний к изучению иностранного языка.

После окончания института (это была Судьба!) я выбрал для себя Камчатку. Да, я мечтал связать свою жизнь с наукой. Но опять же у Провидения на этот счёт, очевидно, были свои планы. И первые двадцать с лишним лет я в качестве государственного охотничьего инспектора отдавал себя охране природы Камчатки. Поначалу, наверное, был больше охотоведом-инспектором, чем орнитологом. Но и то и другое являлось призванием, двумя неотъемлемыми составляющими моей жизни. И я не разрывался, как иногда говорят, между работой и «хобби», а с одинаковым рвением боролся с браконьерством и изучал фауну птиц Камчатки.

И вот одно из самых ярких воспоминаний, связанных с моей первой встречей с камчатскими гусями. Мы с егерем Николаем Павловичем ждём начала вечернего перелёта гусей. На добычу первого камчатского, а, по сути, вообще первого своего трофея — гуся я не надеюсь и потому открыто сижу на речной песчаной косе. Солнце уже несколько минут как утонуло в море, и там, на фоне холодной, позднесентябрьской красноватой полосы заката вдоль морского берега одна за другой



Тундровые гуменники Западной Камчатки

плавно проплывают небольшие группы тихоокеанских чаек — *Larus schistisagus*. Фиксируя время, такая у меня уже сложилась привычка, я считаю птиц... Как вдруг: «Николай! Смотри!» Одинокий гусь летел стороной. Я замер, а он, увидев меня, резко повернул и полетел навстречу своей гибели. Утром, вскрывая птицу, я, уже как орнитолог, видел, что эта взрослая самка тундрового гуменника — *Anser fabalis serrirostris* — летом имела кладку. Следовательно, у неё был гусь-самец, и, вероятно, у них была полная семья. Почему же она летела одна, без самца и молодых? И не потому ли гусыня, всё ещё надеясь разыскать потерянных членов своей семьи и заметив на знакомой ей косе что-то необычное, так странно себя повела? И... практически не родившийся охотник на гусей во мне уже умирал.

Потом мы увидели охотников. Их было трое: рыбинспектор из местных и два в «немалых чинах руководящих товарища» из Петропавловска. Я, главный госохотинспектор Камчатки, никогда не искавший общения с подобными людьми в городе, видел их впервые. Познакомились, охотничьи билеты у них были в порядке, не вызывали нареканий и нормы добычи. А мне осмотр их трофеев преподнёс и очень приятный сюрприз: два из шести отстреленных охотниками гусей принадлежали к самому крупному и редкому подвиду гуменника, таёжному — *A.f. middendorffii*. Охотники сказали, что приезжают сюда не первый год, и место это им очень нравится. Пришлось моих новых знакомых разочаровать: я объявил им, что, вероятно, уже к концу этого, 1972 года река Морошечная будет объявлена зоологическим заказником.



С рекой Морошечной, с гусями этого замечательного заказника у меня, у моего сына Юрия, у наших коллег — японских орнитологов в дальнейшем будет связано очень многое. И рассказывать об этом исключительно для сохранения гусей природном резервате я мог бы очень долго. Но, как говорится, сейчас это не та тема.

Впрочем, такая ли уж другая? Ведь главными героями нашего повествования будут гуси. Уже тогда, с отстрела той несчастной гусыни, одной из важнейших целей моей ещё долгой после 1972 года деятельности в качестве инспектора стала охрана диких гусей нашего полуострова. Следом за рекой Морошечной с моей подачи на Камчатке будут «заказаны» ещё несколько новых территорий, в число главных задач которых войдёт прежде всего сохранение камчатских гусей и их местобитаний.

Это были годы ныне преданной анафеме советской власти. Однажды, уже при власти новой, выступая перед депутатами, я сказал, что отнюдь не являюсь апологетом ушедшего социалистического мироустройства. Но о руководителях Камчатки 70—80-х годов XX столетия, по крайней мере о её «первых лицах», на любом уровне, перед любой аудиторией я буду говорить только добрые слова. От них за многие годы я, главный госохотинспектор Камчатки, не получил ни единого отказа в принятии любого природоохранного решения. А начиная с 1972 года, в течение ряда лет, на Камчатке были узаконены и

взяты под действенную охрану более полутора десятка образованных нами зоологических заказников. Впрочем, насколько я смог узнать из старых документов, столь же бережное отношение к природе Камчатки отличало и её руководителей прежних десятилетий.

Это рассказ о многолетней жизни авторов с прекрасными созданиями Природы — алеутскими канадскими казарками. Мы хотим поделиться с Вами, читатель, тем, что смогли узнать об этих замечательных птицах, прожив рядом с ними полных семнадцать лет. Много ли мы смогли о них узнать? Конечно же, немного. И всё-таки наши наблюдения зачастую были настолько интересны и неожиданны, что, рассказывая о них многочисленным посетителям питомника, мы видели их искренний интерес, удивление, а иногда и деликатное неверие.

Впрочем, вот что сказал изучавший социальные отношения в стае диких серых гусей (*Anser anser*) великий австрийский учёный-этолог Конрад Лоренц:

«В наше время слишком значительная часть человечества отчуждена от природы... Люди утратили способность понимать живые создания и общаться с ними. Эта утрата помогает разобратся, почему человечество в целом демонстрирует такой вандализм по отношению к миру живой природы, окружающей нас и питающей нашу жизнь».

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Первая встреча

В 1984 году мне наконец предоставилась возможность расстаться со своим родным Управлением охоты, с чиновничьей должностью и перейти во ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства, а затем и в академический институт. И здесь я наконец получил возможность отдаваться тому, к чему стремился многие годы — своей любимой науке орнитологии. Однако по чьей-то недоброй воле я считался «невыездным». А это значило, что без каких-либо объяснений меня не пустили бы за границу, даже как туриста, в любую из дружественных нам, так называемых демократических стран. Впрочем, к «демократам» я и не стремился. Мечтал же о поездке в Японию, но в те годы эта страна могла мне только снится. И снилась.

Но вот случилось, казалось бы, невероятное: мы «открылись» для Мира, Мир — для нас. И в 1989 году, когда меня уже знали как достойного партнёра японских исследователей и «защитников» гусей, я получил приглашение посетить страну моей мечты, моих сновидений. За прошедшие с

тех пор годы за границей я побывал немало раз. И в Японии бывал не однажды. Но та, самая первая поездка в Страну восходящего солнца до сих пор кажется мне невероятно прекрасным и в то же время бредовым сном. Сразу скажу, что удивительно сказочной Япония будет для меня всегда.

Раньше я считал себя достаточно сильным человеком, но все семь дней первого знакомства с Японией явились для меня потрясающим стрессом. Был весь как туго скрученная пружина и серьёзно встревожился после третьей подряд бессонной ночи. Ещё сутками ранее, когда мы с японскими ребятами рассматривали в полевые трубы кормящихся на поле гуменников, под ногами у меня заходила земля. Землетрясение?! Посмотрел на парней и понял, что земля качалась только под моими ногами. Этот симптом ничего хорошего мне не обещал, недели такого напряжения я бы просто не выдержал. И потому решился на крайнюю, но действенную меру: вечером следующего дня после третьего, последнего запланированного для меня доклада я в присутствии своих новых друзей, но



Я стоял около этих птиц, ещё не понимая, какая сила меня удерживает

практически один выпил бутылку водки, после чего, подбадриваемый удивлёнными восклицаниями японских коллег, ещё и бутылку джина. Пик стресса был снят, я прекрасно выспался, но диагноз мне поставили: доктор Герасимов — сакеноми, пьяница! Потом, уже в начале девяностых годов, когда и на Камчатку стали приезжать японские коллеги, моя жена Аля пыталась убедить их в том, что я далеко не та-

кой любитель водки. Хотелось надеяться, что со временем они в это поверят, но шли годы, и вдруг кто-нибудь из останавливавшихся у нас японских любителей птиц заявлял, что он «очень хочет попить водки с доктором Герасимовым».

Кажется, это было так недавно. В один из очень даже прохладных, но по-прежнему чудесных (я же был в Японии!) дней конца ноября 1989 года меня впервые привез-

ли в зоопарк Ягияма города Сендай. Маленький, компактный, очень чистый и светлый, он, мне думается, является эталоном для небольших зоопарков. Специально ли меня сюда привели или это получилось само собой, но как-то сразу я оказался перед вольерами с редчайшими гусями мировой фауны — алеутскими — *Branta canadensis leucopareia* и гавайскими — *Branta sandvicensis* казарками. И здесь, около этих замечательных птиц, я буквально застрял.

Я стоял и смотрел на стайку миниатюрных гусей. Строгая красота алеутских канадских казарок завораживала. Я смотрел и смотрел на них, не понимая, какая сила не даёт мне уйти, цепко держит около этих птиц. Мог ли я тогда знать, что именно здесь и сейчас на многие, возможно — самые последние годы жизни определяется моя, наша с Алей судьба. Судьба с её надеждами и разочарованиями, радостями и болями, годы которой я ни за что на свете не захотел бы обменять на тот же срок праздной безбедной жизни. Этого я, конечно, пока не знал.

Алеутский гусь — история гибели популяций

Но что я знал тогда об алеутской казарке? Знал, что в России, на Командорских островах в XVIII веке она жила рядом со стеллеровой коровой и плохо летающим бакланом Стеллера. Первой человек уничтожил доверчивую морскую корову. Следующей жертвой стал баклан. А уже его алеутская казарка Командорского архипелага пережила всего лишь на несколько десятков лет. Мне было известно, что довольно многочисленная стая этих гусей обитала на Средних и Северных Курилах. Судьба их трагична — казарки азиатской

популяции ещё в начале XX века исчезли до последней особи. Навсегда. И ещё мне было известно, что тысячи этих птиц, но уже популяции американской, не так давно жили на островах Алеутской гряды.

И всё-таки, что за птица эта милая маленькая казарочка? И что за сила смогла уничтожить недавно ещё столь многочисленные её стаи? Алеутская канадская казарка — один из подвидов канадского гуся. В Америке эту птицу называют алеутским гусём, в Японии — сидзюкара-ган. Жизнь других подвидов канадского гуся связана с сильно обводнёнными биотопами, с водоёмами. Около воды, под её защитой они проводят значительную часть жизни, гнездятся, линяют, на водоёмах спасаются от возможных своих четвероногих врагов. То же можно сказать и о других гусях Северного полушария. Крупные представители отряда гусеобразных нередко могут постоять за себя и за своих не летающих ещё малышей, противопоставив силе силу. Наша же алеутская казарка, один из самых мелких подвидов (вес её редко достигает двух килограммов), нашла для себя не характерную для большинства гусей экологическую нишу: она поселилась на небольших, лишённых наземных хищников морских островах северной части Тихого океана. Двести лет назад неисчислимы тысячи этих птиц гнездились на островах Алеутского архипелага, в меньшем числе, но тоже тысячи — на Северных и Средних Курильских островах, вероятно, в значительно меньшем числе жили они на Командорах. Гуси американской популяции с Алеутских островов улетали зимовать в юго-западные районы Северной Америки. Птицы же азиатские в качестве «зимних квартир» выбрали для себя Японские острова, частично Корейский полуостров, возможно, залетали

и на земли Китая. Мой друг профессор Мичио Сузуки потом рассказал, что в японском литературном источнике двухсотлетней давности сообщается о сидзюкараган, которые прилетали зимовать на острова в числе, превосходящем все другие виды гусей, вместе взятые. Значит, можно предположить, что на японских зимовках алеутские казарки исчислялись десятками тысяч особей.

В начале сороковых годов XVIII века вслед за Витусом Берингом и Алексеем Чириковым на восток, к островам Алеутской гряды, устремились русские авантюристы-промышленники. В 1744 году с острова Беринга на Камчатку с богатейшей добычей пушнины — шкур морского бобра и песцов — возвратился мореход Емельян Басов. Это тотчас возбудило аппетиты у русских купцов. И едва Басов на следующий год вновь двинулся в сторону Командорских островов, следом за ним, но с устремлением пойти дальше, на неопромышленные ещё места, отправился шитик «Евдокия». Командовал им мореход Михаил Неводчиков, которому, как считают некоторые, принадлежит честь фактического открытия первых островов Алеутской гряды — Атту и Агатту. Следом за «Евдокией» на Атту ушёл шитик «Иоанн» под командованием Андреяна Толстых. Открытие всё новых и новых островов океанической островной дуги шло стремительно. Но, казалось, ещё быстрее истощались обнаруженные здесь лежбища морских котиков и стада каланов. Зато росли аппетиты купцов, снаряжавших суда, и жажда наживы самих добытчиков: ненасытной натуре человека нужна была пушнина. Но чего не было на ближайших к Камчатке Алеутских островах, так это наземных пушных зверей. И сметливый ум промышленного люда обратил внимание на, как казалось, со-

вершенно «бесплезное» обилие на всех этих островах морской птицы. Чайки, глупыши, многочисленные чистики гнездились прямо «под ногами». А что, если эти переполненные птицей острова и островки заселить пушными животными, например, песцами или лисами? Летом они будут отъедаться на птице, размножаться, а зимой голодный зверь сам пойдёт человеку в руки. История сохранила имя первого «преобразователя природы» Алеутских островов. Им был мореход Андреян Толстых. Это он во время своего второго похода, перезимовав на острове Медном, в 1750 году захватил с собой парочку песцов и выпустил их на острове Атту. Вселённые хищники размножались с поразительной быстротой. Менее чем за десять лет их здесь добыли более тысячи. Песцов между тем продолжали развозить по другим островам, и ещё через пять лет возвращавшийся из очередного похода на Алеутские острова Толстых вёз уже более пяти тысяч высоко в те времена ценившихся песцовых шкурок. В отличие от песцов лисицы в восточной части Алеутской гряды жили и ранее. Их стали расселять на запад, и вскоре на некоторых островах, в частности на Кыске, лисица стала более многочисленной, чем в местах её исконного обитания.

На большинстве посещаемых мореходами островов, кроме настоящих морских птиц, жили ещё и маленькие странные гуси. Гнездились они в островном высоко травье, в траве же переживали и неспособность летать в период линьки.

На беду гусей, мясо их пришлось по вкусу мореходам. Люди убивали их без меры, ловить беззащитных птиц помогали привезённые на судах собаки. Уходя с островов, промышленники заготавливали «гусятину» впрок. Часть российского люда, а с ними и собаки оставались на островах на



Островная растительность и кормит, и защищает этих птиц

годы. На шитиках с людьми на Алеуты пришли и крысы. И все они — люди, собаки, вселённые хищники, расплодившиеся без меры крысы — убивали, убивали и убивали исконных островных обитателей.

Богаты морской птицей были и острова Курильской дуги, а на Северных и Средних Курилах в изобилии жили также алеутские казарки. Но здесь отсутствовали котики и песцы, на большей части островов не было лисиц, и потому эти земли поначалу не были так притягательны для авантюрных русских промышленников. Активное освоение Курильских островов русскими мореплавателями началось только в XIX веке. Но с юга навстречу им двигались японцы. Русские расселяли по островам лисиц, японцы строили зверофермы, разводили песцов, лисиц, норок; те нередко вырывались на свободу. Очень скоро во всей Курильской гряде свободными от наземных хищников остались лишь два небольших острова — Экарма и Чиринкотан. Кроме ма-

лых площадей, они были «неудобны» для людей наличием активных вулканов, труднодоступностью для высадки и вообще непригодностью для любых форм хозяйствования. На этих двух островках какое-то время и жили последние алеутские гуси азиатской популяции.

Все до единой эти птицы исчезли из фауны Азии в тридцатых годах прошлого столетия.

Так, открывая один за другим острова Алеутского, а затем и Курильского архипелагов, наряду со «славой российскому флагу» наши мореходы-промышленники несли с собой неисчислимы беды аборигенному животному миру. Вселение на острова хищных млекопитающих принесло гибель миллионам птиц. Они спасались, как могли: одни виды поднялись на неприступные скалы, другие поглубже закопались в норы и каменистые осыпи. На оккупированных хищниками островах не смогла найти укрытия лишь беззащитная и по-

тому обречённая на погибель алеутская канадская казарка...

К концу первой половины семидесятых годов XX столетия считалось, что на всей планете в дикой природе доживают едва ли более десятка алеутских гусей. В зоопарках этих птиц не было. И это значило, что возродить популяцию удивительного островного жителя — гуся невозможно. Но случилось, казалось, невероятное: на одном из Алеутских островов американские коллеги обнаружили чудом сохранившихся несколько сотен замечательных алеутских гусей. И орнитологи «ударили в набат». А сейчас, когда я стою здесь, в зоопарке Ягияма, учёные «US Fish and Wildlife Service», правительства двух штатов, природоохранные организации, богатые землевладельцы и сотни энтузиастов прилагают колоссальные усилия к тому, чтобы вывести эту замечательную маленькую казарочку из предсмертной комы.

Такова драматичная, чудом не ставшая трагедийной история маленького алеутского гуся.

Иногда я думаю: вправе ли мы сейчас винить людей того давнего времени, стремившихся всего лишь «исправить» то, что, по их мнению, «не доделала» Природа. Боюсь, судя по делам нашим собственным, не вправе.

Я вынес себе приговор

Как я уже сказал, от вольеров с казавшимися волшебным образом красивыми птицами в тот раз меня не отпускала необъяснимая, неодолимая сила. Лишь достаточно долгое время спустя, осмысливая, переживая те минуты вновь, я понял, что это была за сила. Название ей — любовь с первого взгляда! Сейчас же, основательно про-

дрогшего, меня пригласили в офис зоопарка, где мне предстояло познакомиться с его руководством и ведущими сотрудниками. И здесь едва ли не с первых своих слов я объявил японским коллегам, что «берусь за проект возврата алеутской казарки — сидзюкара-ган в Азию!». И этим сам себе вынес и сам подписал нелёгкий приговор. И ладно, если бы только себе.

Руководители японской Ассоциации защиты диких гусей — JAWGP Ёсио Ёкота и Масаюки Куречи сообщили обо мне и о моём решении учёным США. И началась долгая, более чем двухлетняя, переписка с американскими коллегами. Настроен я был решительно и уже в первом письме заявил о желании получить из Америки родительскую стаю алеутских гусей. Японские друзья, очевидно, отрекомендовали меня достаточно хорошо, и для начала мне пришлось уточнить лишь некоторые детали своей «камчатской биографии». Тем не менее тестом на мою профессиональную состоятельность, очевидно, должна была стать программа действий на случай получения птиц.

Однажды, обсуждая роль учёных в жизни общества, я разошёлся во взглядах с одним из искренне уважаемых мною коллег. Он уверял, что одно из главных предназначений учёного — рождение идей. Методы, пути претворения мысли учёного в жизнь — это уже удел исполнителей-практиков. В понимании коллеги мы должны были лишь родить идею, и пусть другие думают, как умную мысль воплотить в реальность. Я же по своему приземлённому разумению считал и считаю, что, родив идею, учёный должен в деталях представлять пути ее претворения в действительность, а при необходимости быть способным возглавить коллектив для практического воплощения им же рождённой мысли.

Уже неоднократно я имел возможность убедиться, что попытка, сидя за столом, с первого раза мысленно решить какую-то серьёзную задачу со многими неизвестными мне не удаётся. Так было и в этот раз. Я послал в США требуемое, американские коллеги мою программу отвергли. То же случилось со вторым её вариантом. Наконец, третья версия моих предполагаемых действий по практическому решению «Проекта возрождения в Азии мигрирующей популяции алеутского гуся» показалась убедительной. И в конце 1991 года я был приглашён в США. Там и состоялась наша первая встреча с Верноном Бёрдом, лидером группы американских учёных, работающих с алеутским гусём в этой стране. Уже при этой встрече (а первый, «прицельный» взгляд на человека не обманул меня ни разу в жизни) я увидел, насколько этот человек надёжен и доброжелателен. Мне остаётся лишь сожалеть, что встреч с ним у меня было очень мало.

— Сколько вы хотите получить птиц? — спросили меня в этот раз.

— Десять пар.

— Да? — Мне показалось, что Вернон ожидал другого ответа и потому был несколько удивлён. — Мы тоже думаем передать вам столько же.

В начале января 1992 года, получив приглашение на участие в «Седьмой конференции по арктическим гусям Северной Америки», я опять в США.

— В этом году мы дадим вам гусей! — обрадовал меня Вернон.

— Но только после того, как вы постройте ферму! — предельно жёстко охладил мой восторг Кент Вол, ответственный чиновник «U.S. Fish and Wildlife Service».

Домой я возвращался окрылённым — нам дают казарок!

Мы строимся

О первых симптомах начавшегося обвала российской экономики я услышал, ещё находясь в Калифорнии. Но, витавший тогда в облаках красивых грёз, совершенно далёкий от экономики как научной, так и практической дисциплины, истинные масштабы грядущей для всей нашей страны катастрофы я в эти январские дни представить себе был не в состоянии. Что значило это колоссальное бедствие для моей идеи, я, тем не менее, осознал довольно быстро. Нас не замедлили известить, что в одночасье обнищавшая Российская академия наук не может больше финансировать научные проекты, деньги на их осуществление учёные должны искать, зарабатывать сами. И это могло означать, что едва рождённая мной идея была уже при смерти.



Анатолий Коваленков

Но на Камчатке был Анатолий Коваленков, в те годы — директор Елизовского охотничье-промыслового хозяйства и в то же время президент только-только образованной акционерной компании «Согжой».

О Коваленкове, ранее руководившем одним из северных камчатских госпромхозов, я уже рассказывал в своей первой книге и сейчас лишь вкратце повторюсь. Мы подружился за какие-то три дня жизни в маленькой комнатухе общежития Иркутского сельхозинститута — оба мечтали стать студентами-охотоведами. Мне повезло больше, Анатолий «не осилил» экзамена по физике. Прилетел в Иркутск через год — не хватило одного балла. И он отнёс документы в пушно-меховой техникум. В Иркутске все праздники мы встречали вместе, вместе же задержали и первого для меня сибирского браконьера. По окончании техникума он, «охотовед-производственник», выбрал для себя север Камчатки. Двумя годами позже в качестве «законченного» охотинспектора здесь же объявился я.

Шли годы, Коваленков, подняв «из руин» одно хозяйство, «перебрался» в Елизово. И, как когда-то мне на Севере, теперь уже безотказно помогал и охотинспекторам и «научникам». Нужен бензин — к Коваленкову, стройматериал для зимовий и научных стационаров — к Коваленкову, вертолёт для заброски в угоды — к нему же. И всё это для нас, охотоведов, только за «спасибо».

И сейчас надежда была только на него. Анатолий выслушал меня и, подумав какие-то секунды, сказал:

— А ведь это очень здорово! Изложи свою программу на одной страничке. Мы обсудим её с учредителями компании. Позвони через три дня.

В назначенное время я услышал:

— Доложил твою идею учредителям, просил поддержать. Мне показалось, что никто ничего не понял, но проект финансировать согласились.

С начала мая 1992 года я уже искал место, где могла бы быть построена ферма (потом мы будем называть её питомником) алеутской казарки. Участок для неё нашёл, можно сказать, неожиданно для себя здесь же на территории, входившей во владения АКО «Согжой». Коваленков сразу одобрил мою «находку», сказав, что давно «защищает» этот участок от разных покупателей и это именно то, что нам нужно.

Территория будущей фермы располагалась практически на самом берегу реки Авача и отделялась от неё фрагментами некогда сплошного забора из металлических плит. Облюбованный участок на три четверти был покрыт сплошными зарослями шиповника, ещё на четверть изрыт руслами речных проточек, захламлён стволами упавших деревьев. Имелся здесь и небольшой водоём — отсыпанная часть старой протоки Авачи. Место для будущего питомника, как выяснилось, оказалось просто идеальным.

Мы начинали втроём: в работу по строительству фермы, кроме меня, включились научные сотрудники Владимир Савенков и Виктор Дьячков. Исторической же вехой для нас стал день 10 июля 1992 года, когда Володя с Виктором вкопали первые три столба будущего забора. Не раз впоследствии реконструируя нашу территорию, я сохранил эти столбы как реликвию, они и сейчас стоят на «своём» месте. А пока главной задачей, которую должны были решить Володя с Виктором, стала постройка забора по внешнему периметру питомника. Потом мы будем свою территорию наращивать, будем строить десятки вольеров. И Володя



Старший научный сотрудник — «главный строитель» питомника Владимир Савенков

пока не знал, что ему предстояло выкопать сотни ям под столбы, прокопать вдоль заборов едва ли не километр траншей для заземления в них металлических плит.

Однако будущие строительные масштабы никто из нас в эти дни представить себе ещё не мог.

Мы пока не осознавали и того, что занимавшие нас «мелкие проблемки» проходили в последние дни стремительно испаряющихся особенностей социалистического хозяйствования. Во времена советской власти возглавляемый Анатолием Коваленковым госпромхоз «Елизовский» процветал. Территория производственной базы хозяйства, часть которой мы сейчас оккупировали, была завалена штабелями брёвен, досок, бочками с горючим, строительными блоками да и много чем ещё. Полны разнообразным имуществом были и склады хозяйства. С утра и до поздней ночи в госпромхозе кипела работа. И сей-

час всё необходимое для решения главной на данный момент нашей задачи, все возможности для этого были налицо. Тем более что Коваленков распорядился:

— Всё, что нужно Герасимову из находящегося на территории и на складе, отдавайте без дополнительных моих указаний!

Ни в чём не получая отказа, мы перетаскивали на территорию будущего питомника сотни металлических плит, десятки брёвен, кубометры досок, тонны цементного раствора, да и много чего ещё. И как же мы тогда были правы: пройдёт всего лишь несколько месяцев, и с территории хозяйства всё начнёт исчезать с поразительной быстротой. Куда уходит «всеобщее достояние», знали все, и самым вороватым, об этом говорили и рабочие и охрана, был один из руководителей хозяйства. Года три спустя пришло время, когда питомнику стал жизненно необходим водопровод, и, следовательно, нужны были трубы. Я обы-



Первые шаги: строится питомник, август 1992 года.
Справа налево: Тосио Икеучи, автор, В. Савенков, рабочий Алексей



Закладывается вольерный комплекс

скал всю давно уже идеально очищенную от былого изобилия территорию. На свалке набрал несколько кусков кем-то использованных и выброшенных ржавых труб, сложил их около ворот. В питомник зашёл главный инженер.

— Ну вот! Не зря говорят, что это ты всё тащишь с территории.

— Знаешь, что в таких случаях говорит народ: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала!»

Инженер умолк, но труб на другой день я уже не увидел.

По прошествии нескольких лет работы над проектом я как-то попытался кратко охарактеризовать уже прошедшие годы. Так вот этот первый, 1992-й, я назвал «Годом энтузиазма». Потом пойдут: «Год первого успеха», «Год больших надежд», «Год разочарований» и так далее.

Да, 1992-й для нас действительно стал годом подлинного энтузиазма: мы были окрылены надеждой, окрылены мечтой и верили в успех её воплощения в жизнь. Нам это по силам и мы вернём в нашу страну, в Японию, в Азию прекрасную птицу — алеутскую канадскую казарку!

Я убеждён, что истинный энтузиазм фактически является манией, психозом, и к тому же он «заразен». Удивительно, но это факт, что наша идея, вера в её не такой дальний успех буквально передалась очень многим общавшимся, работавшим с нами людям. А еще многих если и не «заразила», то уж точно «нагрузила» нашими заботами. И сейчас, когда мы с Алей взяли за эту книгу, поднимая все свои записи, листая дневники, я поражаюсь: сколько же труда вольных и невольных помощников было вложено в реализацию замысла, рождённого одним сумасбродом. Что бы мы стоили без них!

Многих, кому я обязан тем, что мы успели-таки сделать не только в первый наш год, но и в годы следующие, в этом мире не встретить уже никогда. Но как часто и хорошо вспоминаю я их, проходя какой-то участок нынешнего нашего питомника. Как много своего труда и желания хорошо сделать всё, о чём я просил, вложили они в воплощение нашей идеи. Сколько раз механизатор-«ювелир» Павел Селюков по моей просьбе тотчас гнал на нашу территорию трактор или экскаватор, и остающаяся после его тяжёлого бульдозера площадка была похожа на идеально ровный, только что не покрытый скатертью стол. Он очень много сделал для нас и ни разу, ни под каким предлогом не взял предлагаемой мной платы.

Когда Павел подготовил площадку под будущее зимовочное помещение для гусей — «зимник», я пригласил инженера-строителя и определил его задачу. Прораб стал указывать:

— Это дерево убрать, это тоже.

— Эти деревья здесь останутся.

— По нашим инструкциям вокруг стройплощадки на шесть метров не должно расти ничего.

— Здесь не ваши, а мои инструкции. Деревья не трогайте.

Присутствовавший при нашем разговоре бригадир строителей Николай одобрительно кивал мне из-за спины начальника. Ребят-строителей, возводивших «гусиный зимник», да и много чего «на совесть» сделавших у нас ещё, я вспоминаю только с самыми тёплыми чувствами.

Не понимал и не принимал нашего энтузиазма лишь главный инженер Поздняков. Привыкший всё, что не для себя, делать «тяп-ляп», он, не в пример рабочим, не хотел понять, зачем в зимнике настилать дощатый пол (хватит шлака из кочегарки), за-

чем стены внутри помещения отделывать строганой доской (хватит и шлакоблочного «дизайна»), а снаружи штукатурить и красить (это же хлев для скотины!). Но он не смел перечить воле Коваленкова, и всё делалось, как требовал я. Уже потом, когда нам привезли первых казарок, я показал Позднякову прекрасные пластиковые клетки с никелированными дверцами.

— Вот смотри, как к «скотине» относятся за границей!

Он молча покачал головой, и удивление инженера было искренним.

Но птиц пока ещё не было, и для нас работа на территории не останавливалась даже в «законные» выходные дни. К нам постоянно были прикреплены не менее двух рабочих «Согжоя». Не отвлекая Володы с Виктором от более ответственной и самой необходимой работы по установке внешнего забора, я с помощниками послабее сначала расчищал территорию от по-

гибших деревьев и, готовя площадку под будущие вольеры, сражался с зарослями шиповника. Поначалу очень уставал физически, потом сильнее стал уставать морально. Своего мы не имели ничего, а нужны были то топор, то машина, а то и ещё люди-помощники. Я должен был одно найти, что-то попросить, кого-то уговорить, а кого и просто «взять за горло». Ни Володя, ни Виктор в силу их характеров да и положения тоже с этой ролью справиться не могли, и потому ребятам оставалось лишь хорошо и весь день работать.

Когда для углубления и расширения нашего водоёма понадобился специальный экскаватор (его называли непонятным для меня словом «драглай»), которых в городе Елизово было всего лишь два, его нашли тотчас. По моим чертежам на механическом заводе сварили 12-метровый мост, добротные металлические ворота и полтора десятка металлических же дверей для

будущих вольеров. И, конечно же, всё это можно было заполучить только благодаря Коваленкову и в условиях пока ещё не испарившегося духа «социализма». Как? А очень просто: у нас нет металла, но есть рыба и икра, которых нет у вас; нам нужен автокран, а завтра и вы что-то захотите иметь от нас. И, наконец (хотя мне стыдно в этом признаться, и будет это много позднее), на территории появился, теперь уже частный, стройматериал, а мы не спим ночью и дружны с понимающими наши нужды охранниками.

Уже в первые дни и месяцы наших работ я основательно подружился с бессонницей, о которой раньше не имел представления. Повторяю: я с ней подружился. Насколько помню, бессонница никогда не приносила мне страданий. В первые дни и годы жизни в питомнике, проснувшись среди ночи, я сразу начинал в мельчайших деталях обдумывать, что и как будем сегодня копать, строить, что нам сегодня потребуется и где это брать. Давая утром задания, обычно не терпел, когда кто-то и что-то хотел делать иначе. Иногда Володя, а в последующие годы и моя жена Аля часто в таких случаях меня не понимали, обижались на резкость. Они же не знали, что многое, о чём я прошу, обдуманно и просчитано до мельчайших деталей и ушли на это многие часы немалого числа моих бессонных ночей.

Два с половиной месяца работы, и территория питомника имела, как нам тогда казалось, полностью законченную планировку. Делилась она на два обособленных участка: воспроизводственный и несколько меньший по площади, так называемый озёрный. На воспроизводственной территории имелось 10 обширных, «семейных» вольеров, большая часть «озёрной» была занята расширенным и углублённым водо-

ёмом. Между этими участками свежей побелкой красовался капитальный «зимник» для птиц. Общая площадь питомника позволяла построить ещё не менее десятка вольеров, и я тогда наивно предполагал, что мы имеем всё необходимое на все десять лет предстоявшей нам здесь жизни.

Наши посетители

Пока мы ещё не знаем, что за годы нашей работы питомник посетят многие тысячи гостей: дети, от детсадовского возраста и старше, их воспитатели, учителя, рабочие и пенсионеры, чиновники всех рангов, в том числе члены правительств разных стран, туристы и представители многочисленных СМИ. Будут нашими посетителями дипломаты, высокие гости — в ранге принцев. С некоторыми знаменитыми, просто известными или чем-то запомнившимися гостями нашего питомника мы будем знакомить вас по ходу своего повествования. А сейчас о самых-самых первых.

Когда только-только были закопаны те первые три столба, а место будущих вольеров ещё находилось в абсолютной власти шиповниковых джунглей, девушка-гид привела к нам троих немецких туристов — любителей птиц: руководителя одной из европейских ассоциаций защиты хищных птиц, его жену и товарища. Все с тех пор прошедшие годы я очень сожалел, что не взял тогда у них визитных карточек. Стоя около сплошных зарослей шиповника, я буквально «на пальцах» рассказал гостям о том, что и ради чего здесь скоро будет. Гости видели и понимали, что я делился с ними всего лишь своими грёзами, но, очевидно, мой рассказ был очень убедителен — коллега достал из кармана две банкноты по 500 немецких марок и протянул их мне.



Фрагмент озёрной части территории питомника



Американский «гусиный папа» Форрест Ли на Камчатке, октябрь 1992 года

— Это наш вклад в ваш замечательный проект!

Я очень надеюсь что эти, самые первые наши гости имели возможность убедиться в том, что их «вклад» был использован по назначению.

А какое-то время спустя многочисленным посетителям нашего питомника — коллегам-учёным, российским и иностранным туристам я буду часто повторять одну фразу:

— В наше время в нашей стране за подобные проекты берутся только безнадёжные психи!

— Крэйзи!

— Нихт нормал!

— Фоль!

— Кёдзин! — будут по-доброму улыбаться иностранные гости.

А мы и в самом деле были ненормальны, когда без копейки гарантированного финансирования брались решать проблему, подобную той, какую обеспеченные всем американские коллеги решали трид-

цать лет. Но осознание этого пришло позже, и я отнюдь не кокетничал, когда опять и опять повторял: «В нашей стране за такие проекты может браться только сумасшедший!»

И бесконечное число раз вспоминал я о том, как не понравилась мне тогда жёсткая постановка Кентом Волом условия о строительстве фермы! Всего лишь по прошествии года-полутора я осознал, насколько он оказался прав.

Нам дают птиц

Птицы из США, сопровождаемые американскими коллегами Форрестом Ли и Брайаном Андерсоном, прибывали в Магадан. Анатолий Коваленков у кого-то «попросил» самолёт, и мы вылетели встречать наших друзей «на своём» Як-40. В аэропорту нас уже ждали магаданские ребята-орнитологи. Вовремя приземлился самолёт из Анкориджа. Таможенные формаль-

ности прошли легко и быстро прямо в аэропорту. Мне показалось, что «формальностей» как таковых не было вообще, и прямо из зала досмотра клетки с птицами мы вывезли на перрон к нашему самолёту. И после полуночи, в первые часы 1 октября 1992 года, в камчатском аэропорту нас встречали телерепортёры.

Казарочек для нас собирали «с бора по сосенке»: из частных коллекций и парков набрали 19 разновозрастных птиц. А отдавали, с этим потом согласились и американские коллеги, конечно же, не самых лучших. Вероятно, в моей способности воплотить заявленное в жизнь ещё сохранились сомнения: мало ли среди нас было всяких «прожектёров». Но, тем не менее, на Камчатке появились живые прекрасные птицы, и уже только от этого мы пребывали в восторге.

Наши, теперь уже наши (!) птицы прилетели с «паспортами»: каждая из казарок имела металлическое кольцо на одной ноге и жёлтое пластиковое кольцо-метку с

цифровым кодом — на другой. Своё «удостоверение личности» — пластиковые, разных цветов, нумерованные метки потом обязательно будут получать все птицы, родившиеся в нашем питомнике.

А сейчас наших новосёлов-казарок уже ждало капитальное, благоухающее ещё не просохшим деревом, чистенькое, обогреваемое электробатареями помещение, которое мы будем называть «зимником». Кстати, эта вот площадка перед зимником, впоследствии — и перед нашим домом впредь будет зваться «прихожей». Для летней жизни птиц было готово десять просторных вольеров. Коллегам из США такая встреча на Камчатке любимых ими гусей явно пришлась по душе.

Птицы на первую свою камчатскую ночь остались в вольере. Ни на день, ни на час, месяцы и годы им теперь не суждено оставаться без нашего присмотра.

А вот нам, неприкаянным, жить оказалось негде. Изобразив из клеток, в которых к нам привезли птиц, подобие ложа,



Казарок ожидало зимовочное помещение (конец сентября 1992 года)

*Наш дом годы спустя*

несколько ночей я провёл вместе с гусями в зимнике. Оказалось, что для такого соседства нужно иметь действительно крепкое сердце. Минимум четыре-пять раз за ночь тишина вдруг взрывалась дружным, спросонья кажущимся диким рёвом криком всех девятнадцати горластых «птичек».

Я опять у Коваленкова, и через несколько дней через наши ворота осторожно «пропятился» автокран, затем также задом медленно протиснулся большой грузовик, с которого краном сняли и перенесли на заранее подготовленную нами площадку железную автомобильную будку. В ней нам теперь и предстояло жить.

Настоящий дом для себя мы построим только через три года. Но к его «строительству» я приступлю чуть ли не годом раньше, ещё до закладки фундамента. Внеурочно просыпаясь, из ночи в ночь я мысленно буду конструировать, возводить и переделывать наш будущий дом. Выстроив его полностью, к утру я, казалось, ясно

видел даже разбитый под окнами газон, посаженные деревья. Утром всё «увиденное» рисовал на бумаге. Следующей ночью я опять его «доводил», улучшал, утром рисовал. И так было неоднократно. Дом потом нам будут строить трое парней, и в их числе Володя Савенков — младший, сын Владимира нашего. И здесь я едва ли не впервые соглашусь изменить некоторым своим ночным фантазиям. А когда мы наконец перейдём жить в дом настоящий, освободившуюся от нашего временного пристанища площадку застелем привезённым из леса дёрном. Сейчас это место мы называем «дикой клумбой».

Вступление второго автора

Ребята начинали свой проект без меня, и их самих для этого поначалу было достаточно. Они вели начальные строительные работы, и женский глаз в первые два и даже три года здесь вряд ли был бы так обя-

*Не полюбить этих птиц невозможно*

зателен: беспорядок в эти годы на территории был объясним и непобедим. Потом ушёл на свои проекты Юра Артюхин, почти «выпал» из программы отца и наш сын Юрий. Я ещё сомневалась, оставлять ли мне ставшую за 25 лет родной среднюю школу № 8. Но однажды, внимательно посмотрев на быт живущих в «железном ящике» наших мужчин, на тот вопиющий беспорядок вокруг их жилья, поняла, что, если я не хочу каждый раз при посещении питомника сгорать за них от стыда, моё место здесь.

Когда в 1997 году мы с трёхнедельным визитом побывали в сказке, я говорю о поездке в Японию, когда я увидела, как любят в этой стране птиц, обожествляют Природу, мне уже не казалось, что я своей профессии изменила, что предала её. Поняла, что затеянная ребятами программа, не очень ценящаяся в нашей стране, дейст-

вительно важна для многих других людей, для природы Земли.

Энтузиазм, которым на взлёте этого проекта были захвачены многие, постепенно угасал, сходил на нет, и это естественно: жить на пике даже самых положительных эмоций или постоянно восхищаться чем-либо, просто наблюдая со стороны, конечно же, невозможно. Оба Юрия всё более погружались в свою интересную жизнь, в проекте мы остались с Владимиром Савенковым. И здесь, в питомнике, я чувствовала себя всё более необходимой. Работать начинала «на общественных началах», потом была «узаконена» в должности лаборанта. Неожиданно, сколько уже лет не могу к этому привыкнуть, навсегда ушёл от нас Володя Савенков, и мы остались вдвоём. Жизнь не становилась легче, и даже наоборот. О том, как мы все эти годы жили, я думаю, лучше расскажет Нико-

лай, ему, конечно же, «досталось» много больше, чем всем нам, вместе взятым. Если говорить о прожитых мной здесь годах, я могу назвать их одним словом — Работа. Но это совсем не значит, что мне здесь было плохо и неинтересно. Повторяю: это работа, но это и жизнь с живыми, безмерно интересными существами. Жизнь, захватывающая, поглощающая тебя целиком.

Когда же встал вопрос о написании этой книги, я сразу сказала, что для таких трудов не готова и писать её должен Николай. Ему это более привычно. Но отказываться от посильной помощи не стала: читать и править рукопись будем вместе, что-то из им уже написанного «выбрасывать в корзину» лучше буду я. Соглашусь только с тем, меня или нас обоих касающимся, с чем действительно буду согласна.

А пока я передаю инициативу Николаю.

Наступил год 1993-й. По приглашению японской Ассоциации диких гусей я, в этот раз вместе с сыном Юрием, снова в Японии. К этому времени мне уже дважды удалось побывать в США, два лета у нас жили славные японские ребята из «гусиной» Ассоциации — Масаюки Куречи, Мичио Сузуки, Тосио Икеучи, Хисаши Сугава, парни из NHK TV. Восхищения Японией я не растерял. Здесь для меня всё было (и это останется, я уверен, навсегда) удивительным, экзотическим. Но, едва появившись в Сендае, хочу поскорее очутиться в зоопарке Ягияма, опять постоять у вольеров с сидзюкара-ган. Но оказалось, что всё уже решено помимо нашего желания. Мы в зоопарке, но строгий Куречи-сан и лучезарно улыбающийся Мичио Сузуки показали нам на часы и дали понять, что сейчас прежде всего нас ждёт другая встреча. И состояться она должна точно в обозначенное время. Это уже позже я стал осознавать, что высо-

координированная Япония — это далеко не расхлябанная, «вольная» Россия. У себя дома мы могли бы кому-то позвонить и сказать, что «сегодня или завтра постараемся заехать поговорить об очень важных делах». Здесь же, в Стране восходящего солнца, деловому времени знают цену и измеряют его даже не минутами, а, как потом мне стало казаться, секундами.

Нас провели в гостевую приёмную зоопарка, следом зашли серьёзные господа. Скорее всего, наша встреча являлась, что называется, дежурной, не предполагающей каких-либо серьёзных разговоров. Но я знал, что японская «гусиная» Ассоциация и специалисты зоопарка Ягияма уже немалое число лет бьются над той же проблемой — пытаются возродить мигрирующую азиатскую популяцию сидзюкара-ган. И сейчас сразу же решил высказать своё на этот счёт мнение. Попытался изложить свои доводы относительно невозможности воссоздания мигрирующей популяции этого гуся при выпусках его в природу здесь же, в Японии. Одним из приведённых аргументов было то, что для любой птицы домом является место, где она впервые поднимается на крыло, начинает летать. Получив свободу, например, на озере Фукусима, сидзюкара-ган не полетят на север, но, вероятно, легко смогут образовать местную размножающуюся стаю. Для этого нужно лишь увеличить число одновременно выпускаемых на озеро птиц. Но не к этому стремились японские специалисты.

И я предложил:

— Коллеги, давайте объединим наши возможности: ваши птицы и ваши деньги, наши птицы и наша работа. Выпускать гусей будем в местах их бывшего обитания. Этот проект мы сделаем вместе. Только вместе.



Строится «вторая очередь» зимника

Русские в подобной ситуации тотчас начали бы обсуждать предложение, одни сразу же согласились бы: давайте! А кто-то мог бы столь же поспешно идею отвергнуть. Но так, я повторяю, принято у нас, русских. На холодно бесстрастных лицах японских собеседников оказалось невозможным уловить ни малейшего намека на положительную или отрицательную реакцию. С тем они, чуть заметно поклонившись, молча, встали и ушли. Ничего не услышали мы и от присутствующих здесь же японских друзей-«гусятников».

Мичио-сан, впрочем, мы уже с самой первой нашей встречи называли его Мишей, завел нас в просторную, судя по всему — студенческую, столовую. По пути я узнал у него, что на предстоящий год в Ассоциации на наш проект найдётся не более пятисот долларов, и был этим весьма расстроен.

В тот же день у нас состоялась встреча с группой молодых ребят, вероятнее всего — студентов.

— Доктор Герасимов, расскажите подробно о ваших планах, что вы будете де-

лать после Японии у себя дома до приезда к вам летом японских коллег. По дням, пожалуйста!

Да... такого вопроса можно было ожидать только от наивных японских парней. Просить рассказать, что мы будем делать несколько месяцев, да ещё и «по дням»!

А тут ещё в голове «торчала» испортившая мне настроение информация Мичио-сан об отсутствии денег! И потому ответ мой по японским меркам, да и по моим нынешним тоже, был таким, мягко говоря, «невежливым», что переводчик Дзин-сан впал в крайнее смущение. Правильно ли он тогда понял меня, Дзин-сан уточнял ещё через два дня. И сейчас, когда я рассказываю об этом, мне очень за себя стыдно.

Прошло несколько месяцев, как вдруг на Камчатку «прилетел» факс:

«Ник, зоопарк Ягияма принял твоё предложение. Первые птицы от нас будут летом 1994 года! Высылаем договор о научном сотрудничестве».

Это уже потом я узнал, что руководство зоопарка убедило отнюдь не моё «красно-

речие». Причина оказалась более прозаичной: не дождавшись за десять лет хоть каких-то видимых успехов от своих специалистов, правительство префектуры сочло продолжение работ по данному проекту бесперспективным. И тогда руководство зоопарка «вынуло из рукава» лежавший там до поры наш «козырь». По крайней мере, мэра города Сендай господина Огава-сан это убедило. Он и подписал «Договор о научном сотрудничестве» по воссозданию азиатской популяции сидзюкара-ган. Документ этот, выполненный на японском и английском языках, оказался предельно кратким — состоял всего из четырёх пунктов. Конечно же, свой автограф под договором поставил, что называется, «не глядя», и директор нашего института Р.С. Моисеев.

Итак, к нашим птицам добавляются казарки из Японии. А это значит, что нам надо «расширяться». Нужна «вторая очередь» зимника. За строительство взялся наш младший сын, Игорь.

А мы с сыном Юрием, не ожидая каких-либо осложнений, вылетели встречать японских коллег с птицами в Хабаровск. Встретили ребят в самом радужном настроении. Все документы на вывоз гусей, включая ветеринарный сертификат, у них были в порядке. Но при таможенном контроле в Хабаровске вдруг обнаружилось отсутствие разрешения на это российской ветеринарной службы Москвы. Как московские ветеринары могли удостоверить здоровье японских птиц, мне лично не понятно до сих пор. Но документа не было, и нам до его появления предложили передать гусей на таможенные склады. Я пошёл к начальнику таможни, рассказал ему о казарках и получил разрешение оставить их... в камере хранения багажа международного аэропорта.

Крохотная камера не имела окон, не проветривалась. К тому же меня сразу

своей непонятностью заинтриговал контингент специализированной охраны данного терминала аэропорта. Крепкие и какие-то не похожие на других, «нормальных» людей парни, мне этого объяснять было не надо, сотрудниками милиции не являлись. Но кто же тогда они? Я подошёл к одному из них, сообщил о разрешении таможенников держать гусей в «камере хранения» и спросил о возможности хоть как-то облегчить жизнь нашим птицам в столь неподходящей обстановке. Ребята собрались вокруг клеток все. Я рассказывал, что это за гуси и видел, как парни прониклись к ним симпатией. Надо ли объяснять, насколько симпатичными они стали для меня сами. «Вы, — было сказано мне, — можете о своих гусях не беспокоиться. Дверь в камеру хранения мы не будем закрывать совсем. Ночью спите спокойно, можете, если надо, уходить и днём. Мы сами будем следить, чтобы у гусей были и корм и вода». На другой день пришла новая группа охранников, на следующие сутки — третья, и всё повторялось один в один: мой рассказ о птицах и заверения в полной о них заботе. Кто же эти парни сами? Появился их молодой и, как мне показалось, внешне более «хрупкий» по сравнению с подчинёнными командир. Мы познакомились, и я наконец узнал, что в своё время эти ребята прошли подготовку в «спецшколах», а потом мутной волной перестройки их буквально вышвырнули «за обочину дороги». Руководство аэропорта отказалось от подмочившей свою репутацию милицейской охраны, и в международном терминале Хабаровского аэропорта появился охранный контингент, надёжнее которого просто не могло существовать. Так на эти дни заботливыми «няньками» наших казарочек стали ребята из группы «Альфа» и ей подобных.

Сына Юрия и японских коллег я не нагружал своими заботами, они находились где-то в центре Хабаровска. Я же в течение трёх суток одну за другой посылал пространные телеграммы-просьбы в Москву, взывал о помощи к разным, в том числе знакомым мне, чиновникам Минприроды. В ответ полное молчание. Всем и на нас, и на редчайших птиц было наплевать. И тогда, наконец, я додумался просить о помощи Управление ветеринарной службы Камчатки. Из этических соображений не могу передать все те слова, которые из телефонной трубки высыпал на мою голову главный ветврач Камчатки Сапунов. Печатных или нецензурных выражений в выданной им руладе было больше, я не осознал, но для меня они прозвучали как приятный слуху «музыкальный пассаж», тем более что завершил его Виталий Павлович чётким: всё сделаю! Столь же замечательным человеком оказался и главный ветеринарный врач Хабаровского края Владимир Никитич. Скорее всего, именно с подачи этих людей нашими страданиями прониклось такти и руководство таможни. Мне было сказано приблизительно так: «Раз вы летите на Камчатку, пусть камчатская таможня с вами и разбирается». И выставили нас с птицами из Хабаровского аэропорта вон.

Японцы своих сидзюкара-ган оценили очень щедро: каждая из них по документам стоила более трёх тысяч американских долларов. В немыслимую для нас сумму была оценена и «тара» — клетки, в которых везли птиц. К счастью, птицы таможенными сборами в тот год не облагались; не в состоянии расплатиться за клетки, мы хоть и с сожалением, но передали их «в доход государства».

А вот денег в этот раз на наш теперь уже совместный проект от зоопарка не поступило ни йены.

Подошел 1995 год. И опять:

— Мы посылаем вам птиц!

— А деньги?

— Читайте договор!

— Я спрашиваю, привезёте ли вы деньги?

— Читайте договор!

— Нам нужны деньги!

— Читайте договор!

Я впервые внимательно вчитался в договор. Он и в самом деле был краток настолько, что о финансировании наших совместных работ японской стороной в нём не было ни слова. Но я же просил их об этом! И в Японию полетело моё не очень вежливое письмо:

— Если нет денег, вам на Камчатке делать нечего.

— Но у нас это запланировано, и мы всё равно прилетим.

— Ну тогда знайте: жить вы будете не у нас, а в гостинице, питаться — где хотите; будете платить за транспорт и вообще за всё, за всё. А лучше вообще не приезжайте!

Русские в таком случае, опять же, плюнули бы на всё и от поездки отказались. У японцев же всё запланированное должно быть исполнено обязательно.

С птицами в этот раз прилетал главный ветеринарный врач зоопарка Като-сан. Встречать его в аэропорт я выехал с наказом Али:

— Не теряй лица! Помни, что к нам едут гости. Жить они будут у нас. Как-нибудь мы их прокормим. Надеюсь, стыдно за это нам не будет.

Като-сан шёл от самолёта, втянув голову в плечи, явно ожидая крайне неприятной встречи. Лица я не потерял, встреча была вполне корректной, ребята, конечно же, жили у нас дома. На третий день Володя Савенков, занимавшийся таможенными формальностями, сообщил, что таможенные

правила изменились и теперь за казарок надо заплатить три тысячи долларов пошлины. Три тысячи долларов! Я тихо засмеялся, но так, что Аля с тревогой стала всматриваться в моё лицо. Три тысячи долларов! Да я до этого самую крупную сумму в иностранной валюте — одну тысячу немецких марок — держал в руках всего несколько минут, пока нёс её до кассы «Согжоя».

И только сейчас, после звонка Владимира, до меня стало доходить, что, скорее всего, наши коллеги, в частности Като-сан, просто не имеют ни малейшего представления о действительном положении дел в России. Они не осознают масштабов проблем, вставших перед нами после моего идиотского заявления о готовности взяться за этот проект.

Для японского практичного ума было непонятно, как это в богато одарённой природой стране люди могут жить бедно, а учёным на неопределённое время задерживают зарплату. Като-сан не мог знать, что мои и Алины пенсионные пособия кончались сразу и временами нам не на что было купить корма для птиц. И даже Аля не знала, что уже в этом, 1995 году меня дважды посещала чёрная депрессия. Тогда я уходил куда-нибудь подальше, в кусты шиповника, садился на землю, сжимал голову руками и, чувствуя себя совершенно раздавленным, боялся, что сейчас меня, такого вот, кто-то увидит. Проходило это быстро, я опять впрягался в работу, и конца её не было видно.

Но вопрос с таможенной надо было всё-таки решать.

Таможня

Я уже рассказал, какая беспроblemная встреча с таможенной службой произошла у нас в Магадане, и как в конце концов по-

человечески отнеслись к нам таможенники Хабаровского аэропорта. Но это, как мне показалось, осталось в приятных воспоминаниях о прошлом, и самое интересное начиналось только сейчас. В этот раз транспортные клетки зоопарком не оценивались. Но где брать эту сумасшедшую по нашим меркам сумму в три тысячи баксов? Платить за птиц было предложено не мне, а институту, но, как я уже говорил, наукой в эти годы подобные проекты не финансировались. И я пошёл к руководству таможни, к её «финансовому богу» Козлову. Рассказал о программе, объяснил наше печальное положение в части её финансирования. И, очевидно, был убедителен. Сергей Иванович чуть подумал и переспросил:

— Так для чего всё-таки вы завозите птиц на Камчатку?

— В будущем году мы выпустим их в природу.

— Зачем? И куда они полетят?

— Полетят они обратно, в Японию, на зимовку.

— А потом?

— Потом, извините, уже минуя таможню, возвратятся к нам в Россию размножаться. Зимовать полетят в Японию и вновь прилетят к нам. Так мы надеемся вернуть к жизни в нашей стране, в Японии, в Азии погубленную нами же, людьми, прекрасную птицу.

— Вы кратко изложите это в официальном письме от института. И к письму приложите карту-схему, покажите, как птицы полетят в Японию. Мы же оформим ваших птиц на год по «временному ввозу». А это значит, что через год вы вернёте их в страну, из которой получили.

— Я не смогу их вернуть. Мы же их выпустим в природу.

— Всё правильно. Но ваши гуси, как я понял, полетят в Японию. Правда, в нашей

практике товар никогда ещё своим ходом обратно через границу не уходил. Значит, нам придётся создать такой прецедент. Надеюсь, наше руководство в Москве вникнет в эту ситуацию.

Очевидно, вникло: ещё не раз японские коллеги привозили нам по шесть-восемь своих зоопарковских казарок, а мы по той же схеме «реэкспортировали» их назад в Страну восходящего солнца.

Когда разговор заходил о таможне, лично мне об этой службе почему-то ни разу не приходилось слышать добрых слов. Почему? В нашу камчатскую таможню, а ежегодно бывать в ней мне пришлось едва ли не десять лет подряд, я всегда заходил если и не с большим удовольствием, то, по крайней мере, без ожидания неприятностей. Таможенные правила почему-то менялись чуть ли не ежегодно, и потому те или иные неожиданные сложности у нас возникали неоднократно. И всегда сотрудники таможни находили наиболее приемлемые для нас, для нашей программы законные решения.

Чиновники

Однажды при возникновении очередной проблемы с оформлением птиц, решив не нагружать ребят таможенной службы нашими заботами, я попытался разрешить их через Москву. Позвонил одному из облечённых такой властью столичному чиновнику. В телефонной трубке, как мне показалось, я слышал не человека — на все мои вопросы отвечал на удивление «тухлый» голос:

— Нет... Нет... Не сейчас... Может быть, месяца через два... Нет... Нет...

Я стал обзванивать знакомых ребят-москвичей, они мне сказали, что тот обла-

датель «несвежего» голоса — по образованию чуть ли не охотовед, значит, мой коллега. Но при этом он — «козёл!». И дали совет:

— Хочешь что-то с ними решить, прилетай сам. И не с пустыми руками. С очень не пустыми!

Реакция далёких от нас московских чиновников от охраны природы поначалу меня как-то не трогала. Однако совсем не зависеть от них мы не могли, и, слава богу, не все они одинаковые.

Самых последних, как когда-то первых, для питомника птиц извне мы получали из США. На просьбу о поимке для нас на Алеутах настоящих диких казарок тотчас отреагировали Вернон и Джеф Уильямс — птиц отловили. Но на их пересылку в Россию, кроме всех документов от США, требовалось ещё и разрешение Москвы. В ответ на неоднократные запросы американских учёных наша столица глухо молчала. И тогда Джеф обратился ко мне. Я позвонил в приёмную заместителя министра экологии.

— Я звоню с Камчатки. Мне нужен Амирханов.

— Он сейчас не может взять трубку, так как проводит коллегию.

— Дело очень серьёзное. Потревожьте его, пожалуйста, скажите: звонит Герасимов.

— Минуточку... Амирхан Магомедович, с Камчатки вам звонит Герасимов.

— Да, Николай Николаевич, я слушаю. Так... Так... Решим сегодня же. До свидания.

Весь наш разговор длился не более минуты, и всё тотчас разрешилось. С Амирхановым, действительно очень уважаемым мной человеком, мы уже были знакомы: наш питомник он посетил ещё «на заре» нашей деятельности, в 1998 году.

— Как! Вы ещё живы?! И добились таких успехов! Ну, прекрасно! Да, я же о вашем проекте и его врагах знал, когда вы ещё это только замыслили. Считал, что ваша затея давно умерла. А вы молодцы!

— Амирхан Магомедович, о каких вы говорите врагах? Разве мы кому-то сделали плохо?

— Были они. Были и сейчас есть. Враги всегда есть у любого хорошего дела.

— А я думаю ещё об одном проекте: хочу вернуть в фауну Камчатки сухоноса. Вы дадите нам разрешение на отлов для питомника гусят в дикой природе?

— Это не проблема. Дадим.

— А можем мы рассчитывать на какое-то финансирование вот этого действующего нашего проекта?

— Конечно. У нас на такие работы есть двадцать миллионов долларов.

И вот мы с Алей в Москве, в министерстве. Валентин, подчинённый Амирханова и очень даже не последняя величина в этом ведомстве, сам когда-то начинавший как орнитолог, встретил нас обезоруживающей улыбкой и обескураживающей прямоотой:

— Какие миллионы, Николай Николаевич? Да, есть у нас двадцать миллионов на сохранение биоразнообразия России. А знаете, сколько открытых ртов толпится вокруг этого стола?! Будет сорок миллионов, всё равно вам ничего не дадим. Вы там работаете, делаете очень хорошее дело, а деньги здесь получать будем мы, — весело улыбался нам в глаза довольный своей откровенностью и собой чиновник.

— Я хочу начать новый проект. Денег на него не прошу. Мне нужны молодые сухоносы из природы.

— Зачем вам дикие птицы? Берите гусей из зоопарка.

— Но они же за десятилетия выродились. Мне нужны птицы, дети которых сразу же будут возвращаться в естественную для них среду обитания.

Валентин достал из стола коньяк. Я продолжал убеждать, он же с неизменной улыбкой, как намыленный, уходил от моих доводов и ответов на жёсткие вопросы. Я смотрел на чиновника, и его умение, ничего не решая, доброжелательно при этом улыбаться, меня начинало бесить. Почему люди, которые получают зарплату за то, что делаем мы и подобные нам, не дают «энтузиастам-психам» возможности работать ещё лучше? Может быть, это зависть? Или подспудное ощущение собственной никчёмности? А Вальку я раньше уважал. Обидно было разочаровываться.

Объяснили мне всё ребята-москвичи:

— Счастливый ты, Коля, что живёшь в Тмутаракани. Задеревенел совсем. Ты получил от министерства хоть копейку?

— Нет!

— И выживаешь. И неплохо делаешь свой проект. «А на какие деньги, — думают они, — ты живёшь и работаешь? Почему эти деньги прошли мимо Москвы, мимо нас?» Помнишь, как писал О. Генри: «Доллары в чужих руках, если они не предназначались ему в виде добычи, он воспринимал как личное оскорбление». Да, он писал про бандита. А у этих министерских та же психология, это те же «джентльмены с большой дороги».

Искать встречи с Амирхановым времени у нас не было. А рассказал я сейчас о Валентине Ильяшенко. Уже годы спустя мне пришлось пообщаться с одним дельцом, ведущим незаконный «соколиный» бизнес. Исходя из собственного опыта, он очень плохо говорил о «честности» московских чиновников от охраны природы тех лет.

— А что ты скажешь об Ильяшенко?

— Знаешь, из всех чиновников, с кем я там имел дело, он единственный, оставивший о себе хорошее впечатление. Он честный.

Между тем приезжавшие на Камчатку москвичи рассказывали, что из Минприроды (называться, впрочем, оно уже могло иначе) одного за другим выдавливали настоящих специалистов, а на их местах плотно «окапывались» бывшие, не очень изработавшиеся на прежних службах «силовики». При очередной перетряске кадров министерства Валентин то ли ушёл сам, то ли очень кому-то приглянулось и его кресло. Но, скорее всего, в обновляющийся аппарат «охранников природы» России грамотный биолог просто «не вписывался» — интеллектом не вышел. Зато, как оказалось, в лице Ильяшенко наука не успела потерять настоящего учёного. Я не забыл Валентину загубленного для Камчатки проекта по сухоносу, но общаться с ним мне опять приятно.

В не меньшей, лучше сказать — в значительно большей зависимости мы были от «собственных», камчатских представителей чиновничьего клана.

Однажды, попав в совершеннейшую, как мне казалось, финансовую пропасть, я пришёл в кабинет руководителя Областного комитета по охране природы В. Санталова.

— Мне нужны деньги! Дай!

— Нету!

— Пойми, Владимир Александрович, нам не платят зарплаты, мы с женой истратили свои пенсии, мне нечем кормить птиц! Через четыре дня у меня не останется ни горсти кормов. Без денег я от тебя не уйду! Ищи где хочешь!

Очевидно, не понять моё состояние было трудно — Санталов снял телефонную

трубку. Через две-три минуты в кабинете появился один из руководителей Морской рыбоохранной инспекции Сергей Донигович. Раньше мы не были знакомы, но уже через несколько минут я знал, что наши птицы с голоду не умрут. А ведь только вчера мне казалось, что мы стоим перед чёрным провалом безысходности.

Временами нам бывало полегче. После долгих душевных мук я вынудил себя реализовать лучшую часть своей, собираемой в течение полных пятидесяти лет коллекции марок, отдал их за две трети каталожной цены московскому «спекулянту». Затем за бесценок «спустил» часть коллекции нумизматической. Стали платить какую-никакую зарплату в институте, два-три раза на прокорм гусей находил деньги наш директор Роберт Савельевич, иногда что-то привозили прилетающие на Камчатку японские ребята-орнитологи. Помогали наши хорошие друзья из Камчатинтура: две-три сотни долларов за лето я мог заработать в качестве гида. Вновь приходил на помощь Серёжа Донигович.

Потом при Комитете по охране природы образовался Областной экологический фонд, и нас начали было по чуть-чуть «подкармливать» оттуда. Особенно благодарен я за это замечательной бескорыстной женщине, экономисту Комприроды Людмиле Нефедьевой. Но... «не долго музыка играла»: Экофонд к своим рукам решило прибрать депутатское собрание. К депутатом однажды и поступила заявка нашего института о выделении на наш проект 140 тысяч рублей. Они согласились выдать нам «любую половину» испрашиваемой суммы, или 2235 у. е. Я действительно не любопытен до чужих сумм. Но очень хотелось бы знать, насколько при той делёжке «экофондовского пирога» щедры были «из-

бранники народа», рассматривая, например, заявку о выделении шести миллионов рублей (200 000 у. е.) на закупку списанного военными небольшого морского судна. Зачем? А его переоборудуют на случай какого-нибудь стихийного бедствия. Не дай бог, случится землетрясение или всемирный потоп, вот тогда на этом «ноевом ковчеге» будут спасать людей. А пока катаклизмов нет, на катере кто-то (?) будет возить туристов, проводить с ними (наверняка это указывалось в заявке) «эко-воспитательные» беседы. Запрос такой к депутатам был, но какая на это последовала реакция, знать мне тогда хотелось бы. Тогда же рассматривалась одна совсем уж абсурдная, на полмиллиона рублей, заявка от геологов об установке «монумента» в Кроноцком заповеднике. На удалённой от всех и вся Богачёвской тундре предполагалось сварить мощный металлический пьедестал и поднять на него когда-то брошенную в 1960-х годах проржавевшую технику. Это должно было стать «памятником» первым изыскателям камчатской нефти. «Памятника» нет, а как насчёт того судна?

Но пора вернуться к выделенным нам семидесяти тысячам рублей. И в один из дней я направился за ними в Экофонд.

— Какие деньги!? При чём здесь ваш проект? Какое отношение имеет он к охране природы? — высыпала на меня кучу вопросов престарелая экофондовская дама — бухгалтер.

— Сильны же вы здесь в вопросах охраны природы! — начал было я, но тут же остановил себя.

Если бы чванливая чиновница могла прочесть на моём лице недосказанное, она сразу стала бы звать милиционера. Потом, видимо, вникнув в смысл ею же сказанного, она вдруг смилостивилась:

— Ну, ладно... может быть, дадим... Осенью... Если деньги будут.

Мне нужно было написать какие-то бумаги. Пока я этим занимался, властительнице финансов Экофонда несколько раз позвонили, она что-то иногда сухо, в другой раз, наоборот, любезно отвечала. Я обратил внимание лишь на завершение последнего, показавшегося мне несколько игривым для «бабушки» разговора:

— Ну уж ладно, для тебя я штук тридцать найду. Приходи.

Так легко она распорядилась не принадлежавшими ей деньгами. Вот уж поистине «всяк кулик на своём болоте велик».

Возвращаясь из администрации к себе, на полдороге от автобусной остановки до питомника я обратил внимание на лежавшую в одном из хозяйских дворов толстую сытую свинью. Хозяин чистил хлев, а она, блаженно похрюкивая, развалилась на куче своего ещё теплого навоза и, как было видно, страшно была своим положением довольна. Эту свинью я видел впервые, и всё-таки она показалась мне очень знакомой. Совсем недавно где-то встречал очень на неё похожую. Вот, подумал я, кого не мучают наши проблемы. Вымри хоть половина всего живого на планете, а этой, как и той, другой свинье, будет на всё по большому счёту наплевать. Но она, хрюкающая сейчас в навозе, хотя бы не берётся решать, кому дать шанс выжить, а кому нет.

Но, я повторюсь, «не долго музыка играла» и для депутатов Камчатки: наше «бедное» центральное правительство, не переставшее со всех трибун хвастаться растущим богатством российской государственной казны, вдруг решило разбогатеть ещё больше и... «национализировало» региональные экологические фонды.

НАШ ГОД

Если мы попросим коренного горожанина в двух-трёх словах дать характеристики четырём времёнам года, то от многих, скорее всего, услышим, что осень — это дожди и простуда, зима — мороз и снег, весна — грязь, первая зелень и опять же простуда, лето — зелёные деревья, солнце, иногда жара. Специфика нашей работы заставила нас надолго перейти жить ближе к природе, к птицам. И мы не взяли бы на себя смелость охарактеризовать зиму или лето «двумя-тремя словами».

Из времён года один из авторов больше всего любит весну, другой — лето. А рассказ о нашей жизни с гусями в течение всего года (фактически этих лет оказалось так много!) лично я предпочёл бы начать с осени. И тогда этот раздел мог закончиться на мажорной весенней ноте. Аля говорит, что год для всех нас должен начинаться с самых первых сигналов о приближении главной поры в жизни наших питомцев — с весны, с марта. И, конечно же, она права.

Март — преддверие весны

Март на Камчатке — это ещё зима, зима с её главными атрибутами — пургами и морозами. Но он бывает разным. Вот записи о мартовских днях в наших дневниках разных лет.

Год 1999-й. «В первые числа марта по нам прокатилась мощная пурга, снегу навалило столько, сколько, кажется, мы не видели его за все зимние месяцы. И всё-таки хочется, очень хочется верить, что это уже весна. Мы отмечаем, что крику у гусей сейчас стало значительно больше: гуси извещают нас и всех-всех, что настоящая весна на подходе!»

Год 2001-й. «Особенно сильными, аномально жестокими утренние морозы у нас отмечены в год миллениума, когда в первой декаде марта утренняя температура колебалась от 18 до 33 градусов мороза. Правда, в последний день того же самого марта наши гуси купались в естественно образовавшейся в нашей «прихожей» луже».



Последние дни марта и первое объяснение в любви

Год 2007-й. «Март нынешнего года с самого своего начала кажется действительно весенним: все дни конца первой недели, вся вторая неделя радуют плюсовой температурой. К середине месяца с нашей крыши, правда, только с солнечной стороны дома, свесились более трёх десятков сосулек, и некоторые из них длиной не менее метра. Во дворе уже несколько дней стоят небольшие лужи. Утром, перед выпуском гусей из зимника, я ломаю в них лёд, очищаю от льдин воду, и птицы, едва открываётся дверь, сразу бегут к лужам купаться».

Иногда в ясные, с чистым голубым небом утра я стараюсь выйти из дома пораньше и дожидаться появления солнца. Над Авачей стоит туман. Оказывается, что сегодня ночью он побывал у нас в гостях и оставил изумительный подарок — драгоценную серебряную бахрому инея, обернувшую каждую, даже самую малюсенькую веточку наших деревьев и кустов, каждую ниточку покрывающих вольеры сетей. Но вот над вершиной небольшой сопочки приподнимается самый краешек солнца, и, быстро оглядев окрестности, перелива-

ясь и играя, оно начинает взбираться на небо.

А однажды, выйдя поутру из дома вдвоём, мы услышали показавшиеся нам незнакомыми звуки. И потом увидели, что над рекой по воздуху плывёт волшебное видение — небольшая группа лебедей-кликунов — *Cygnus cygnus*. Очевидно, сегодня они чуть задержались после ночной кормёжки на каком-то незамерзающем ключике и сейчас летят вверх по Аваче к месту днёвки.

Во второй декаде месяца мороз поутру ещё очень ощутимо щиплет наши щёки. Зато днём даже в пасмурные дни безудержно плачут свисающие с крыши сосульки. И не понять: то ли мороз горюет по уходящей зиме, то ли вода льёт слёзы радости в ожидании скорой встречи с настоящей весной.

Как-то в середине месяца солнечным морозным утром я услышал булькающие звуки, крупными каплями падали они откуда-то сверху, из опрокинутой над землёй безоблачно-голубой небесной чаши. Подняв к небу глаза, я понял, что это свою весеннюю песню исполнял влюблённый ворон — *Corvus corax*. Он кружил в поднебесье и извещал всех об очень скором приближении самой настоящей весны. В бинокль было видно, как, токуя, птица вдруг переворачивается через крыло и какое-то время летит вниз спиной. Так раз за разом, перемежая песню-«бульканье» и кульбиты, ворон, мне казалось, выражал свой восторг по случаю приближения ещё одной в нашей с ним жизни радостной поры. Наблюдая за любовным ритуалом мудрой птицы, пофантазировав, я, мне казалось, понял, как ворону удаётся рассмотреть весну раньше нас. Летая на такой высоте, он раньше, чем мы, «приземлённые», встречает солнце на восходе и дольше ви-

дит его вечером, так день для ворона становится длиннее, значит, и весна ближе. Да что уж там говорить о вороне, если по утрам, когда мороз ещё зашкаливает за 10 градусов, мы постоянно слышим и видим громкие скандалы наших «квартирантов», полевых воробьёв — *Passer montanus*. Похоже, они уже начали «делить» самок. Впрочем, может быть, и не их: комфортные места для будущего гнездования тоже не малого стоят.

А с каким нетерпением ждут весны наши казарки! Теперь их не надо «просить» выйти из помещения: ещё в предзакатных сумерках они в нетерпении толпятся у выхода из зимника, и, едва открывается дверь, птицы, толкаясь в узком дверном проёме, торопливо высыпают во двор. Если луж на дворе ещё нет, казарки сразу начинают утреннюю зарядку: быстро-быстро машут крыльями, высоко подпрыгивая, бегут боком (в этом виноваты подрезанные на одном крыле перья), пытаются взлететь. Древнейший инстинкт зовёт гусей в полёт, и, хотя уже все предыдущие их попытки взлететь были безуспешными, птицы никак не могут смириться с тем, что небо для них сейчас недоступно. Несколько раз за день по не улавливаемой нами команде казарки вдруг сразу все поднимают громкий крик и также в момент все замолкают. Это говорит о том, что в гусяной стае проявляются признаки предмиграционного беспокойства. Однажды такой, но явно неурочный крик удивил меня в январе. Оказалось, высоко над гулявшими во дворе гусями пролетала группа зимующих на Камчатке тихоокеанских чаек. В этом крике явно слышалась тоска наших воспитанников по вольному полёту. Мы им сочувствуем и радуемся, что мечта о свободе в птицах не умирает. И многим из них, рвущимся сейчас в небо, радость встречи с



В марте, на радость гусям, в нашей «прихожей» образуются лужи

ним предстоит познать уже в этом году.

Мы с интересом наблюдаем, как один из самых верных рыцарей стаи, самец 64 всё время очень тихо что-то рассказывает своей подруге 63. Скорее, это даже не разговор двух птиц, так как голоса самки мы не слышим, а вот он говорит и говорит. О чём? Конечно же, о любви. И как жаль, что мы не можем пока знать их язык.

Мы любим всех наших гусей. И все-таки пара 63—64 для нас, наверное, самая-самая любимая. Самочка 63 родилась в Америке в 1985 году, к нам на Камчатку прибыла в семилетнем возрасте. Но эту птицу уже тогда нельзя было рассматривать в отдельности от ее партнера, её супруга 64. Он моложе подруги на три года. И с первых дней их появления у нас было видно, что эта пара неразлучна уже давно. Такими, не покидающими один другого ни на миг, в любой момент их можно видеть всегда: в

общей стае на территории, на озере, в помещении зимой. И за столь исключительную верность друг другу их просто нельзя не уважать. Вот и сейчас, наблюдая за четой 63—64, мы уверены, что супруг в который уже раз напоминает своей единственной о не угасшей за все совместно прожитые годы любви. И к этой замечательной супружеской паре мы будем возвращаться ещё не раз.

Стая между тем с каждым днём всё активнее занимается физзарядкой: может быть, птицы в мечтах уже летят к местам скорого своего гнездования. Стоит погоде чуть «отмякнуть», и сложившиеся ещё в прошлые годы пары стараются куда-нибудь уединиться, а на ночь не хотят заходить в дом.

В третьей декаде марта гуси расходятся по территории питомника всё шире. К концу месяца некоторые пары уже пытаются



От стаи одна за другой отделяются пары

ся захватить какой-то из вольеров «в собственность». Вечером мы их оттуда выгоняем, а назавтра, едва открывается дверь зимника, они опять спешат на облюбованную территорию.

Под снегом всюду вода, тут и там она проступает наружу, образуя, на радость гусям, всё более обширные лужи.

Вот и последний день марта. Зима кончилась. Кажется, давно ли облетели листочки календаря одного года, а уже нет и четверти года нового. Ещё чуть-чуть, и каждая семейная чета, включая «молодожёнов», поселится в своём, уже собственном вольере. Теперь они будут полные сутки без сна и отдыха ругаться со своими соседями, устраивать гнёзда и «смертным боем» начнут бить нас за то, что мы их кормим, за то, что, спасая от верной смерти, лечим их малышей — в общем, как говорится, «за всё хорошее». Впрочем, это

удел многих родителей: чем больше мы любим своих чад, чем больше беспокоимся о них, тем больше им кажется, что они со всем могут справиться и без нас, что мы им только мешаем, что мы им не нужны. У гусей на самом деле нет наших умственных способностей, и они не могут осознать нашу для них необходимость. Но как же они похожи на наших человеческих, таких «умненьких» детей. Как же мы похожи!

Апрель — пора любви

В конце месяца в дневнике мы иногда делаем его метео- и фенологический обзор, сравниваем их по годам. Трудно поверить в то, какой холодной, как это случилось на исходе второго тысячелетия, может быть вся первая половина апреля. Для нашей географической широты и облада-

ющей собственным микроклиматом территории питомника такая температура просто не характерна. Зато апрельские пурги мы воспринимаем как нечто естественное. Вот, например, фрагменты наших дневниковых записей 1999 года. «12 апреля. Вчера трудно было без боли в глазах смотреть на небо: оно слепило изумительной, ярчайшей голубизной. А ночью к нам вернулась зима, и сейчас противно смотреть в окно: как же она так может бесноваться...» «13 апреля. У нас опять праздник: небо вновь чистое-чистое, голубое-голубое... Стремительно тает вчерашний снег....» «14 апреля. Это какое-то дьявольское наваждение! Опять свистит, бесится ветер, всё засыпает снегом пурга...»

Но стоит ли сетовать на мелкие козни уходящей зимы, когда через день-два ртутный столбик на нашем термометре поднимется за отметку в десять градусов.

Апрель — это уже настоящая весна! И хотя мы прекрасно знаем, что первые мигрирующие птицы посетят нас никак не ранее второй его декады, а скорее всего, к самому-самому её концу, но уже с первых дней месяца начинаем вслушиваться в птичьих голоса. Нет-нет да и обманет наш слух вдруг ставшее каким-то особо лиричным чириканье полевого воробья или что-то необычное послышится в голосах пролетающих стаяк чечёток — *Acanthis flammula*. Впрочем, сейчас среди истошных криков наших казарок, прерывающихся лишь мгновениями тишины, голоса воробьиных птиц может услышать только тренированное ухо орнитолога.

И вот во второй декаде апреля, когда уже успевает распустить свои серёжки ольха, настаёт день, когда на протаявший до земли участок нашей «прихожей» вдруг прилетает красавец самец камчатской белой трясогузки — *Motacilla alba*. Он дело-

вито осматривает проталины, а мы убеждаемся — весна уже не отступит.

Во второй, а затем и третьей декадах апреля всё больше солнечных дней, всё шире разрастаются пятна, участки, поля свободной от снега земли. Вот со двора с радостным сообщением прибежала внучка Алиска: она «первая увидела самую-самую первую в этом году, такую красивую-красивую бабочку-крапивницу!». Вскоре оказывается, что давно прилетели и с каждым утром всё громче распеваются жаворонки — *Alauda arvensis*. А на проталинке около нашей бани уже несколько дней назад пробились и тихонечко подрастают почему-то не совсем зелёные, а больше густо-фиолетового цвета росточки крапивы.

Первые проблески симпатий между отдельными молодыми, прошлого года рождения казарками, вероятно, могут возникать с поздней осени. Зарождение новых семейных союзов у птиц мы уже уверенно отмечаем в марте, но случается, что отдельные даже двух- и трёхгодовалые гуси «дозревают» до этого только в мае. Но всё-таки более ярко стремление к созданию новых брачных пар проявляется с самых первых дней апреля, когда неистовые крики казарок, кажется, заглушают даже шум взлетающих рядом с нами вертолётчиков. В конце второго квартала апреля уже расквартированные по вольерам пары казарок, забравшись на верхушки едва ли не метровых ещё снежных сугробов, изо всех сил ругаются со своими соседями. Трудно представить, возможно ли такое, но кажется, что наши гуси день ото дня кричат всё неистовее, всё громче. Эта страстная какофония слышна по округе на сотни метров от питомника. Чего в ней больше, любовной страсти или нелюбви к соседям, нам, непосвящённым, понять трудно. Но мы, живущие вместе с этими созданиями,

знаем — для наших гусей наступила пора, ради которой они живут всю остальную часть года. Это пора любви!

Практически все неравнодушные посетители нашего питомника спрашивают:

— А как вы их различаете? Всех знаете «в лицо»?

— Как вы различаете самцов и самок? Они же одинаковые.

— А как вы подбираете пары птиц?

— А они что, различают один другого, знают, где самка, где самец?

— И как же образуются пары?

— Не скажете же вы, что они способны любить?

А ведь мы и в самом деле так мало знаем о них, даже находясь рядом, не говоря уже о живущих вольно, что отказываем им хотя бы в способности чувствовать.

МЫ ВО МНОГОМ ПОХОЖИ

Посетители питомника, мы думаем, не всегда с доверием относятся к нашим уверениям, что гуси способны любить так же, как мы с вами, как люди. Наблюдений за проявлениями этого чувства между гусями, за развитием отношений между ними у нас немало. Поверьте, поведение казарок при этом нешаблонно, не определено какой-то жёсткой природной матрицей. Именно эти наблюдения дают основание видеть в каждой нашей птице не «какую-то там» особь, а личность, личность с присущим только ей характером, с собственным, увы, для нас непонятным мироощущением. Большая часть возникающих у птиц «романов» по-настоящему интересна своей оригинальностью и, честное слово, заслуживает нашего человеческого внимания. Мы в своём рассказе остановимся лишь на отдельных из них.

Всегда ли в образовании семьи активная роль принадлежит самцу, с полной уверенностью мы утверждать не решимся. Но иногда, не получив сразу взаимности, самец преследует предмет своей любви и нередко только так добиваются её покорности. В первых числах апреля 2001 года привезенный в прошлом году из Японии сильный двухгодовалый самец с красной меткой 02 вдруг обратил внимание на 18-летнюю самку 58 из первой партии американских птиц. Тогда, в год её появления на Камчатке из сопроводительных документов мы узнали, что когда-то эта птица имела детей, но овдовела. На Камчатке её семейная жизнь не сложилась. Лишь в 1993 году она вырастила одного, последнего своего гусёнка, но тогда же осенью её супруга убил одичавший кот. И вот по прошествии ещё семи лет старая растолстевшая дама вдруг стала предметом вождления молодого красавца. Она, наверное, уже забыла, что может составить интерес для особи мужского пола, и, как мы посчитали, давно поставила крест на своей семейной жизни, на своем материнстве.

Молодой «японец» день ото дня всё настойчивее добивался ее внимания. А 58-я, хотя и отличавшаяся от всех других наших гусей большим животом, убегая от него, проявляла очень даже завидную прыть. Но после трех-четырех дней активных гонок мадам либо устала бегать, либо поверила в искренность чувств мальчика. Так или иначе, но вот уже несколько дней мы видели эту вновь образовавшуюся пару мирно гуляющей «от других прохожих вдалеке». Веры в плодотворность этого союза у меня лично не было, но наблюдали мы за ними с интересом.

То, что не разучился по-настоящему смеяться, я понял в один из следующих дней. Услышав тревожные беспрестанные

крики одного из гусей, я вышел на балкон. По двору метался потерявший самку влюблённый 02-й. Он бегал из конца в конец по прогулочной территории питомника, забегал во все открытые вольеры, осматривал птиц и опять бежал и кричал. Это сразу же заинтересовало и меня: 58-й, такой заметной, просто не было где затеряться. Гусь бегал, я тоже в недоумении осматривал сверху всех наших казарок и также её не видел. А наша индифферентная дама, как оказалось, совершенно спокойно купалась в это время в образовавшейся по причине оттепели луже, и наплевать ей было на панику совсем не такого уж и любимого 02-го. Он же, очевидно, не мог признать ее мокрую и никак не мог понять, куда его «птичка» испарилась. Та перестала купаться, поднялась на ноги, и 02, обнаружив свою потерю, как мне показалось, прямо-таки остолбенел. И тут я вдруг представил себе, что он, как и мы, узнает свою красавицу по ее номеру на ножной пластиковой метке или же по большому (у нее единственной во всей стае) животу. Пока его «пропажа» сидела в луже, ни главного ее достоинства, ни цветного «паспорта» на ноге видно не было. И вот, представив себе это, я не просто хохотал, я ржал до слез!

И это еще не все. 58-я вылезла из лужи, гусь подбежал и что-то начал ей «выговаривать». Я ушел, чтобы записать всю эту сцену в дневник. Когда же опять вышел на балкон, увидел, что 58-я с безразличным видом бродила в одном углу двора, а 02-й ушел к группе гусей в угол противоположный. «Поссорились!» — подумал я и опять захохотал: неужели такое может случиться и между гусями, неужели мы с ними похожи до такой степени?! Утром следующего дня они вновь были вместе. А летний сезон для этой пары, как и ожидалось, оказался «пустым».

Большая часть семей казарок создаётся по их собственному выбору. Очень редко по каким-либо серьёзным соображениям полюбившиеся друг другу птицы вынужденно нами разлучались. Что это за причины?

Весной 2000 года двухгодовалый самец 14 неотлучно находился рядом с недавно потерявшей партнёра 16-летней самкой 66. Она отвечала ему взаимностью. Сверив их родословные, я увидел, что 66-я была не только его бабушкой по материнской линии, но ещё и прабабушкой со стороны отца. Очевидно, что просмотрели мы раньше родство между родителями 14-го. Дальнейшее культивирование близкородственного, инбредного процесса я решил не допускать, птиц разлучил. Молодому гусю мы предложили в подруги подходящую (с нашей точки зрения) трёхгодовалую самочку, а «старушку» 66 поместили «второй женой» в вольер к сложившейся уже паре. Проблема той весны — нехватка самцов — заставила нас, и уже не впервой, создавать такие «треугольники». Результат: два месяца переключки разлученных любящих друг друга птиц и «пустые» сезоны размножения у трех самок в двух вольерах. В следующем, 2001 году, опять увидев пару 66-14 неразлучной, я больше не мог терзать их сердца. Летом того же года они вырастили пятерых крепких гусят.

Откровенно говоря, мы с Алей и раньше очень не хотели разлучать 14-го и 66-ю, Аля меня об этом просила. И вот почему. Годом ранее история с насильственным разделением пары имела очень даже печальное завершение. В числе первых 19 птиц, поступивших на Камчатку из США, к нам прибыла самочка 54. В той группе партнёра у неё не было, и с первых лет на новом месте семейная жизнь этой казарочки по разным причинам не складыва-

лась: от сезона к сезону потомства от нее мы не имели. И вот как-то по весне к ней вдруг воспылал страстью молодой самец, родившийся уже на Камчатке. Считая этот семейный союз для нас «бесперспективным», я разлучил полюбившихся друг другу гусей, и рассадил в вольеры подальше один от другого. К 54-й, чтобы не очень скучала, посадил какого-то молодого гуся. Переключку разлученных птиц мы слышали и днём и ночью. Однажды влюбленный гусь как-то исхитрился вырваться из своего заточения и прибежал к вольеру своей подруги. Я вернул его обратно. Через два-три дня, не услышав их голосов, я пошел к вольеру 54-й. На этот раз и она была на свободе — я застал обеих птиц сидящими бок о бок в траве. Самочка, когда я брал ее в руки, даже не встала, не стал убежать и ее друг. Меня удивила страшная исхудалость 54-й. Очевидно, она была очень больна. Не желая и далее терзать влюбленных птиц, я поместил их в свободный вольер. А через два дня 54-я была мертва. Я убеждал и убеждаю себя, что причиной ее гибели стала только болезнь. Но болезнь эта могла быть спровоцирована сильным эмоциональным потрясением, пережитым птицей в результате разлуки. И камень вины в её гибели до сих пор лежит на моей душе.

И здесь я опять обращаюсь к сказанному К. Лоренцем: «Гуси обладают поистине человеческой способностью испытывать горе, и я категорически отрицаю, что сказать так — значит впасть в недопустимый антропоморфизм».

— А пары они образуют на всю жизнь?

— Многие — да. Таких единицы, и эти птицы не расстаются одна с другой ни на минуту.

— А другие?

— Для некоторых «святость» семейных уз — ничто. Одна из первых поступивших

из Америки самок четыре первые камчатские весны встречала с новым брачным партнёром, и каждый её летний сезон был успешным. В конце концов мы прекратили этот бесконечный адюльтер своей властью, посадив блудницу в вольер с прошлогодним самцом. Мы же говорим: они — как люди!

Эти птицы могут любить и ревновать, могут ненавидеть: и день, и два, и три (до нашего вмешательства) преследовать какого-то одного самца. Готовы за самку драться, способны даже убить (об этом чуть ниже) соперника. В то же время есть и другие удивительные примеры. Самец 59 прибыл к нам из США в составе той самой первой группы птиц, ставшей нашей изначальной родительской стаей. Мы уже говорили о том, что эту первую партию из 19 птиц американские коллеги собирали «с миру по нитке» в зоопарках, частных коллекциях, университетских собраниях, и гусей, что можно понять, отдавали далеко не лучшим. Вот одним из «не лучших» был и этот очень сильный самец 59. Неизвестно, была ли у него когда-нибудь своя самка, своя семья. Мы лишь сразу увидели, что он жуткий дебошир и забияка. Года три или четыре подряд каждую весну он пытался завладеть самкой от уже состоявшейся пары. Однако парные самцы, которые ещё зимой не смели оказать 59-му сопротивления и предпочитали от него просто убежать, сейчас бились с ним на равных. В результате драчун каждую весну оставался ни с чем.

И однажды 59-й воспылал страстным влечением к самке 63, о которой мы упоминали в марте. К. Лоренцу, который в стае своих гусей держался на равных, очевидно, было бы проще разобраться в «кодексе» их взаимоотношений. Мы же наблюдали за птицами с почтительного рас-

стояния и многому не могли найти объяснений. По крайней мере четыре весны подряд уже с марта 59-й неотступно находился около верной пары 63—64, но драчливого забияку будто подменили: мы ни разу не видели ни малейшего его выпада против неизменного супруга этой самки. А он, 64-й, по своему характеру вообще был благожелательно нейтрален в отношениях со всеми гусями, как, впрочем, и с нами тоже. После помещения четы 63—64 в семейный вольер 59-й, пока мы его тоже не убирали, целыми днями оставался рядом, поглядывая на полюбившуюся ему самочку сквозь щели. И так было, пока однажды осенью он трагически не погиб на озёрной части территории питомника.

— И что, вы всегда ждёте, когда семейные пары создадут сами птицы? По «любви»?

— Мы практически всегда ориентируемся на выбор, сделанный самими птицами, на их личные привязанности. Иногда же, не дождавшись этого, пытаемся создать пару искусственно: исходя из принципа «стерпится — слюбится», помещаем в отдельный вольер двух птиц, подобранных по нашему усмотрению. Если самцу не нравится предложенная партнёрша, он может её просто не замечать, но может и бить. Тогда мы предлагаем ему другую, никем «не занятую» самку, затем следующую. Иногда так нам удаётся создать неплохую пару и на этот год и на годы последующие. Но чаще к желаемым результатам это не приводило.

Люба

Казарка с номером 55 прибыла к нам из США вместе с другими гусями в 1992 году. По документам это был семилетний са-

мец. По характеру — самая общительная, самая доверчивая к людям птица. Правда, меня он почему-то опасался больше, чем других: возможно, видел во мне лидера здешней стаи и на всякий случай выдерживал дистанцию. Володю он, как мне казалось, не боялся совсем, но и тяги к нему у птицы не наблюдалось. Какие чувства 55-й питал к женщинам, я так и не понял. Когда ветврач Ирина заходила в вольер, птица шла к ней и начинала теревить клювом её одежду. А вот детей 55-й очень любил, сам подходил к ним, и было видно, что ему очень нравилось, когда мальчишки или девчонки гладили его перья.

Перед первой камчатской весной, предчувствуя скорое её наступление, основная мужская часть населения питомника начала волноваться уже в конце февраля. В марте их дружные громкие крики то и дело были слышны среди ночи. В стае всё чаще вспыхивали ссоры: одни самцы отгоняли мнимых и не мнимых соперников от своих прошлогодних избранниц, другие просто пытались заполучить себе подруг. Но особой женского пола в прибывшей к нам стае было меньше, и все они оказались «разобранными» более активными ухажёрами. Не волновало все это лишь находящегося в полном расцвете сил самца 55. Может быть, отсутствие боевитости, неконфликтность характера не давали ему возможности претендовать на внимание чужих дам?

Никакого интереса к казаркам-самкам не проявлял 55-й и на следующую весну. И поначалу мы всё больше укреплялись во мнении, что это не самец вовсе, что наши американские коллеги могли ошибиться в определении пола птицы. Володя давно уже звал 55-го Любой, Любашей. Но к ней тогда должен был бы быть интерес у сам-

цов. Его не наблюдалось, а казарка Люба по-прежнему любила детей и старалась общаться с ними при любой возможности. Если её и людей разделяла вольерная сетка, птица подходила к ограждению и давала возможность мальчикам и девочкам гладить ей голову. Часто мы открывали дверь вольера, и тогда Любаша сразу выходила из вольера. Ребятишки гладили ручную птицу, а гусь заметно радовался этому и не отходил от детей, пока они сами его не покидали.

Наступала очередная весна, в этот год она была ранней. И опять, как нам казалось, очень рано начались скандалы в гусиной стае. Для меня это самый интересный период года, и я стараюсь всё время быть около птиц, видеть что-то новое для себя, узнавать о казарках как можно больше. Вот, похоже, образовался «любовный треугольник»: самку-американку опекают сразу два поклонника, притом один из них — V00, родившийся уже у нас очень крупный гусь. Интересно, что «законный» партнёр дамы очень активно отгоняет от неё других возможных претендентов на взаимность, а от этого пытается лишь отгородить свою подругу, стараясь всё время находиться между ней и назойливым молодым нахалом.

А однажды, это была вторая наша весна жизни с птицами, когда пары казарок пока ещё не были рассажены по вольерам, мы вдруг обнаружили одного молодого самца убитым. Кровоподтёк в области сочленения головы и шеи говорил о том, что беднягу, очевидно, в припадке ревности убил какой-то один из агрессивных гусей-самцов. Для меня и Володи это явилось полной неожиданностью: неужели этот маленький и такой симпатичный гусь способен убить себе подобного?!

Прошёл ещё год. Во второй декаде апреля некоторые пары уже находились в семейных вольерах. Но большая часть казарок содержалась в большом вольере, и между птицами то и дело возникали привычные для нас, да и для них тоже, конфликты. Люба в общей стае, но всё время держится особняком, ни с кем не ссорится. В один из дней я записал в дневнике: «Люба целый день стоит в углу вольера, смотрит наружу». И на другой день: «Люба утром очень грустная, лежит обособленно ото всех». А вечером того же дня бедный 55-й был мёртв. Гематома в месте сочленения шеи с головой указывала на уже знакомый нам способ убийства. Я не исключал, что и убийца был тот же. Но за что убивать Любу?! Он же был таким добрым, никогда ни с кем не конфликтовал! И, в конце концов, ни одному самцу он просто не мог составить конкуренцию в борьбе за самку. Я это уже знал.

Знал и то, что наши коллеги в США не ошиблись: Люба, конечно же, родился самцом. И в феномене его безбрачия для меня тоже не было никакой загадки. Учёные-зоологи знают, что у птиц (у других животных тоже, но сейчас речь о наших казарках) в постэмбриональном, ещё младенческом периоде жизни возникает один исключительно важный момент. В самые первые часы жизни гусёнок видит какой-то движущийся объект, на который у малыша происходит первое запечатление. В норме первыми он должен увидеть своих родителей. И это очень важно: с этого мгновения мать будет его согревать, отец защищать, тот и другой первые позовут малыша к пище. Пройдёт некоторое время, и у подросших гусят произойдёт следующее запечатление, при котором птицы осознают, что они такие же, как и находящиеся рядом с ними осо-

би. В это время молодая особь «узнает», с кем в будущем она может «стать полезной» для собственного вида: создать пару, иметь потомство. Феномен запечатления получил название импринтинга, от английского слова «imprint» — отпечатывать. Впервые об импринтинге как явлении мы узнали от Конрада Лоренца.

Любопытные учёные проверили: а что, если те же гусята к моменту первого своего «запечатления на родителя» увидят не настоящих гусей, а кого-то ещё и даже, например, какой-нибудь движущийся неодушевлённый предмет? И малыши признавали за своего родителя то, что им «подсовывали» экспериментаторы.

Но что случилось с Любой? Родился он, вероятно, в инкубаторе, скорее всего, в частном владении, и в этот маленький живой пушистый комочек, конечно же, не могли не влюбиться хозяйские дети. Они носили его на руках, давали пищу. И малыш признал в них своих родителей, всюду следовал за детьми, а когда подрос, на втором важнейшем моменте жизни осознал себя таким же, как эти маленькие люди. Люба не считал себя гусём, и, конечно же, его, как человека, не могли интересовать самки-птицы. Мы просто не в состоянии представить себе, как чувствовала себя эта бедная птица, вынужденная, как она, вероятно, считала, жить в стае чужаков. Наверное, особенно тяжело 55-му было весной, когда окружавшая его толпа этих странных, чуждых ему существ приходила во всё большее возбуждение.

Я смотрел на бедного мёртвого Любу и в трагизме его «маленькой» судьбы видел отражение судьбы всей тихоокеанской популяции алеутского гуся. Как в этом случае с Любой, так и в том, значительно более масштабном, виноваты мы, люди. С «любовью» ли мы внедряемся в тот, Не наш,

мир, с желанием ли его «улучшить», переустроить, так или иначе это несёт его обитателям только беду. А эпиграфом к рассказу о любившем детей Любе могли бы стать слова Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

Между тем на исходе и апрель. И хотя до последних его дней не любимая мной зима раз за разом шлёт и шлёт нам свои «памятные подарки», радостное весеннее настроение это уже испортить не может. В третьей декаде я всё раньше просыпаюсь по утрам. Чтобы дать Але поспать ещё немного, какое-то время лежу — мучаюсь от «безделья». Потом всё-таки тихо поднимаюсь, собираю в один ком свою одежду и, крадучись, иду к лестнице. Ещё с вечера я наметил для себя, какие и в какой вольер будут сегодня посажены пары казарок. Увидев меня с сачком в руках, птицы паникуют, мечутся по территории, так как страшно боятся быть пойманными. Как же они в это время меня боятся. И тем не менее с каждым днём всё больше синяков появляется у меня на руках, на шее, животе, а то и на лице — везде, куда исхитряется достать клювом злющий самец, пока я несу его в вольер. Аля же в эти дни заходит в вольеры, только когда меня нет на территории и при крайней необходимости.

А освободившаяся от снега земля прогревается, и однажды, уже в самый последний день месяца мы вдруг замечаем, что наша «прихожая» за ночь как бы присыпалась зелёной «манной крупой», настолько ещё мелко всходы будущего травяного ковра на этой части территории.

Таков апрель в жизни наших гусей. А для нас с Алей это каждодневная валящая с ног усталость вечером, невозможность хоть как-то поудобнее пристроить перетруженные за день, отмирающие всю ночь, не успевающие отдохнуть к утру руки.

Всё. Завтра наступает следующий, не менее бурный, ещё более волнующий месяц — май!

Май — месяц надежд

Мы помним годы с майскими пургами, налетавшими на питомник ещё в двадцатых числах этого замечательного месяца. Но снег, принесённый заблудившимся вдруг северным ненастьем, недолговечен и «сгорает» в солнечных лучах в следующие день-два. В первой декаде мая даже после такой небывало снежной зимы, какой она была с 2004-го на 2005 год, иногда прямо из-под сугроба тут и там обозначаются зелёные листики растений.

Первыми на нашей «дикой клумбе» пробиваются густо-зелёные, свёрнутые в тугой кочанок ростки камчатского рябчика. Мы этот цветок называем чёрной лилией. Год от года этих кочанков на клумбе становится всё больше, и каждую весну они торопятся подняться над землёй, развернуться и успеть зацвести, чтобы все могли увидеть их официальную строгую красоту. Лилии и впрямь надо торопиться, потому что тут и там почву уже пробивают зелёные острые иглы вейника. Ещё три-четыре дня, и это уже не одиночные стрелки злака, а куртины сплошной колючей зелёной щетины, настолько агрессивно устремляющейся вверх, что сомнений нет: скоро здесь будут подниматься сплошные и высокие его заросли. Да, на нашей «дикой клумбе» лилии могут считать себя первыми. Но по росту их стараются перегнать побеги крапивы, ещё в апреле выскочившие тут и там у обтаявших оснований столбов. И однажды, услышав вдруг громкий плач нашей маленькой помощницы — внучки Алиски, мы уз-

наём, что она, опять же в этом году «самая первая», успела обжечься крапивой.

Для меня настоящая весна начинается извещением с неба о возвращении на Камчатку жаворонков. Обычно они окончательно распеваются ещё в последних числах апреля, и сейчас по утрам трели радующих нас песен слышны из поднебесья беспрестанно. Но услышать их мы можем, только находясь вдали от питомника. Как я уже говорил, хоровое майское «пение» наших казарок порой заглушает даже рёв двигателей вертолётов, взлетающих с площадки в двухстах метрах от нас.

В первой декаде мая, выйдя однажды утром из дома, мы вдруг слышим резкие, торжествующе радостные голоса озёрных чаек — *Larus ridibundus*. Они извещают мир о своём возврате на родину. Однако радоваться чайкам недолго: пройдёт, наверное, не более десяти дней, и птиц захлестнут заботы о будущем потомстве. Запевают первые прилетевшие с юга овсянки-ремезы — *Emberiza rustica*. Уже который день выясняют отношения живущие в дупле ближнего тополя малые пёстрые дятлы — *Dendrocopos minor*. На удивление красивые трели выдают даже изрядно надоевшие нам воробьи, так они стараются показаться своим самочкам настоящими певчими птицами.

Каждую весну мы живём надеждой на то, что именно этот только-только начинающийся сезон будет лучшим или хотя бы не худшим, чем прошлогодний. И будем жить этим ближайшие три месяца.

Между тем у наших птиц своя жизнь, теперь их хор, который, как нам кажется, становится всё более громогласным, уже не смолкает даже по ночам. Несколько птиц, ни в марте, ни в апреле так и не определившихся с выбором брачных партнёров, ещё вольно ходят по территории. Мы пока



Фрагмент территории питомника в третьей декаде мая

не хотим их торопить, они ещё могут самостоятельно, без нашей помощи создать настоящие пары и иметь в этом году детей. И вот уже видим, что припозднившийся с подбором подруги молодой самец-двухлеток начинает демонстративно опекать родившуюся в прошлом году самочку, отгоняет от избранницы мнимых соперников. Скорее всего, подтолкнуло его к этому бурное кипение страстей у пар, находящихся в вольерах. А вот самочка, нам это хорошо заметно, не очень-то к нему и расположена: для создания семьи она ещё молода и созреет для полноценного брака, в самом лучшем случае, ещё через год. И ни она, ни её поклонник не знают того, что уже в конце нынешнего лета ей предстоит узнать, что такое настоящая свобода. Казарочку, это уже решено, через три месяца мы выпустим на волю.

Вторая десятидневка месяца. Овсянки-ремезы радуют нас звучными, красивыми

песнями. Я уже не помню, когда это началось, но который уже день подряд за нашим забором гоняются друг за другом сразу несколько скандалисток сорок — *Pica pica*: то ли делят самок, то ли кажущиеся им более комфортными места для постройки гнёзд. На нашем застеклённом балконе всё чаще слышится густой бас шмелиного гудения: обманутые теплом изолированного помещения насекомые возмущаются, что никак не могут вылететь на волю. Каждого такого невольника я ловлю и выношу во двор.

В середине мая торопится развернуть свои листочки черёмуха. Будет ли она радовать нас пышным цветением, в иные годы это зависит от некоторых наших птиц. Когда ещё зимой из леса налетают снегири — *Pyrrhula pyrrhula*, дубоносы — *Coccothraustes coccothraustes*, а в редчайшие годы шуры — *Pinicola enucleator*, после их визитов к весне все верхние ветви

черёмух оказываются без почек, и, значит, обильного цветения черёмухи нам в этом году не видеть.

Третья декада мая начинается сливающимися с неба ручейками куличинных трелей: к местам гнездования спешат фифи — *Tringa glareola*. Дни их пролёта мы обязательно отметим в дневнике, а меня в эти дни всё чаще посещает печальная мысль о скоротечности дней этого самого любимого мной сезона.

Но, конечно же, самыми главными остаются события, происходящие в нашем «домашнем» гусином мирке. Вот уже более полутора десятка лет каждую весну изо дня в день в дневниках мы скрупулёзно фиксируем все изменения, происходящие в семейных вольерах наших птиц. Каждое майское утро для меня лично начинается с обхода вольеров, осмотра гнездовых домиков. Уже с середины апреля они заполнены сухой прошлогодней травой и заготовленной нами с осени хвоей лиственницы. Идут дни. Первые яйца в двух гнёздах неожиданно для нас появились вчера, а сегодня ещё в трёх домиках явно наметились гнездовые лунки. Значит, и у этих пар вот-вот начнут формироваться кладки. Обычно казарки начинают нестись в первой декаде мая, в один из годов мы впервые отметили наличие трёх яиц в последние дни апреля, а весной 2006 года на конец этого месяца в пяти гнёздах лежало уже более десятка яиц. Почему для нас так важно более раннее появление гусиных кладок, я расскажу в следующем месяце.

Забот прибавляется ото дня ко дню. Интересных наблюдений — тоже. С началом постройки гнёзд мы можем сказать о том, насколько тёплыми будут весь месяц май и первая половина июня. Даже имея некоторые представления об этом из книг, мы тем не менее продолжаем делать малень-

кие, новые для себя открытия. Вот в одном, а потом и в другом вольерах две самочки предпочли устроить гнездо вне домика. Найдя несколько маленьких палочек на довольно чистой площадке вольера, они собрали их в кучку и, очевидно, посчитав это гнездом, отложили в него яйца. Жаль, что я так и не смог пронаблюдать, как они эти веточки перемещают в одно место: подталкивают клювом или раз за разом перекаладывают по земле. Впрочем, уверен я в последнем. В другие годы мы видим, что птицы (вообще-то, «по убеждениям» самцов, это является неоспоримой прерогативой их подруг) уже в домике стараются собрать для постройки гнезда возможно больше материала. И мы помогаем им в этом, добавляя сухую траву, травяную ветошь, прошлогоднюю лиственничную хвою. С первых уже лет жизни с гусями мы усвоили, что постройка гнезда вне домика говорит о тёплом и достаточно сухом ближайшем периоде весны и лета. Строительство же массивных гнёзд под крышей является предсказанием прохладной погоды в мае и, может быть, о не очень тёплом июне. Сомнений на этот счёт у нас уже нет, зато, как об этом узнают птицы, для нас остаётся загадкой.

Если бы весна приносила только эти заботы! Май для нас с Алей, как и ушедший апрель, — это ежедневный, сплошной «ленинский субботник». Это дни бесконечной работы, бесчисленные занозы, порванные проволокой и гвоздями руки, непрекращающиеся боли в плечах, саднящие и немеющие руки, а отсюда череда ночей с болью, бессонницей и нескончаемыми думами. Это труд, труд, труд, который превращает нас, да что там — уже превратил в рабов этого замечательного проекта. Вот и сегодня, как и вчера, и уже много-много дней подряд, мы с Алей работаем с самого утра:

пилим, стучим молотком, навешиваем рабицу и новые двери на только что построенные вольеры. Опять занозы, опять раны и к концу дня полнейшая усталость. Все, как вчера и позавчера. Правда, сегодня есть нечто новенькое, не каждый день случается: уже под вечер, прибывая дверную петлю, я вдруг перепутал гвоздь со своим пальцем. А гвоздь был большой, и бить его надо было сильно. Сейчас пишу дневник, а посиневший ноготь большого пальца толчок за толчком, толчок за толчком напоминает мне о неточности всего лишь одного из многих сотен сегодняшних ударов тяжёлого молотка.

Защитник семьи

Вольер — суверенная территория семьи казарок, и любое нарушение её границ посторонним непозволительно. Исключения очень редки.

Когда мне было необходимо осмотреть кладку находящейся в гнезде самки 63, я спокойно заходил в вольер и «просил» её чуть приподняться с яиц. К её верному спутнику 64 можно было, не ожидая удара сзади, спокойно повернуться спиной. Так же, не опасаясь, мы чувствовали себя в вольере японской пары 71—72. Тот и другой самцы этих пар при вторжении в их владения или теребили клювом нашу одежду, либо всего лишь «намечали» в сторону нежеланного гостя угрожающие выпады. Обе эти пары в отношениях с нами, людьми, отличались исключительной лояльностью. Мы, птицы и люди, были уверены в том, что не причиним один другому вреда.

Однако такое поведение для наших казарок отнюдь не типично. Однажды, когда мне нужно было посмотреть количество яиц в кладке какой-то другой пары, присев, я так-

же пытался чуть приподнять самку с гнезда. И тут подбежавший самец в прыжке нанёс мне такой удар по лицу, что я упал на спину. Было очень больно, но я понимал: он — защитник семьи, эту роль ему отвела Природа. Сейчас он охраняет сидящую на кладке самку, потом столь же бесстрашно будет защищать и родившихся детей.

Таких агрессивных самцов в гусиной стае немало. И хорошо, что у них на одном крыле подрезаны перья. Временно лишённые способности летать, они подпрыгивают, стараясь достать до лица. Однажды, готовя нескольких птиц к весеннему выпуску, с осени мы не подрезали, а лишь «сшили» часть их маховых перьев. В природу вывезли не всех, некоторых гусей с неподрезанными крыльями оставили в питомнике. И вот результат: стоило мне присесть у гнезда самки, как самец тотчас оказывался на моей спине, больно бил, стараясь попасть клювом и крыльями обидчиво в голову. Что бы было, имей наши гуси возможность летать?!

И хотя такие конфликты для нас, мягко говоря, нежелательны, главную беду мы часто видим в другом. Только появившиеся на свет гусята иногда предпочитают находиться рядом с более подвижным отцом и, когда он устремляется навстречу «захватчикам» суверенной территории, бегут за ним. И тогда агрессивность самца может привести к беде настоящей: нападая на нас, в прыжке он может убить или покалечить подбежавшего к нему малыша. Такое случалось и, поверьте, потом не один день отдавалось в наших душах больно саднящей раной.

В период размножения на активную защиту своей «вотчины» готовы практически все самцы стаи. Часто они с таким остервенением набрасываются на мнимого агрессора, что, едва задав корм, освободив ванну от застоявшейся воды и успев-таки



Семья 71—72. Самка (справа) демонстрирует недовольство нашим появлением в вольере, а самец спокоен



Самец в позе предупреждения о последующем за ним нападении

получить несколько больных щипков и ударов, мы бегом (это ещё больше вдохновляет драчуна) покидаем вольер. В общем-то, это нужно считать «нормой», и тем более удивительными для нас поначалу были случаи резкого изменения поведения некоторых таких боевитых отцов сразу же с

появлением детей. Едва первые гусята «выкатывались» из гнездового домика, родителя как подменяли: ни прыжков, ни других серьёзных угрожающих выпадов в наш адрес больше не было. Самец как бы понимал, что столь активная защита детей может стать для них опасной.



В нападении он старается подобраться ближе к голове

Отдельные особи оставались столь же неуёмными в своей «ненависти» и с появлением гусят. И тогда мы прибегали к радикальной мере — изымали их из семьи. В свой вольер он возвращался через пять-семь дней и, как правило, становился уже более «покладистым».

Самки при вторжении на их территорию нападают редко, обычно лишь принимают позу угрозы или делают в наш адрес демонстративные выпады. С появлением гусят интересно наблюдаемое из года в год поведение самки 82. Едва мы заходим в её вольер, 82-я чуть выдвигается нам навстречу, до предела широко, как руки, разбрасывает крылья и остаётся в таком положении, пока мы не отступаем. В других семьях видеть такое нам не доводилось.

«Неправильным» в поведении отца гусиного семейства нам, людям, кажется то, будучи самоотверженным защитни-

ком своих детей, он тем не менее никогда не заберёт замерзающего гусёнка под крыло. В результате безвременно (пока ещё не вывелись другие гусята) покинувший гнездо малыш, оставшись на ночь рядом с отцом, скорее всего, погибнет.

Все вольеры уже через два-три года после заселения в них птиц полностью лишались любой годной для питания казарок травянистой растительности. Однажды во вновь построенном вольере мы обратили внимание на подрастающий сплошным ковром травостой. Самка насиживала кладку, самец находился рядом. К траве самец не касался, она, для нас это было ясно, для корма была непригодна. Вывелись казарчата, и через несколько дней травяной покров был выеден ими полностью. Оказывается, корм сохранялся для будущих малышей. И это стало ещё одним штрихом к нашему пониманию роли самца в семействе



«Не отдам!» — так каждый раз встречает наше появление в вольере самка 82

алеутских казарок. Так вот почему в дикой природе эти птицы селятся не ближе 50 метров пара от пары. Смысл нетерпимости самцов к ближнему соседству с себе подобными диктуется отнюдь не природной «злостью» их натуры, а лишь необходимостью сохранения достаточно для вывода запаса корма.

Мы убеждены, что каждая наша птица обладает собственным характером, своими привычками, только ей присущей манерой поведения. И в этом готовы оспорить мнение учёного филолога С.И. Ожегова, считавшего, что подобные качества присущи только нам, людям.

В мае у нас появляется ещё одной заботой больше, и забота эта — обеспечение стаи водой. Наши казарки исключительно чистоплотны, любят чистую воду. И особенно много её нужно нам, начиная с первых чисел мая, а потом и всё лето. В ию-

не—июле воду в ваннах приходится менять через день, реже — через два. При 45 вольерах за одну «заливку» ванн мы забираем до пяти тонн воды, за три летних месяца — не менее двухсот. Дальше считать я просто не хочу. Но к чему это я? А к тому, что иногда источника водоснабжения мы лишаемся из-за очередной аварийной ситуации. Сколько тонн воды пришлось нам перетаскать от ближней водоканчки вёдрами, считать я даже не берусь.

Но май — это май! Это весна! Это один из самых любимых нами месяцев. И птицы и мы ждем прихода настоящего тепла. А будет тепло, значит, есть надежда на появление большего числа так ожидаемых нами гусят — маленьких пушистых комочков новой жизни. И с рождением каждого из них наши надежды возрастают, растёт и вера в успех уникального для России, для всей Азии проекта. Нашего проекта!

Этого не должно было быть

Рассказывая посетителям питомника о нашей работе с птицами, о выпусках казарок в природу, мы не так уж и редко слышим вопрос:

— А они к вам сюда возвращаются?

— Нет! Никогда, — уверенно отвечали мы.

И были действительно в этом уверены. Они не могут возвратиться в питомник, так как для птицы домом становится место, где она, впервые оторвавшись от земли, устремляется к небу. В 1993 году на Жупановском лимане мы с сыном Юрием прожили рядом с первыми выпущенными на волю казарками несколько дней. Получив свободу, как казалось, «обалдевшие» от этого птицы сначала накоротке присаживались на воду лимана, оглядывали пространство и вдруг свечкой взмывали вверх. Некоторые из них объединялись, летали по две, по три вместе. И, это надо было видеть, с каким упоением (другим словом я это просто не могу назвать) они начинали чертить в небе один круг за другим. Диаметр кругового облёта рос и рос, потом птицы направлялись в сторону моря или гор, возвращались и опять улетали, удаляясь наконец так, что их не видно было даже в бинокль. А когда мы уже не ожидали их увидеть ещё раз, казарки вдруг падали на воду недалеко от нас. И так было по крайней мере неделю — птицы запоминали место своего «дома».

Сейчас всех своих казарочек мы выпускаем на Курильских островах, там они впервые поднимаются в небо, и их домом становятся Курилы, туда они и возвратятся после зимовки. Нас же, питомник, они просто не смогут найти.

Так было. Как-то несколько лет назад мы увидели трёх алеутских казарок недалеко от питомника на полях. Я схватился за бинокль: ни одна из них не имела меток, и это меня действительно обрадовало. Возможно, решили мы, на Камчатку залетели холостые птицы с Алеутских островов. И вот конец мая 2008 года. Неделю над нами летает алеутская канадская казарка. Откуда она? Американская, с Алеут, или наша, с Курил? Когда птица улетает на несколько часов от питомника, я со страхом жду звука выстрела. Сезон весенней охоты давно закончился, но в наше время это ничего не значит. По рекам всё лето барражируют «усиленные» сотрудниками милиции отряды рыбоохраны. Эти «хозяева природы» не отягчены даже минимумом понятий об экологической культуре, и ружейная стрельба среди лета уже мало кого удивляет.

Я выпустил на озеро двух наших «бездетных» самцов, и залётная гостья быстро смелела. На её ноге мы уже видели зелёную метку, а затем рассмотрели и номер — D 64. Это наш гусь! Он родился в июне прошлого года, выпущен на Экарме в сентябре, а в декабре найден на зимовке в Японии. И вот вернулся к нам. Но такого не должно было быть! Я же пятнадцать лет утверждал и всего несколько дней назад повторил это при встрече со школьными учителями.

Гусь между тем облюбовал для себя верха вольеров, сквозь сетку рассматривал находящиеся внизу птиц. Потом перелетал на озёрную часть питомника, где к нему тотчас устремлялся один из наших «холостяков». Этот «один» права на прилётную гостью (очевидно, это была именно дама) заявил уже с первого своего с ней знакомства. В её отсутствие наши самцы держались вместе, но стоило рядом по-



«Залётная» казарка несколько дней ходила по верхам вольеров

явиться вольной птице, «третий лишний» поспешно удалялся. Было похоже, что в необходимости этого его успел «убедить» напарник. Возвращенка между тем опасалась нас всё меньше, ночь за ночью стала проводить на нашем озере. А я ломал себе голову: как же её поймать?

В один из вечеров залётного гуся на озере не оказалось, и я расстроился: доверчивую к людям птицу при нашей «культуре» могли убить даже камнем. Я уже шёл со своей тревогой к Але, как вдруг наша «пропажа» обнаружилась в одном из вольеров. Так, может быть, все эти дни она ходила по верхам, чтобы найти подходящую «прореху» в сетчатой крыше вольера и сейчас нашла её? Забыв об ухажёре, ждавшем её на озере, казарочка отдала предпочтение другому, живущему в вольере самцу-одиночке. Поймать её там уже не составило труда.

И хорошо, если бы здесь я мог поставить точку!

В первой половине июля, когда с американским коллегой Кевином мы ловили в лесу воробьиных птиц, позвонила Аля.

— К нам прилетела ещё одна казарка!

— Она меченая?

— Да. Зелёным кольцом D 68. И совсем нас не боится.

Насколько я помнил, этого гуся в Японии зимой не видели. Но обескураживало не это. С одним возвратом птицы можно было смириться, как с совершеннейшей случайностью. Но чего сейчас будут стоить наша искренняя вера, наши уверения в невозможности возврата в питомник гусей, выпущенных в природу в пятистах километрах к югу?

И тут вновь звонок от Али.

— Птица уже в вольере. Опять в том же.

Это было прекрасно, но... Где она зимовала? Как нашла нас?

На Камчатку прилетел Абэ-сан, и ответ на первый вопрос мы получили в виде замечательного фото, любезно представ-



Наши «возвращенцы» и в Японии держались вместе

ленного нам его автором Teruo Tazawa. Вот они — D 68 и D 64 летят вместе с двумя гуменниками Миддендорфа над заснеженными полями острова Хоккайдо.

Значит, наши японские друзья просто-напросто этой птицы у себя раньше не видели.

Но вопросов меньше не стало. А тревог прибавилось: мы снова увезём их на Экарму и что будет, если они опять захотят вернуться сюда? Когда нас здесь уже не будет...

Июнь — месяц больших хлопот

Вот одна из записей дневника 1999 года. Сегодня по календарю первый день лета. Рано утром, едва проснувшись, Аля заявила мне:

— Всё! Я от тебя ухожу. Я каждую ночь не могу пристроить свои руки так, чтобы они не умирали. Я вся в ссадинах, занозы от шиповника не только по всем рукам, но даже в спине. Руки изодраны кустами, проволокой. Я работаю с тринадцати лет, неужели же не заслужила сейчас нормаль-

ной, как у всех людей, жизни в своей квартире?

Я её не перебиваю, даю высказаться. И она продолжает:

— Вы вот что-то там колотите, что-то строите, и вашу работу вроде бы видно. А я не только по территории весь день, как муравей, всё таскаю, мне ещё нужно вам сварить, всё за вами перемыть, постирать. И работа эта не видна никому. Знаешь, как мне хочется пожить в своей городской, чистой и ухоженной квартире? Скольких мне стоило трудов, чтобы сделать её такой.

Я услышу это и в следующие наши здесь годы. И опять не буду её разубеждать. Всё, что она говорит, чистая правда. Зимой утром я только протираю глаза, Аля приготовила завтрак и уже работает в зимнике: сгребает в кучи старую, загрязнённую гусями подстилку, стараясь сделать это быстрее, пока я не проснулся. «Настоящая» жизнь для нас начинается со второй половины апреля. Истосковавшись по физическому, созидательному труду, мы уже начинаем искать, что нужно сделать такого, чтобы меньше было работы в мае. Едва-едва

сойдёт снег, я, иногда засидевшись за письменным столом, вдруг спохватываюсь: что-то давно не слышно звуков с нижнего этажа, где зимой всегда находит для себя работу Аля. И оказывается, что она уже давно делает приборку на территории: собирает сбитые зимними ветрами с деревьев крупные сучья, пытается сгрести ещё крепко удерживаемую мёрзлой землёй прошлогоднюю растительную ветошь. Если нам нужно перенести отломившийся от дерева сук, Аля торопится к нему первой, чтобы взяться за толстый его конец. Проходит ещё немного времени, и наша «прихожая», главная площадь питомника, будет вычищена до такого состояния, при котором, по представлению Али, «не стыдно будет принимать гостей». Сколько бы я ни работал, но, будь на её месте, «вытягивать» изо дня в день работу своей жены я не смог бы просто физически.

Когда на открывшуюся всему миру Камчатку ворвался первый поток гостей из разных стран, самыми «главными» для нас посетителями стали японские любители птиц, коллеги. В эти первые годы, помню, меня нередко возмущало мнение «всезнающих» дилетантов о непонятности, чуждости нам, русским, психологии японцев. Я не соглашался с этими «народоведами». Это уже потом, пообщавшись с японцами достаточно много лет, я всё-таки замомнил в некоторых первых своих выводах. Правда, эти сомнения у меня появились после переоценки своих собственных поступков. Боюсь, что они, эти мои некоторые «поступки», естественные на наш взгляд, для японских друзей казались несколько диковатыми. Ведь не случайно же моя первая в Японии переводчица, славная девочка Юка-чан, предупредила своих коллег, чтобы они не удивлялись некоторым моим, не понятным для

японцев шуткам. Что до меня, то я, это честно, некоторых тех своих поступков сейчас стыжусь.

Но Алю чувство такта в общении с нашими гостями не покидает никогда. Конечно же, между такими людьми, как она, и людьми любой национальности просто не может не возникнуть глубокое обоюдное уважение. С первых приездов на Камчатку японские любители гусей всегда оставались жить у нас. Алю отношение к ним шло от материнского чувства, и, видя это, ребята начинали называть её Мама-сан. В нашей совместной с Алей трёхнедельной поездке по настоящей, самобытной Японии я пытался смотреть на эту удивительнейшую страну, на её народ ещё и широко открытыми глазами своей жены. Из поездки Аля вернулась искренне влюблённой в замечательную, сказочную страну Японию, в её удивительный народ, особенно в её детей и женщин.

Летом, особенно в погожие солнечные дни, в питомник приезжают немало друзей и просто знакомых. Все они восхищаются устроенностью нашей территории, чистотой. «Как у вас здесь хорошо!» — это самая повторяемая фраза, которую мы слышим не только от них, но и от зашедших к нам туристов, от людей, случайно посетивших «ферму». Однажды, а было это в сентябре 2008 года при посещении питомника датчанами, один из гостей, уходя, сказал: «У вас здесь, как в раю!» Конечно же, большинство наших посетителей не могут себе представить, какого непрерывного труда практически одного человека требуют эта чистота и устроенность. И заслуга в этой устроенности, в уюте принадлежит одному человеку — Але.

К гостям у Али отношение совершенно особое. Она любит их встречать, кормить.

Я не знаю случая, чтобы у нас что-то «вкусное» было бы спрятано «только для себя». Даже задержавшихся по какой-то причине туристов, если группа не очень большая, она постарается напоить чаем, угостить своим, только что вынутым из хлебопечки хлебом, сваренным ею же прошлым летом малиновым вареньем.

И сейчас, когда она хочет «бросить всё» и уехать от меня в город, я её не разубеждаю. Уже через пять минут Аля будет хлопотать на кухне, потом таскать с нами носилки с землёй и опять «жевать» меня за то, что мы «всё всегда бросаем не на месте». И от любой, даже самой тяжёлой работы, наша «мама» не откажется только потому, что «тогда нам будет тяжелее».

Вот как о своей матери сказал Жан Мишель, сын капитана Кусто: «Она душа и сердце нашей команды. И мне кажется, что она истинный капитан нашего “Калипсо”».

Как же хорошо я это понимаю.

А вот наш совсем недавний разговор:

— Я не хочу, чтобы ты писал эту главу.

— Ты напишешь её сама?

— Нет. Я не хочу, чтобы она была в книге. Чтобы ты так обо мне писал.

— Может быть, я написал неправду?

— Нет. Но я всё рано не хочу.

— Протест отклоняется.

Июнь — один из самых замечательных в питомнике, один из наиболее хлопотных для нас с Алей месяцев. В здешней жизни у нас случались разные годы: плохие, когда лето в июне вроде как и не начиналось, а иногда очень даже прекрасные — 1998-й, например, когда в этом месяце практически не было дождей. Хороших лет было больше, и потому в своих «фенологических

замечках» мы, как и прежде, будем ориентироваться на них.

В первые дни июня ивы начинают сбрасывать ставшие им не нужными весенние украшения. Их серёжки густо посыпают нашу «прихожую», и это добавляет непрестанных забот для Али. Ежедневно с утра, а то и дважды в день она ходит с ведром и выбирает, выбирает из травы отслужившие свою роль соцветия. Между тем тут и там на прогретой земле загораются маленькие солнышки одуванчиков. Раскрывает свои оригинальные трёхлепестковые цветы триллиум. А вот уже по всей территории питомника разливается дурманящий и манящий запах зацветающей черёмухи. Не хочется думать, что пройдёт совсем немного дней и она, во всём всегда торопящаяся, осыплет своими белыми лепестками всю нашу озёрную территорию. Не заставляет долго ждать себя и первый раскрывшийся колокольчик чёрной лилии — камчатского рябчика; тут и там нежным цветом заголубела герань.

Обычно в самые первые часы июня, в иные годы раньше, возвращаются с юга малые мухоловки — *Ficedula parva* и сразу же торопятся известить об этом всех и вся: красивая и на удивление для этой крохи громогласная песня иногда заглушает всех других весенних певунов. В первой декаде июня идёт пролёт чечевиц — *Carpodacus erythrinus*, небольшие стайки зеленовато-серых птиц, самочек и, возможно, молодых самцов мы иногда видим рядом с нашими «нахлебниками» — воробьями. Чечевиц-самочек уже ждут на берегу Авачи за нашим забором более взрослые, ярко-рубиновые самцы этого племени. Их голоса, что-то там выкрикивающие то ли про чавычу, то ли про самих себя, красивых, мы слышим уже не первый день. Коренные жители Камчатки уверены, что

самцы чечевицы сообщают именно о чавыче: сейчас она и в самом деле поднимается вверх по реке к местам нереста.

Появляются и тоже сразу начинают петь пеночки-таловки — *Phylloscopus borealis*. Как бы боясь остаться не услышанными, о своих весенних восторгах громко сообщают прилетевшие ещё в прошлом месяце овсянки — ремез и камышовая — *Emberiza schoeniclus*, им вторит недавно появившийся дубровник — *Emberiza aureola*. В десятках метров один от другого поют два наших соседа-красавца: соловьи-красношейки — *Luscinia calliope*, ещё в мае заняли хорошо знакомые им с прошлого года участки и сейчас заманивают к себе подруг. Я беру бинокль — на лапках обоих певунов видны надетые нами в прошлом, а может быть, в позапрошлом году металлические колечки.

Вдоль приречных зарослей, время от времени проносясь над нашей территорией, с криками в любовной страсти мечутся кукушки — *Cuculus canorus*. А парочка «наших же» белых трясогузок уже не один день кормит своих первых в этом году птенцов-слётков. Вижу я и семейки юных, очевидно, только-только пустившихся в первое своё путешествие чечётчек.

Меня укусил первый в этом году комар, и день ото дня они всё более свирепеют. Но даже комары не могут испортить нам прекрасное настроение — какое же лето на Камчатке без комаров! А между тем незаметно подкрадывается грустный лично для меня рубеж — первый день летнего солнцестояния. На территории питомника в эти дни даже в затенённых уголках отцветает камчатский триллиум, зато из заметно подросшей травы тут и там уже выглядывают фиолетово-синие строгие красавцы — ирисы.

Я забыл объяснить, почему нам вдруг стали слышны голоса певчих птиц. Это по-

тому, что гусиных криков в первом летнем месяце стало несравнимо меньше. А всё то, что я уже успел рассказать об июне, является лишь прелюдией к центральному, важнейшему событию этих дней — массовому появлению гусят!

Казарчата — наши дети

К стыду своему, должен признаться, что почти не видел, как в первые годы своей жизни росли мои сыновья. Командировки «через месяц на месяц» мотали меня из одного района в другой, из леса в тундру, с машины я пересаживался в моторную лодку, затем лодку грузил в вертолёт. Я больше воспитывал браконьеров, чем своих детей. Забота о сыновьях в те годы полностью легла на плечи их матери.

Наверное, так и не познать бы мне в полной мере родительские заботы, не ввяжись мы в это дело, в проект с казарками. Вот когда проснулся во мне родительский инстинкт. Но и здесь я не могу говорить о себе в единственном числе. Конечно же, в этой очень нелёгкой ситуации рядом со мной вновь оказалась моя жена Аля. И у нас с ней сейчас опять общие дети — казарчата. Любимые дети, и их много. Они болеют, и, как ни горько об этом говорить, некоторые погибают от болезней, несчастных случаев, пернатых и «волосатых» врагов своих. И привыкнуть к их гибели, конечно же, невозможно.

Сезон появления и воспитания наших гусят — это ежедневный в течение полутора-двух месяцев подъём с рассветом, бесчисленные походы с ведрами и мешками все дальше и дальше от дома за «только нужной» травой, бесконечное приготовление свежей «детской смеси» из пшенной каши, яиц и зелени. А к этому ещё через



Им мы отдали годы своей жизни

какое-то время добавляется и ежедневный, иногда в течение дня неоднократный «медицинский осмотр» каждого выводка. Но об этом мы ещё скажем отдельно. И, не парадокс ли это, чем больше наши дети доставляют нам забот и печали, тем больше мы их любим. Но несравненно больше они приносят нам радости. Хорошо зная о том, что с первых часов жизни малышей заботы наши возрастают многократно, мы тем не менее каждый год с нетерпением ждем начала появления гусят на свет и хотим видеть их у себя всё в большем и большем числе.

Как многие любящие родители, мы внимательно следим за ростом наших маленьких, фиксируем их первые самостоятельные шаги и поступки, отмечаем проявления индивидуальности. И исходим из того, что каждый наш гусёнок — это личность.

Вот несколько зарисовок из жизни детей нашего питомника.

Сейчас, в который уже раз, о замечательной паре казарок 63—64. За первые три камчатских сезона они вырастили пятнадцать прекрасных крепких гусят. И вот дневниковая запись о детях этой пары в четвертое лето её жизни на Камчатке.

«Сегодня 19 июня 1996 года. Четырём малышам только-только исполнилось пять дней отроду, а они уже третий день не вылезают из воды. Летнее половодье подтопило нашу территорию, вода проступила во всех вольерах. Нам беспокойство, а маленьким казарчатам это, похоже, в большую радость. Они плавают, что-то активно выискивают в сырой земле; к счастливчику, добывшему вдруг земляного червя, тотчас устремляются один или два родственника и устраивают с ним «кучу-малу». Гусята этого выводка по сравнению с малышами из всех других семей на удивление самостоятельны. Уже не первый день пуховички не держатся своих родителей, а каждый занимается сам по себе, чем хо-



Они растут и постоянно хотят есть

чет. Вот двое болтают своими клювиками в воде, третий побежал, чтобы потрепать пучок травы, четвертый, вероятно, сытый, решил вздремнуть на солнышке в стороне от братьев-сестер и родителей».

А вот картинка, которую двумя-тремя днями позже наблюдал Володя Савенков. Гусята поклевали каши с зеленью и один за другим бегут к воде. Напился и отправился по своим важным делам один, за ним утолил жажду второй, следом третий. Последний малыш подбежал к ванне, нагнулся и, вздрогнув, отдернул головку назад, чуть помедлил, нагнулся и опять резко отпрянул. Подождав немного, пить-то хочется, уже с явной опаской, медленно наклоняясь, стал вглядываться в воду. Из воды к нему кралось что-то страшное, и малыш в панике бросился от ванны. Он так и не понял, что тот ужасный в воде был всего лишь его отражением. Мы же в этом кажущемся комичным приключении маленького гусёнка видим главное: у этой крохи

инстинкт самосохранения настоящей дикой птицы.

А как забавно видеть живой четырехпятнадцатидневный опушённый комочек, изо всех своих маленьких сил бегущий по земле и часто-часто машущий малюсенькими отросточками, которые еще только должны стать крыльями. Он уже учится летать! Мы с умилением смотрим на малышей и еще не знаем, что пройдет около полутора лет и кто-то из этих вот четверых гусят (каждый из них обязательно получит у нас свой «паспорт» — индивидуальную цветную метку) 31 декабря 1997 года принесет нам первую большую радостную весть. В этот день мы получим самый бесценный для нас новогодний подарок — сообщение японских коллег о прилёте первых наших камчатских казарок на свою историческую зимнюю родину. Первых после семидесяти лет отсутствия. Они возвратятся в Японию из небытия. И в числе их будет один из этих вот пушистых малюток пары

63—64, забавно озабоченно изучающих сейчас ими же взбаламученную лужу.

Практически всеми нашими гусятами уже с первых дней их жизни овладевает непреодолимая страсть к путешествиям. Если в стенке вольера есть хоть одна дырка, в которую может протиснуться трех-пятнадцатидневный малыш, будьте уверены, он пойдет исследовать новый и, как вскоре поймёт, очень страшный (без матери и отца) для него мир. А мир этот и впрямь может стать смертельно опасным: беда неминуема, если маленького путешественника раньше нас увидят вдруг ворона, сойка или крыса. Вот почему наши уши постоянно настроены на восприятие панического писка гусёнка или совершенно особога, часто повторяющегося тревожного вскрикивания гусыни-родительницы, сообщающей о том, что малыш вышел из вольера, или не может выбраться из ванны с водой, либо попал в какую-то другую опасную для него передрагу.

С появлением первых маленьких пушистых созданий, которым еще только предстоит стать казарками, мы забываем, что такое нормальный сон. Каждое утро, в начале седьмого, собираясь на первое кормление детей, я, как молитву, повторяю: «Только бы все были живы! Только бы все были здоровы!» И, обойдя вольеры с маленькими, пересчитав их, слава богу, всех живых, на сегодня успокаиваюсь. Но спокойствие это весьма условно. Там вон появился новый крысиный лаз — нужно поставить капкан, ворона что-то очень долго засиделась на ближайшем к питомнику топole — надо брать в руки ружьё.

Бывают моменты, когда после гибели малыша, особенно по какой-нибудь нелепой (такое бывает) случайности, у меня не то что портится настроение, тоска наваливается. Аля сама расстроена, но всегда

пытается успокоить меня. Вспоминать об этом не хочется. А вот одна из записей, сделанная в нашем дневнике Алей: «Коля на полдня отлучился в институт. И надо же было так случиться: шестерых, всего лишь три дня назад родившихся, несмышлёных гусят угораздило забраться в ванну для купания взрослых птиц. Запрыгнуть-то они туда ухитрились, а вот вылезти уже не могли: силенок оттолкнуться от воды не хватает. Родители-гуси инстинктивно хорошо осознают, что для малышей это практически безвыходное положение, очень скорое намокание пуха, переохлаждение и неминуемая гибель. Ну, имей гуси хоть чуточку соображения: возьми клювом и выхвати глупое дитя из воды. Любое млекопитающее так бы и сделало. Этим же пернатым только и ума хватает, что бегать рядом с ванной и кричать, кричать, по-особому тревожно кричать.

Не знаю, как в непрерывном громком гомоне десятков птиц мне удалось услышать этот сигнал беды. Его, как мне показалось, услышало моё сердце. Я сразу поняла, что кричит, зовёт на помощь птица-мать.

Когда я прибежала на этот крик, малыши уже еле держались на воде — много ли надо этой крохе. Выхватив одного за другим из ванны, побросала птенцов себе за пазуху, майкой потихоньку стала отжимать из их пуха воду, после чего, переодевшись в сухое, долго грела их на животе. Коля вернулся, когда у меня под грудью оставался только один гусёнок. Не хочу даже думать о том, что бы мы пережили, случись это несчастье».

Вот так. А эти глупые гусята все благополучно выросли и дней через 45—50 на острове Экарма стали вольными птицами.

Здесь, очевидно, нам пора рассказать о том, что, кроме гусей, в нашем питомнике



Наши «невольные невольники» — кречеты

не первый год живут кречеты — *Falco rusticolus*. Это побывавшие в руках браконьеров несчастные птицы, выпустить в природу которых охотоведы уже не могли. На лето 2009 года мы поместили их в вольер рядом с двумя семьями казарок, в одной из которых росли пять, в другой — три казарчёнка.

Основным питанием подневольных кречетов у нас, конечно же, может быть только курятина, и нетрудно догадаться, насколько без «тёплой крови» она им надоедает. Наши кречеты каждый день видели за сеткой казарок с детьми, и, мы думаем, их недосыгаемость являлась для хищников моральным истязанием. Перевести же гусиные семьи в другие вольеры мы не могли, потому что все они в это время были залиты водой (об этом ниже).

Вот запись, сделанная Алей в дневнике 10 июня 2009 года:

«В семье казарок, которую опекает Монти, один малыш начал искать приключений уже с трёх-четырёхдневного возраста.

Сначала он нашёл маленькую дырку под забором и ушёл жить к «соседям», где в один с ним день родились три гусёнка. Та семья его приняла, он ночевал под приёмной матерью, но на другой день вернулся домой. Мы видели, как он уходил и приходил ещё два или три раза. Дырку решили заткнуть.

Сегодня детям этой семьи десять дней от роду. Я думаю, это случилось с тем же бродягой: он нашёл ещё один не замеченный нами лаз, но уже в другой вольер, где казарок нет. И ушёл туда. Когда я недосчиталась одного казарчёнка и увидела его в панике бегающим за стенкой вольера, из которого он с его замашками легко мог уйти к кречетам, мне стало дурно. Забежав в вольер, я упала в грязь, но, уже лёжа на животе, успела поймать маленького негодяя, когда он наполовину пролез к хищникам. Успей он проскользнуть туда, кречеты не стали бы ждать, пока я вокруг, через три двери пробегу к их вольеру. Когда вернула гусёнка к родителям, мне показалось, что

сердце стучало где-то в горле. Привыкнуть к этому, к таким нервным встряскам я не смогу никогда. И почему это случается с гусятами, со мной, когда Коля куда-то, как сегодня, уезжает?»

На четвёртый или пятый год работы на нас навалилась беда посерьёзней. Причиной её стал сингамус — микроскопический лёгочный гельминт. Его к нам, скорее всего, из какого-то ближайшего свинарника или птичника занесли неблагодарные «дармоеды» — воробьи. И вот уже сингамоз «душит» нас из года в год. Взаимная им дань исключительна: гусята заболевают все, и эта страшная болезнь почти неотвратимо должна закончиться для малышей скорой смертью. Сингамоз мог бы убить девять из десяти поражённых им пуховичков. Наш оброк — гибель не более, обычно менее десятой части от всех родившихся молодых. Эта потеря для нас очень горька, а заслуга в спасении остальных гусят принадлежит коллегам из зоопарка японского города Сендай и учёным США, присылающим действенные медицинские препараты. Страшно подумать, что бы мы делали без них. Вот почему каждое утро мы не только кормим наших детей, но и внимательно в течение минимум одной минуты наблюдаем за каждым выводком. Встряхнул головкой один маленький, может быть, просто комара отогнал, но для нас это уже сигнал возможного бедствия. Кашлянул хотя бы один из них, и медицинская процедура для всего выводка неизбежна.

Вот запись в дневнике 9 июля 2001 года. «Сегодня мы давали очередную порцию таблеток заболевшим гусятам. Утром заметили, что начали чихать молодые птицы в двух вольерах. Мы уже лечили и тех и других, когда им было по две недели от роду. И вот опять.

Наше появление в вольере с сачком в руках вызывает переполох. Паника начинается с родителей, которые хорошо знают, что означает эта штука. Всем гусятам в крайне неприятном для них предназначении сачка за короткое их пребывание в питомнике придётся убедиться неоднократно. Но уже сейчас от бессознательного пока страха дети начинают пищать. Мы им сочувствуем, но я ловлю маленьких одного за другим и помещаю в коробку. Сама процедура лечения не сложна: Аля держит перепуганного малыша, каждому из них поглубже в рот я заталкиваю пинцетом, а то и пальцем одну маленькую таблетку и брызгаю туда же из шприца водой. Глупые гусята не понимают, что с ними делают, но им это кажется чем-то очень страшным; всеми своими небольшими силами они пытаются вырваться из рук и в ужасе пищат.

Я смотрю на этих несмышлёнышей и вижу себя в детском саду в таком же вот, наверное, в пересчёте на их век, возрасте. Как же мы тогда боялись «уколов» и других прививок. И, как когда-то очень давно нас уговаривали наши милые добрые воспитательницы, говорю гусятам: «Я понимаю, что это очень страшно, но так надо, детки!» И очень хорошо, что вместе с таблеткой малыши получают такую необходимую для них «инъекцию недоверия» к человеку.

— Никогда не доверяйте людям, — говорю я нашим воспитанникам, закрывая за собой дверь вольера. — Никогда!»

Но почему (об этом мы уже упоминали) нас радует, когда птицы начинают рано, ещё в апреле, нестись? Это значит, что они рано сядут на кладки. И раньше выведут гусят. И пускай мы тогда ещё по одному стебельку, по одной травинке собираем пригодную для наших малышей зелень, важно другое. Дело в том, что ежегодно в



Наша внучка Алиса во время «второго пришествия» воды

июне с началом таяния снегов в горах в реке Авача поднимается вода. Пока мы не очень ещё застроили свою территорию, ежегодно в одном месте обязательно проявлялась большая лужа. Она держалась настолько долго, что в воде успевали появиться личинки комаров. Лужа затем, уходя в землю, постепенно усыхала, и постоянно пасущейся по её краям парочке белых трясогузок с каждым днём всё легче было собирать так и не успевших превратиться в кровопийц комариных «детюшек».

И так было до июня 1997 года, когда дружное таяние снега в горах настолько переполнило русло Авачи, что в конце второй декады июня вода уже не просачивалась через грунт снизу, а сплошным потоком шла в питомник сквозь забор. Под водой оказалась вся наша территория. Подтапливались гнёзда, но во всех, кроме одной, семьях уже появились гусята. Правда, некоторые из них успели родиться за один-три дня до половодья. Мы отбирали детей у родителей, заносили их в зимник.

Но и там вода вскоре поднялась над полом на десятки сантиметров. Самку-американку бб с пятью пуховичками поселили на балконе дома, здесь же в другом углу собрали в «детский сад» ещё нескольких малышей от других пар. Вода сошла, и мы стали возвращать родителям их детей. Однако некоторые пары не захотели их признавать, так у нас на воспитании появились пять совсем ещё маленьких «детдомовцев».

Ребята-охотоведы привезли в питомник пойманного где-то гусёнка-гуменника. По возрасту он был, может быть, чуть старше некоторых наших оставшихся без родителей малышей, но значительно превосходил их по величине и мощи. Отгородив на освободившемся балконе уголок, мы поместили туда гусёнка и посадили к нему пятерых казарчат. Малыши сразу же потянулись к гуменничку, но тот бил их клювом, казарчата пищали и опять старались прижаться к живому теплу. Утром, заглянув в наш «вольерчик», мы увидели, что четыре



Такой «прихожую» питомника увидел объектив Е. Сыроечковского 4 июня 2009 г.

казарчёнка грелись, тесно прижимаясь к бокам вчера ещё такого недружелюбного «старшего брата», пятый лежал на его спине. Так у маленьких «подкидышей» появился, как потом выяснилось, очень ревностный «приемный родитель».

В следующий раз нас залило через несколько лет, и опять же во второй декаде июня. Но мы не могли себе представить катаклизм, ожидавший нас в будущем.

Июньский сюрприз 2009 года готовился для нас ещё зимой. Камчатка, по крайней мере южная её часть, никогда не могла посоветовать на недостаток атмосферных осадков. Если их не так много выпадет зимой, значит, нужно ожидать дождливого лета. Начало года 2009-го осадками нас, что называется, не обнесло, снегу, особенно в горах, насыпало немало. «Ну и что?» — спросили бы нас. «А ничего! Нам не привыкать!» — ответили бы мы, если бы ещё в декабре не проснулся вдруг Корякский вулкан. Трудно сказать, чего больше за эту зиму упало с неба на долину Авачи, снега или вулканического пепла, но этой смесью оказался покрытым весь водосбор реки.

Затем пришла весна с небывало тёплым, солнечным окончанием мая. Ещё более жарким, каждый день за 20 градусов, с самых первых дней своих случился июнь. По всему водосбору Авачи солнце стремительно «съедало» загрязнённый снежный покров, и река, не готовая к столь обильному стоку с гор, буквально вспухала. Первую лужицу в одном из вольеров выдавило из земли вечером 2 июня. На другой день замочила большая часть «прихожей», и с неожиданной стремительностью заливать нас стало с утра 4 июня.

В этот день на Камчатку прилетела супружеская чета учёных — Женя Сыроечковский и Лена Лаппо. Времени на отдых Евгению я не дал, едва выпив чашку чая, он сразу же на несколько часов «впрягся» в работу. В гнездовые домики казарок мы помещали деревянные щиты, на них — автомобильные шины, ещё выше — тазики, в которые укладывались гнёзда.

Вода между тем продолжала подниматься с удивляющей скоростью: когда мы «обустроили» гнездо в пятом по счёту вольере, в первом кладка уже покрылась водой.



Под водой оказалась и вся «воспроизводственная» территория



Гнёзда с кладками помещались в тази

Из большинства яиц уже слышались голоса гусят. И казарки, наверное, не меньше, чем мы, не хотели их гибели. Все птицы, едва мы выходили из вольера, тотчас занимали до неузнаваемости трансформированные гнёзда. А потом, по прошествии дней, некоторые птицы ещё долго не теряли надежды согреть уже погибшие кладки.

К утру дня следующего мы поняли: гусят, уже точно, не будет, как минимум, у двух третей пар. Высокая вода держалась более двух недель, а уйдя, оставила под-

мытыми стенки вольеров. В одну из ночей через такую промоину проникла норка и убила пять очень хороших птиц основной родительской стаи. Успешным же этот сезон стал только для четырёх семейных пар. А ещё недавно мы надеялись, что за лето у нас вырастут не менее сорока—сорока пяти молодых казарочек, что в сентябре мы будем готовы дать свободу чуть ли не сотне птиц. И «закроем» проект.

К счастью, многоводные половодья не столь часты. И тогда обильно покрываю-

щие нашу «прихожую» безлепестковая ромашка и мятлик не кажутся водорослями, а выходя поутру из дома, мы не удивляемся спящим у порога стайкам мелких рыбёшек-колюшек.

В июне, когда нет такой воды, у нас редкий день без гостей.

Наши посетители

Как-то ещё в первые годы нашей работы в питомник завели группу туристов, ожидавших вылета в Долину гейзеров. Одни пошли смотреть птиц самостоятельно, кто-то стоял и слушал мой рассказ. Одна, как я тогда определил, «дама от руководящего мужа» никуда не пошла, стояла и слушала. Такие редко, но иногда чисто из «инстинкта стадности» к нам заходили. Ей, судя по сквашенным скукой губам, ни идти куда-то, ни слушать кого-то не хотелось, было неинтересно. Но уж раз пришли... Я же сразу обратил внимание на маленького, но такого же, как мама, пухленького сынка матроны. На лице юного отпрыска застыла копия маминой гримаса скуки и безразличия. Увидев рядом с собой кустик цветущей лилии — рябчика, миленький мальчик оторвал один из цветков и с каким-то на удивление садистским наслаждением стал растирать его пальцами. Бросив остатки цветка под ноги, он потянулся ко второму. Я вопросительно глянул на «барыню», и только тогда мамочка не велела своему чаду «рвать здесь траву».

Вот и последняя пятидневка месяца. Раскрываются первые цветы шиповника. Начинается период летних «снегопадов» — это свои семена рассеивают наши великовозрастные ивы. Похоже, что только этого и ждали завозившиеся в нашем пруду караси — пришла пора их икрёма.

Июль — заботы, заботы

В первой декаде июля бархатными, нежно-розовыми соцветиями, похожими на миниатюрные кисти сирени, покрываются кусты спиреи. Весь месяц в полную силу цветёт шиповник. С «дикой клумбы» из буйно разросшегося вейника за нами подглядывает лилия средняя. Кажется, что она стесняется своего любопытства, и поэтому каждый лепесток её цветка смущённо и в то же время кокетливо (прямо как мизинчик барышни-жеманницы) изогнут. Лишь до середины июля нам изредка будут встречаться элегантные аристократы-ирисы. Они как бы подчёркивают, что посещение нашего питомника — всего лишь долг вежливости, и быстро, «по-английски» исчезают. Не в пример ирисам совсем лишена чопорности голубоглазая милая простушка — герань. Широкими, не претендующими на красоту соцветиями распускает свои зонты медвежья дудка. Далеко за два метра вверх вымахала худосочная камчатская какалия. Позднее зацветает очанка; пройдёт немного времени, и вдоль наших дорожек расстелятся целые созвездия из многих тысяч крошечных цветочков этого «сорняка». А за воротами питомника в начале второй декады июля розовыми цветущими свечами увенчиваются густо поднявшиеся заросли иван-чая.

У мелких птиц период больших забот и нескончаемых. Им сейчас не до песен: надо кормить родившихся ещё в прошлом месяце, но ещё требующих внимания постоянно голодных детей, к тому же птицы боятся привлечь к ним врагов. Но, оказывается, в это лето они замолкли ещё не совсем. И вот уже вновь без купюр исполняет свою арию соловей-красношейка, ему вторят малые мухоловки, овсянки, нет-нет да опять во весь голос заявит о се-



Казарки — очень заботливые родители

бе самец чечевицы. А с небес робкой струйкой льётся подзабытая уже, так радовавшая нас весной песенка жаворонка. И это может говорить о том, что вторые выводки у нас имеют не только белые трясогузки и красношейки, вероятно, к этому «подвигу» готовы и некоторые другие певчие птицы. В иное лето в июле можно редко услышать голос глухой кукушки — *Cuculus saturatus*, но чуть ли не каждый день далеко по округе разносится звонкое «ку-ку». А это значит, что некоторым повторно гнездившимся певчим птицам ещё в это лето придётся воспитывать не своих, а кукушкиных детей.

Во второй половине месяца по нашей территории перелетает всё больше птичьей молодёжи: белых и горных — *Motacilla cinerea* трясогузок, пухлячков — *Parus montanus*, пока ещё рябеньких соловьёв-красношеек и малых мухоловок. Домовых воробьёв — *Passer domesticus* сотни, и кажется, что стая их день ото дня продолжает расти.

На озёрной части питомника птиц поджидают специальные, их называют «паутинными», сети. Изготовленные из тонкой капроновой нити и окрашенные в чёрный цвет, на фоне древесной зелени для птиц они почти не различимы. Сети я проверяю часто, и бывают дни, когда каждая такая проверка даёт до десятка пойманных мухоловок, соловьёв-красношеек, горных трясогузок, овсянок. Всем нашим пленникам вручается небольшой «памятный сувенир» — лёгкое металлическое колечко и сразу же предоставляется свобода. Теперь мы будем ждать: вдруг от орнитологов Японии, Таиланда или Малайзии придёт сообщение, что родившаяся у нас пичуга зимует в одной из этих экзотических стран?

Пируют комары, начинает появляться, к счастью, немногочисленная на нашей территории мошка.

Но всё, о чём я только что говорил, замечается нами как бы попутно. Каждый день с рассвета и до густых сумерек всё

наше внимание, все наши заботы, все чаяния сосредоточены на юном гусином поколении. В иные годы последние казарчата в гнёздах с припозднившимися кладками появляются ещё и в первой декаде июля, когда в других семьях дети едва не достигают величины своих родителей. И, конечно же, на этих кажущихся совсем крохотными малышкой-гусят направлена преобладающая часть нашего внимания. И, как мы уже рассказывали, с не меньшим вниманием и с искренней «благодарностью» щипками и ударами нас встречают теперь уже родоначальники других семей.

Подросшие казарчата с заметным удовольствием и с возрастающим аппетитом употребляют зелень: хвощ, листья одуванчика, осота... А мы, едва задав корм самым маленьким, берём в руки вёдра и торопимся за едой для подростков. И так весь месяц — изо дня в день, изо дня в день.

Наши посетители

В моё отсутствие питомник вместе с другими туристами посетил живущий ныне в Москве бывший камчатский завоблоно — заведующий областным народным образованием, в своё время мгновенно переключившийся из «товарища» в «господина» заместитель губернатора. Рассказывая о задачах проекта, Володя Савенков видел, что не так давно именитому камчадалу слышать это очень не интересно. Но по тому, как он переминался с ноги на ногу, было заметно: «господину» не терпится спросить о чём-то, очень его волнующем. Володя закончил рассказ, и гость наконец задал мучивший его вопрос:

— А они... эти ваши птички, вкусные?

Я застал Владимира расстроенным: бедная Камчатка, какие моральные уроды иногда оказываются в креслах правящих тобой «перестроечных господ»!

Странный гусёнок

Обоим партнерам пары 10—11 было по пять лет, когда при кладке из пяти яиц у них родились лишь два гусёнка. Буквально с первых часов жизни они поражали меня своей доверчивостью.

Известно, что гусята первые два, а то и три после рождения дня могут обходиться без пищи. Оказывается, птенцов в это время подкармливает сохраняющийся в их организме так называемый желточный мешок. В эти первые дни жизни у гусят происходит как бы доразвитие, но уже в условиях адаптации к среде, в которой им теперь предстоит жить. В эти же часы они знакомятся со своими родителями. Но, предоставляя малышам такую возможность, мудрая Природа смотрела дальше. Дело в том, что иногда появление следующих за первенцами братьев и сестёр растягивается на часы и дни. Мать будет ещё один-два, редко — чуть дольше, дня догревать задержавшихся в скорлупе птенцов и потому не может показать родившимся ранее детям, где и какой корм можно найти. Вот для чего этот «желточный мешочек» малышам и бывает необходим.

Считается, что в условиях питомников гусят в эти дни можно не кормить. Но уже к вечеру первого дня их выхода из гнездового домика мы заносим в вольер и предлагаем им горсточку младенческого корма. Родители сразу же объясняют детям, что это такое. И на следующий день с раннего утра мы начинаем кормить малышкой через каждые три часа.

На моё появление в вольере казарчата обычно реагируют вполне нормально: пугаются, жмутся к родителям, стараются спрятаться за них. Гусята, о которых я рассказываю сейчас, чуть ли не на второй день своей жизни усвоили: пришёл кто-то из нас — по-

является свежая пища, и тотчас торопились нам навстречу. Так было несколько раз на дню. Но мы готовим казарчат к жизни на воле, где им надо бояться не столько четвероногих, сколько двуногих млекопитающих. На четвёртый-пятый день их жизни я записал в дневнике, что столь «трогательное» доверие маленьких гусят к человеку ничего, кроме беды, им не принесёт. Такая доверчивость малышкой казалась сигналом об отсутствии у них одного из важнейших, необходимых дикому существу качеств — инстинкта самосохранения. Это тревожило.

Так продолжалось около десяти дней, пока вдруг, именно вдруг, я не увидел резкого изменения их поведения. Столь необходимый нашим птицам инстинкт проснулся, и с того дня, едва завидев меня, подростки бросались прятаться в траву. Казалось, что от встречи к встрече я становлюсь для гусят всё более страшным. Это как бы компенсировало их излишнюю «беспечность» в те первые дни, что очень радовало.

В то же время я стал обращать внимание на какую-то не понятную мне необычность в одном из гусят. К той весне мы видели, уж точно, более двух сотен казарчат: дети как дети, некоторые, правда, уже в первые дни жизни заметно индивидуальны в своём поведении. Внешне же все наши казарчата казались мне одинаковыми. А у этого странным было всё: осанка, изгиб шеи, постановка головы и постоянная напряжённость. С каждым днем все более не похожим на других становилось его поведение, и эта странность бросалась в глаза все резче. Он рос быстрее своего «близнеца», но при этом поведение его оставалось каким-то, я бы сказал, беззащитно детским. К двухмесячному возрасту, когда молодые казарки приобретают оперение взрослых птиц, он так и сохранил свою осанку, смотрел на все вроде как свысока и в то же время с удивле-

нием и большой опаской. Завидев меня, тотчас с детским, ещё писклявым криком в панике убегая, гусёнок мог вдруг в испуге шарахнуться от любого давно известного ему кустика шиповника, пучка травы и даже от гнездового домика.

Сначала это казалось просто забавным, потом становилось все более интересным. В то же время все в его облике, его поведении мне напоминало что-то знакомое и не раз виденное. Но что? И лишь в октябре, когда все птицы питомника были собраны вместе и когда в любое мгновение в сотенной птичьей стае можно было выделить одного странного гуся, я наконец, кажется, понял, в чем странность этой удивительной особи. Всё сразу встало на свои места: эта необычность осанки, выражение «лица», сохраняющаяся детская инфантильность, беспомощная робость в поведении и при этом хорошо набранная масса тела — да, буквально все изобличало в нем... ребёнка-олигофрена!

Но... гусь-олигофрен — это же нонсенс, нелепица. Чтобы быть умственно отсталым, надо иметь какой-то ум. А мы знаем, и доктор Лоренц об этом писал, что ума, в нашем его понимании, у гусей нет. Тем не менее все характеризующее этого гусёнка говорило о его «умственной отсталости».

Молодой гусь стал для меня еще более интересным. Я решил оставить его в питомнике до наступления половой зрелости. Так называемый основной инстинкт у олигофрена, конечно же, должен быть в порядке. Каковы же будут его дети?

Но Природа, похоже, предусмотрела возможность рождения подобного «чуда», и оно было нежелательным: зимой молодой, хорошо упитанный, внешне очень сильный гусь в одночасье скончался. И оставил после себя не разрешимую для нас загадку.

Бывают же такие дни! Утро чудесное, день обещает быть замечательным. А меня с самого рассвета неотступно гложет беспокойство: вчера чем-то не понравились маленькие у пары во втором вольере, встряхивал головкой малыш в вольере номер пять. Надо внимательно посмотреть, может, его уже начал душить сингамоз. Надо проверить... Посмотреть... Не забыть... Надо... Надо... Надо...

В общем-то, это наше обычное состояние рядового дня. И всё-таки случаются дни, когда действительно всё идёт «наперекосяк». Вот и вчера. Умерли сразу два только что родившихся гусёнка. Молодая самка задавила в гнезде своего первенца, и он в этом скорбном списке стал третьим. Полностью не оплодотворённой оказалась кладка из семи яиц у хорошей, но страшно невезучей в семейной жизни японской самки. И уже во второй половине дня через образовавшуюся в нашем заборе дыру на старицу реки Авачи вышли семь годовалых казарок. Семь из тринадцати молодых, не выпущенных в прошлом, но готовых к вывозу на Курилы в этом году. Это едва не стало огромной потерей для нас и несомненной трагедией для получивших такую «свободу» птиц. Но... Каким-либо сверхъестественным даром, это точно, я не обладаю и тому, что случилось потом, найти объяснение так и не смог. Что-то (а может быть, Тот кто-то?) вдруг, без какой-либо к тому необходимости заставило меня выйти за калитку и посмотреть на старицу. У меня оставалось, точно, менее десяти секунд, чтобы увидеть уплывающих за поворот протоки последних двух птиц. В следующие мгновения я уже бежал сначала по дороге, затем по лесу, отгонял казарок от главного русла Авачи к протоке и, наконец, по пояс в воде забитой всевозможным хламом старицы гнал их к нашим воротам.

Как всегда, в нужные минуты и в нужном месте оказалась Аля. Птиц мы вернули всех, и это уже само по себе явилось маленьким чудом.

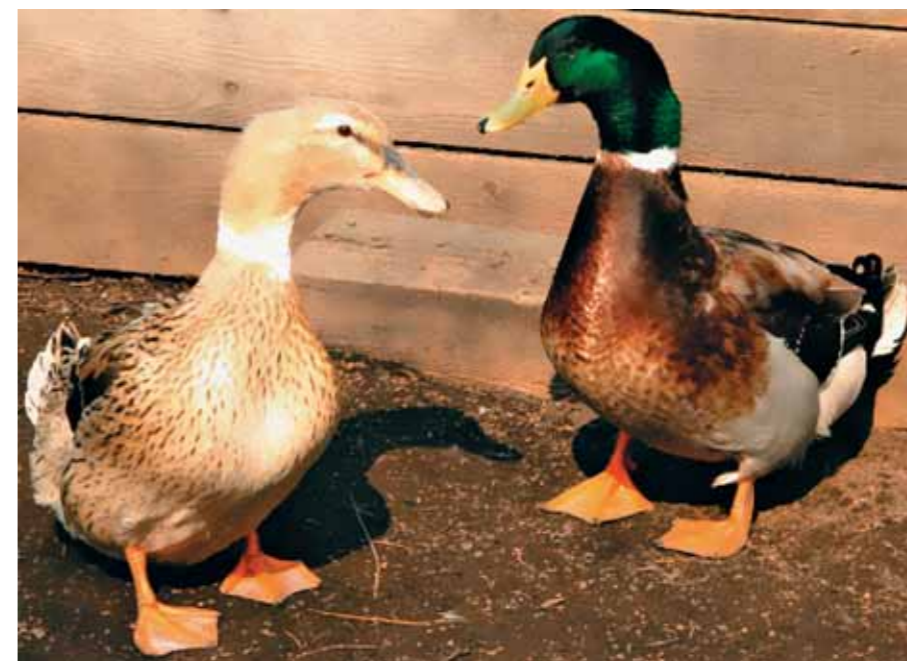
Так завершился всего лишь один из сотен июльских дней нашей жизни с гусями.

Светлого времени в сутках между тем становится всё меньше. А вот и самый последний день июля очередного года. В нашем малиннике обнаружилась первая созревшая ягодка.

«ПОТОМКИ» ПТИЦ

С первых дней, с первых лет нашей работы в питомнике я сразу сказал, что на нашей территории не будет ни одной домашней живности. Конечно же, это не касалось наших лохматых security Билли и Грома. А нам советовали и куриц завести (заразу разводить?), и уток, и гусей домашних (у нас же не колхозная птицеферма!), и козу, и чуть ли не поросёнка (это на научном-то стационаре!). Потом я узнал, что в качестве «живых инкубаторов» в питомнике действительно не помешали бы две-три индюшки. Оказывается, эта птица без труда может быть усажена на чужие яйца, очень старательно обогреет более двух десятков яиц и будет заботливой мамой для подкинутых ей чужих детей. Но за первые четырнадцать лет работы в нашем питомнике даже на день не появилось ни одной домашней животины. Кроме, как я уже сказал, собак.

И вот на пятнадцатом году нашего «фермерства» список гусеобразных птиц питомника нежданно-негаданно пополнился. Нашим соседям, ребятам из «Согжоя», отдали пару домашних уток. Для жаркого к новогоднему столу. Парням-охотникам птиц стало жалко. А кому-то



Вот они, красавцы

пришла в голову мысль: ведь их же можно использовать весной для охоты как подсадных уток. И нас попросили передержать эту пару до весны.

Мне тоже стало жаль этих отдалённых потомков диких кряковых уток, и парочка «уродов», как я совсем не зло сразу же стал их называть, переселилась к нам. Радовала она нас безмерно. Аля так сразу же в них влюбилась. А я, глядя на «уродов», хохотал по меньшей мере всю первую неделю их у нас жизни. Против наших, имеющих классическую фигуру гусей они, конечно же, выглядят более чем смешно. Это какие-то две косолапые и пузатые лодки, таскающие свои животы по земле. К тому же у них были редуцированные, не способные поднять этих толстяков в воздух крылья. И ещё: эта пара, а особенно утка, страшно боялась людей — видя нас, постоянно истерично вскрикивала. Впечатление такое, что они знали, для чего их недавно готовили, и никак не могли отойти от

ожидания этого кошмара. Зимой обнаружилось ещё одно их отличие от наших птиц. Казарки, выйдя утром из зимника, никогда днём в него не заходят, вечером, если не очень холодно, их обычно проходится «уговаривать» уйти под крышу. Эти же квартиранты буквально в первые дни жизни у нас уяснили, где находятся тазы с кормом, и утром, чуть потоптавшись по снегу, переговариваясь, вскоре направлялись в дом. Появлялись на дворе для приличия и скоро опять шли подкрепляться. Так что не только фигура их, но и поведение говорили о чрезмерном чревоугодии этой заполюшной парочки.

В марте, когда дни заметно удлинились, наши птицы задерживались на прогулке всё дольше и дольше, и тазы с кормом мы выставляли в «прихожую». И вот однажды, было это 14 марта, мы увидели, что по двору топчется один селезень. Пока с балкона я оглядывал нашу территорию, из зимника, с боку на бок переваливаясь,

вышла потерявшаяся было толстушка, и парочка уже вместе пошла отгонять от тазика с кормом законных хозяев — казарок. Заподозрив, что наша дама уединялась не просто так, я пошёл в зимник и там в укромном месте обнаружил собранную в кучу свежую стружку. «Куча» оказалась гнездом толстухи, а в нём, заботливо укрытые слоем стружки, лежало... 17 яиц. И это значило, что первые три яйца утка снесла ещё в феврале. Таковой оказалась благодарностью птицы за сохранённую ей жизнь.

Остановиться утка уже не могла: в марте снесла 31 яйцо, по одному в каждый день апреля — ещё тридцать яиц. Мы зафиксировали «юбилейное» семидесятое яйцо, потом восьмидесятое... Таких вот, оказывается, уток-несушек вывел человек. Если так будет продолжаться, нам не нужно будет покупать яйца для выкармливания казарчат.

Пришлось выделить птицам вольер, и утка сразу же правильно определила место для устройства гнезда. Поутру, когда утица находится в гнездовом домике, селезень, если его не беспокоить, спокойно лежит в самом дальнем углу вольера. Это не что иное, как остатки дикого инстинкта: самец старается не «рассекретить» место нахождения гнезда. (Правда, в природе селезень свою самку вообще покидает.) Едва увидев, что я вышел из дома, он встаёт, переминается с ноги на ногу, смотрит то на меня, то в сторону гнезда, беспрестанно тихо и беспокойно «шепчет»: «Шва... шва... шва...» Видно, что он очень переживает за занятую важным делом подружку. Когда утка встаёт и начинает заботливо укрывать свою кладку гнездовой выстилкой, селезень подходит ближе и ждёт её уже у порога гнездового домика. Привязанность этих двух птиц друг к другу просто поражает и умиляет. Как же мало мы, люди, знаем

о живущих рядом с нами «меньших братьях» наших! И мне с каждым днём становится все более и более стыдно, что я называл этих птиц уродами. Посмотрите на них ещё раз: разве же они не красивы?

Уже плотно сев на кладку, наша утка, как была, так и осталась страшной трусихой: стоило кому-то из нас появиться во дворе у неё на виду, она тотчас убегала от гнезда и, истошно вскрикивая, металась в дальнем углу вольера. Я вынужден был перевести её вместе с гнездом в вольер подальше, но и там ей не повезло: за несколько дней до выхода утят из яиц всю кладку погубили крысы.

С десяток же её яиц, по одному, мы разложили в гнёзда казарок. Так у нас появились шесть маленьких утят-подкидышей. Наблюдать за ними было, как говорится, «и смех и грех». В первые дни малыши были один в один утятами кряквы, а казарки-самки, похоже, не отличали их от своих родных детей. Но в двух семьях более внимательными оказались самцы, и стоило подкидышу появиться рядом с неродным папашей, тот сразу же пытался достать подозрительного «уродца» своим клювом. Но ещё больше поразила реакция «нелюбимых приёмых»: они моментально поняли, что «им здесь не рады». Один из «нелюбимых» постоянно держался в стороне от казарчат, другой вообще нашёл для себя укрытие за ванной, и до поры его не могли обнаружить в вольере даже мы. Эта самая «пора» для приёмых наступала с появлением в вольере очередной порции корма. Тот и другой пулей подлетали к выложенному корму, с жадностью выхватывали из него кусочки варёного яйца, после чего также стремительно убегали обратно. Не менее расторопными были утята и в других гусиных семьях: их любовь к яйцам и торопливая жадность оставляли



Они в растерянности: куда бежать?

казарчатам лишь зелень и кашу. Естественно, едва эти нахалы чуть подросли, мы собрали их вместе и перевели на отдельную площадь — пусть теперь объедают друг друга.

Интересно, что и дети оказались столь же трусливыми, как их подлинные родители. Смешно было видеть утят, которые при виде людей дружной кучкой в ужасе бежали в один угол вольера, там разворачивались и бежали обратно, после чего всё повторялось снова и снова. Ещё более забавным это представление стало, когда к изрядно подросшим пятерым утятам мы подсадили припозднившегося с рождением последнего, самого маленького. Он бежал за всеми и был, естественно, последним. Когда группа разворачивалась, чтобы бежать обратно, малыш попадал большим под ноги и оказывался лежащим на спине. Пока он дрыгал своими ножками, его сестры (как оказалось, все они были уточками), успев добежать до угла вольера, возвра-

щались, дружно пробежали по нему, он оказывался в естественной позе, но несущаяся уже обратно «масса» вновь бросала утёнка на спину. Такой вот цирк.

На птиц, не похожих на диких, сразу же обращают внимание все наши посетители:

— А это что за птицы?

— А это уже не птицы. Это потомки птиц!

— ???

— Вы же знаете, что до появления настоящих птиц на Земле появились их предки, которых иногда называют «первоптицами».

— Аааа! Археоптериксы?

— Ну, сейчас учёные уже не считают, что современные нам птицы произошли от так называемых ящерохвостых археоптериксов, но условно мы можем считать их предками, например, наших казарок. Так вот, у птиц были предки, а сейчас перед вами потомки птиц.

— ???

Вот так, для начала достаточно «запудрив» своим гостям мозги, я уже серьёзно рассказываю им о том, что родственники этого нынешнего птичьего «нестандарта» сравнительно недавно были настоящими дикими криквами, а до такого вот «неприличия» ради достижения своих меркантильных целей их довёл человек. Надо сказать, что «уроды» очень умиляют наших гостей. А Аля так вообще в них души не чаёт.

Август — итог года

Считается, что август у нас должен быть сухим и тёплым. Но, как сейчас рассказывают наши «ежедневники», так бывает не всегда, а изредка этот месяц случается очень даже слякотным.

При любой погоде за нашим забором слышны голоса мальчишек — юные браконьеры ловят в Аваче последнюю кету и идущего вверх по реке кижуча. Рыбинспекция озабочена не столько этим мелким, на их взгляд, браконьерством, сколько заготовкой рыбы и икры для себя. К несчастью для камчатской природы, на моей памяти эта служба «чистотой своих рядов» не отличалась никогда. И результат уже виден: в начале 2000-х годов река Авача практически обезрыбела.

В первой декаде августа полностью отцветает шиповник; какое-то время последним цветом нас ещё радует спирея. Зато на клумбах цветут астры и лучезарные, жизнерадостные бархатцы. А в вольерах на пнях и у подножий старых ив кучками собираются опята, по берегам вокруг нашего озерца в разные годы в единичных экземплярах появляются подосиновики, волнушки и ежегодно — красавцы мухоморы.



В начале месяца мы ещё можем услышать поющих овсянок-ремезов и соловьёв-красношеек. Неожиданно вдруг громко заявит о себе и тотчас, будто испугавшись, умолкнет самец чечевицы. Иногда не повесенному тихо пропоёт свою полную песенку малый мухолов. А за забором в вечерних и предзакатных сумерках раз за разом нехитрую руладку исполняет охотский сверчок — *Locustella ochotensis*. Тут и там слышны громкие песни кочующих таловок.

Большинство же наших певунов умолкли до будущей весны. Зато всё больше их оказывается в моих сетях. С начала месяца растёт численность кочующих малых мухо-

ловок: до двадцати, а бывает, и более тридцати за день достаю я их из сетей. За редчайшим исключением, они родились около месяца назад, но какими до смешного свирепыми голосами, вероятно, пытаюсь напугать, кричат на меня эти крохи в сетке. Бывают дни, когда в «улове» преобладают таловки. В отличие от мухоловки, оказавшись в кармане сетки, а затем у меня в руках, эта пёпочка кажется на удивление спокойной. Надев на ножку таловки кольцо, мы можем положить её на спину, и она какое-то время остаётся в этом положении лежать. Не поймёшь, то ли птица в шоке, то ли старается притвориться неживой.

Во второй половине месяца голоса куликов с берега Авачи извещают о начавшейся миграции перевозчиков — *Actitis hypoleucos*, сибирских пепельных улитов — *Heteroscelus brevipes*. А где-то там высоко строго на юг пролетают фифи, переключку их стаяк можно услышать в любой час ночи.

Жизнь наших молодых казарок, а внешне сейчас они уже мало отличимы от родителей, в этом месяце наполнена стрессами. Хотя для них, достигших величины взрослых особей, сингамоз не так страшен, постоянно следить за здоровьем и при необходимости лечить своих воспитанников мы продолжаем. А это — сачок и насильственное кормление таблетками. К тому же август — время вручения нашим питомцам «паспортов»: ножных металлических колец и цветных пластиковых меток. Опять сачок, опять непонятная и потому страшная для птиц экзекуция.

В нашей работе август — практически итоговый месяц года. Мы точно знаем, сколько в этом году выросло птиц, сколько казарок мы готовы выпустить в природу. И все они уже собраны в одну общую стаю.

Наши посетители

Однажды в самые, наверное, трудные годы (а когда они у нас были легкие!) мне понадобился какой-то инструмент. В нашем хозяйстве он, скорее всего, имелся, но найти его сразу я, как всегда, был не в состоянии. Не переодеваясь, в грязной робе вышел из питомника к хозяевам ближайших автомашин. Около них неожиданно столкнулся с человеком, в котором нетрудно было угадать руководителя не малого масштаба. Он, как я заметил, сразу обратил внимание на несоответствие моего «непрезентабельного» вида с тем, как со мной разговаривали знавшие меня ребята. Извинившись за не подходящий для выхода «в свет» костюм, я пригласил зайти посмотреть на гусей. Провёл по питомнику, вкратце рассказал о поставленной цели, о том, как мы её пытаемся решить.

— Кто финансирует всё это?

— Всё построить здесь помог Коваленков. Только с постоянной его помощью мы могли развиваться в первые годы. Сейчас у Анатолия трудные времена, и я стараюсь его не беспокоить. Академия наук обеднела, и нас не финансирует никто.

— Чем кормите птиц?

— Специальным комбикормом.

— Сколько съедают?

— Шесть тонн.

— Хорошо! Я дам указание, чтобы его для вас оплачивали.

— Спасибо! Извините, а как вас звать-величать? И кто вы?

— Моё имя Александр.

— Хватит Александра? А фамилия?

— Хватит. Я — Иванчей.

Так, уверен, опять же с помощью ведущего меня по жизни Провидения я познакомился с руководителем Петропавловского морского торгового порта

Александром Иванчеем. Благодаря этому человеку и его коллегам забот о комбикормах для наших птиц мы не знали полных четыре года.

Остров Экарма — историческая родина алеутской казарки

Эти вопросы начали мучить меня ещё в процессе строительства питомника, до появления на Камчатке птиц: во-первых, где мы будем выпускать в природу казарок и, во-вторых, как они смогут найти дорогу на исторические японские зимовки? Главным образом, по ночам я перебирал в своей памяти районы Камчатки, небольшие островки и даже мысы. Ответ на вопрос второй я искал в активной переписке с американским «гусиным папой» Форрестом Ли. Он однажды и подсказал мне идею так называемых проводников. Нам было необходимо отловить в природе диких, уже зимовавших в Японии гуменников и передерживать их вместе с казарками. Предполагалось, что выпущенные осенью на свободу гуменники увлекут за собой и казарок. Методику отлова линных гуменников мы начинали отрабатывать около десяти лет назад, и потому заполучить этих птиц из дикой природы труда для нас не составляло.

Выпускать казарок на Камчатке, конечно же, было неумно. Привыкший гнездиться в траве, этот маленький гусь будет доступной добычей прежде всего для едва ли не самого опасного для него хищника — лисицы. Не откажутся напасть на казарку и соболь, и широко расплодившаяся по полуострову американская норка, не говоря уже о хищниках пернатых.

Других вариантов, казалось, не было. Ситуация складывалась тупиковая, выхода из которой мы не находили. И тогда Коваленков предложил первых наших птиц выпустить на Жупановском лимане, образовавшемся в районе впадения реки Жупанова в Тихий океан. Окружённый заболоченными берегами мелководный многокилометровый водоём, вероятно, издревле служил местом осенней остановки для отдыха тысячам белолобых гусей. Здесь и получили свободу первые наши двенадцать молодых казарочек. Я уже рассказал, как мы с Юрием жили рядом с ними и видели, как наши, впрочем, теперь уже не наши, птицы буквально с первых минут свободы упивались вольным полётом. Но не упомянул о гуменниках. Выпущенные вместе с казарками, они, как и при жизни в питомнике, не захотели знаться с ними ни минуты и тотчас куда-то исчезли. Забегая на годы вперёд, скажу, что мы довольно скоро убедились в тщетности попытки так вот просто объединить гусей разных видов в одну монолитную стаю. Прожив в питомнике несколько лет, гуменники ещё как-то признавали сухоносов, казарки же, как мне думается, не стали для них роднее прыгающих по территории воробьёв. Так метод «проводников» в подобном его, упрощённом исполнении для нас оказался неприемлемым.

Ещё один выпуск казарок на Камчатке был осуществлён на обильно обводнённой местности ближе к мысу Лопатка. На этом попытке акклиматизации этого вида на полуострове на все будущие годы были прекращены.

О том, что самым перспективным местом реакклиматизации алеутской канадской казарки в России является небольшой северокурильский остров Экарма, нас

известили коллеги из США и Японии. К стыду нашему, оказалось, что природу Курильских островов они знают лучше нас.

Как известно, Курильский архипелаг условно делится на три участка: Северные, Средние и Южные Курилы. Если следовать от Камчатки вдоль Курильской островной гряды, последними в северокурильской группе будут два небольших, как бы смещённых несколько вправо, в Охотское море островка — Экарма и Чиринкотан. В конце XIX столетия природу островов Курильской гряды описал зверопромышленник капитан Сноу. И сделал это настолько хорошо, что практически всё последующее столетие его данные нашими российскими исследователями лишь переписывались.

Нас пока интересовал остров Экарма. По оценкам разных авторов, площадь его составляет от 14 до 30 квадратных километров. Впрочем, для намеченной цели мы вполне могли согласиться на её «усреднённый» показатель. Вот что рассказывал о природе Экармы Сноу: «На островах Чиринкотан, Экарума, Райкоке преобладают оголённые участки крутых склонов, покрытые лишь разноцветными пятнами накипных лишайников и редко разбросанных среди них цветковых растений...» И далее об Экарме: «Высокотравные луга развиты лишь по ложбинам временных протоков. Крутые восточные и северные склоны возвышенностей покрыты скудной, не сомкнутой травянистой и мохово-лишайниковой растительностью. Южные склоны покрыты верещатниками... Речек и озёр на острове нет».

Из публикаций американских коллег мы узнали, что в период гнездования алеутские гуси весьма агрессивны и пары их даже при хорошо развитой растительности селятся не ближе пятидесяти метров одна

от другой. Сноу сообщал о том, что при посещении островов этих гусей он видел и на Экарме, и на Чиринкотане, а также на небольшом островке Ушишир в группе Средних Курил.

Интересно, какой он, остров Экарма сейчас? Японские коллеги из Ассоциации помощи диким гусям привезли деньги на оплату вертолёта. Но на посещение Курил нашей международной группой ещё предстояло получить разрешение. Позвонил в Камчатский погранотряд, меня пригласили на встречу с начальником штаба В. Гамовым. В назначенное время, едва открыв дверь, я наткнулся на пронизывающий взгляд хмурого человека. Он лишь чуть заметно кивнул на моё «Здравствуйте!». Справа из-за стола улыбался хозяин кабинета.

Положив на столы перед тем и другим свои визитные карточки, я вкратце изложил цель нашего проекта. Гамов при этом излучал обаяние, а его суровый (положение контрразведчика обязывало) коллега молча, как мне казалось, не оставлял попытки проникнуть в мой «внутренний мир».

— А кто автор этого проекта? — спросил начальник штаба.

— Да один ненормальный. Он стареет и уже, наверное, выживает из ума, раз додумался до такого.

— Кто он?! — в один голос спросили оба.

— Я же говорю — псих!.. Герасимов Николай Николаевич!

Оба глянули на лежащие перед ними визитки и дружно захохотали. Они оказались очень даже нормальными и доброжелательными людьми. Разрешение на посещение Экармы нам было дано.

Остров был плотно упакован в многослойную и, как поначалу нам показалось, совершенно непробиваемую облачность.



Береговая линия острова Экарма, в основном, представлена крутыми обрывами



Место всех последних выпусков птиц



Характерный участок северного «пляжа»

Однако южная, самая непривлекательная для нас его часть была открытой. Вертолёт завис, мы попрыгали в высокую, казавшуюся сухой травянистую растительность, а пилоты ещё несколько минут пытались подыскать в ней подходящую для посадки Ми-8 площадку.

Из клуба облаков к нашим ногам спускался крутой скат вулканического конуса, а метрах в двадцати далее к морю он многометровым обрывом падал вниз, к узкой полосе каменистого пляжа. Место высадки действительно оказалось малопривлекательным как для нас, так, решили мы тогда, и для гусей. Но! Несколько лет спустя посетивший наш питомник американский писатель и путешественник Джон Турк сообщил, что именно в этом месте на склоне вулкана он видел пару казарок с выводком молодых.

И вот что мы можем сказать об Экарме сейчас. Побережья острова по преобладающей части их периметра обрывистые. Это либо отвесные скальные утёсы, либо поднимающиеся на десятки метров, поросшие травой обрывы с крутизной наклона до 75 градусов. Рельеф поверхности острова крупноскладчатый. Лишь на севере, постепенно опускаясь к морю, он имеет относительно мягкие формы, которые летом ещё более сглаживаются хорошо раз-

витой травянистой и кустарниковой растительностью.

Замечательной особенностью Экармы является полное отсутствие здесь не связанных с морем млекопитающих. В прибрежных островных водах в малом количестве обитают калан, сивуч и настоящие тюлени.

Самый многочисленный вид птиц-хищников — тихоокеанская чайка; основными объектами её хищничества, безусловно, являются сизая и северная качурки, мелкие чистики. Скорлупа сотен яиц глупышей, которую мы находили на северном побережье острова, также является результатом её разбоя. Эта чайка и немногочисленный здесь ворон могут представлять опасность и для птенцов казарки. Реальной угрозы для взрослых казарок можно ожидать также от довольно многочисленного на острове сапсана. Остаётся надеяться, что этот хищник, привыкший к добыче других местных птиц, не будет сразу изменять своим охотничьим пристрастиям.

Вздыбленный рельеф острова Экарма уже по своему строению предполагает наличие глубоких распадков. По ним вопреки сообщениям Сноу в море стекает, очевидно, не менее десятка немногочисленных, но не иссякающих в течение лета небольших



И таких водотоков на Экарме немало

речек и ручьёв с чистой, приятной на вкус водой. В мягком субстрате более или менее ровного, низменного участка северного побережья (здесь выпущены едва ли не все наши птицы) узкие и глубоки русла промыли по крайней мере два таких водотока. Один из них на северном «пляже» об-

разовал небольшое пресноводное озерцо. Не исключено, что преобладающая часть островных ручьёв, как указывал Сноу, существует за счёт атмосферных осадков.

В восточной части северного «пляжа» сверху по отвесному скальному обрыву стекают струи тёплого слабоминерализованного водного источника.

Остров Экарма являет собой совершенно уникальный, сохранившийся в естественном состоянии орнитологический резерват. Нам представляется, что лучшее для реакклиматизации алеутской казарки место в нашей стране найти невозможно. На этом острове могут успешно размножаться тысячи пар этих гусей.

— Но почему тогда они не выжили здесь в годы вымирания азиатской популяции этого вида? — спрашивают некоторые наши гости.

Казарки не смогли выжить потому, что за двести лет, предшествующие появлению здесь капитана Сноу, Курильские острова, а в их числе Экарма и Чиринкотан, четырежды испытали на себе извержения вулканов. Лава и пепел уничтожили растительность, лишив тем самым алеутских казарок необходимых условий существования. Кстати, капитан сообщал о том, что сопки при нём ещё дымили.

Возвращаем Природе

Первых своих птиц на Экарму мы отвезли в июле. И вторых тоже. В этом месяце молодые казарки ещё не успевали окрепнуть, «возмужать», многие пока не могли летать, но на острове, где не было «зверей», подросшим уже гусям это ничем не угрожало. Затем стали выпускать гусей в августе, а однажды прилетели на Экарму в сентябре. Поначалу деньги для полётов давал М. Куречи, потом правительство города Сендай. Россию между тем лихорадило: всё дорожало, росла и стоимость вертолётного часа. За весну-лето она стала «подскакивать» дважды, а последние годы пересчитывалась чуть ли не по три раза. Финансирования от Японии уже не хватало, потом оно прекратилось совсем. Мы всегда считали для себя унижительным ходить «с протянутой рукой». Но деваться было некуда, и мне стало казаться, что правая рука моя стала сантиметров на двадцать длиннее левой: так часто пришлось протягивать её в просьбе о помощи. Часть денег на оплату вывоза птиц находил WWF (об этом позже), что-то иногда поступало напрямую от коллег из США. Ходил я и по нашим чиновникам.

Вот один такой год. Прилетел Абэ-сан, привёз на оплату выпуска последние деньги от правительства префектуры. Но их не хватает. Первый, к кому я пошёл, благо от нас это не более чем в минуте ходу, — генеральный директор авиакомпании «Камчатские авиалинии» Г.В. Полежаев.

Излагаю ситуацию, прошу отвезти нас с птицами на Экарму по стоимости авиачаса прошлого года. Геннадий Викторович заметно грустнеет.

— В этот год и у нас очень нелегко с финансами... Но конечно же мы вам поможем, увезём ваших птиц. И не стесняйтесь,



Г.В. Полежаев

приходите. Мы действительно очень ценим вашу работу.

И я знаю, что это не пустое обещание, так как в этом кабинете с серьёзными, весьма для нас значимыми «запросами» появляюсь уже не первый (и не последний тоже) раз и никогда не получал отказа.

Теперь администрация области. Захожу в кабинет вице-губернатора, главного «защитника природы». Встречает с показным радушием, но сразу берёт в руки телевизионный пульт.

— О! Заходите! Что-то редко у нас бываете!

— Не хочу без нужды отрывать вас от важных природоохранных дел.

— Ну, рассказывайте: как гуси, выпустили?

— Собираемся, но мне не хватает небольшой суммы. Вот я и зашёл к вам...

— Да вы что! — перебивает меня «природоохранный» вице-губернатор, включая телевизор. — Денег у нас нет! Ну, расскажите про гусей.

— Но мне не хватает всего...

— Нет! Денег нет. — Босс «скачет» по программам ТВ. — А я, между прочим, не пробовал вашего гуся.

— Нам нужны деньги, всего...

— Обратитесь к кому-нибудь ещё, к рыбакам, например. И вы не ответили на мой вопрос о гусе.

— Полукаров Василий пообещал, сейчас прячется. Обеднел, наверное. Нам...

— А вы умеете уходить от ответа на прямые вопросы. Как с гусём?

— Никак!

Я встал и вышел, закрыв за собой дверь кабинета и оставив за ней всё своё недавнее к нему, к этому кабинету, уважение. Лишь потом пожалел, что не спросил, на что этот зажавшийся чиновник, как свои, тратит вверенные ему «природоохранные» миллионы. А ведь после вчерашней встречи с шефом авиакомпании Полежаевым мне недоставало суммы, наверное, лишь чуть превышающей месячное «довольствие» секретарши «природоохранного» босса. Но на душе было гадко даже не от этого. Противно было от настырного желания этого циника «попробовать» на вкус алеутскую канадскую казарку.

Для себя я решил никогда больше не заходить в этот кабинет, но однажды уже на выходе из здания администрации мы столкнулись «нос к носу». Завёл-таки в кабинет. От него мне больше не надо было ничего, говорил он — хотел высказать свои обиды на моё недавнее жёсткое выступление на международном форуме в Якутии. Там я доложил, к какой разрухе в системе охраны природы привёло нынешнее руководство Камчатки, после чего текст доклада передал в приёмную чинуши. Он был на меня обижен, но всё же не мог не спросить:

— А казарка вкусная?

Меня от этой личности тошнило. Как же он был мерзок!

Выходя из здания администрации, я вдруг вспомнил о том, как обиделись подлинные защитники Природы, когда в стра-

не были ликвидированы региональные экологические фонды. Конечно же, это явилось болезненным ударом по подобным нашему проектам. Но только сейчас я, кажется, стал понимать, насколько значительные суммы не успели доукрасть распорядившиеся этими фондами некоторые чиновники.

Нехороший осадок в душе от этой встречи сохранялся ещё и в автобусе по пути до «дома», каким для меня давно уже стал питомник. А в голове вдруг чётко зазвучало и долго «не отпускало» меня недавно прочитанное четверостишие Игоря Губермана: «Мне жаль небосвод этот синий, жаль землю и жизни осколки; мне страшно, что сытые свиньи страшней, чем голодные волки».

Пройдёт немного времени, и пришедший на Камчатку новый губернатор не захочет иметь рядом с собой ни этого, ни ещё одного «вице», отличившегося браконьерской охотой на гусей. Но это будет потом.

А на другой день в питомнике появилась давняя наша знакомая.

— Была по делам у авиаторов. Мне сказали о ваших трудностях: вы не можете вывезти в природу птиц.



Бизнес-леди Евгения

— Женечка, не нагружай себя чужими проблемами, они тебе ни к чему.

— Вот возьмите это. — Она положила передо мной конверт.

— Это деньги? Я их не возьму.

— Берите! Я хочу, чтобы в вашем хорошем деле был и мой личный вклад. Вы же знаете, что я могу себе это позволить.

Кто она? Таких сейчас называют «успешными бизнес-леди», но главное — она просто замечательный человек. И скромный. Фамилию просила не называть. Но про фото не сказала.

Недоставало ещё некоей суммы. Узнав об этом (не от меня), её авиаторам доплатил Анатолий Коваленков.

Так трудно, как в этот раз, до острова мы не добирались ни в один год. Низкая облачность прижимала нас к самой воде, казалось, что мы вот-вот заденем её «брюхом» вертолёта. Командир поднял машину до 800 метров, и над белыми беспорядочными волнами оставшейся под нами облачности где-то там далеко мы увидели поднимавшийся к небу конус вулкана. Это была Экарма.

К острову не подлетали, а буквально подкрадывались в густейшем тумане. Стрелка спидометра прыгала между указателями от нуля до 25 километров. Берег мы увидели вовремя. Остров встретил морозящим дождём, но это уже не тревожило. Важно было то, что мы предоставляли свободу ещё пятидесяти нашим драгоценным птицам.

Мы даём им свободу или выпускаем на смерть?

В первые годы каждая готовящаяся к выпуску в природу птица имела два ножных — стандартное металлическое и пласт-

тиковое — кольца и кольцо шейное. Изготовленное из лёгкого цветного пластика, снабженное цифровым кодом, оно позволяло опознать каждую меченую особь, например, с помощью бинокля, издали. Так же метили своих птиц и коллеги в США. Но сначала они, а следом и мы посчитали, что шейное кольцо может стать причиной гибели птицы, случись ей задержаться с отлётом или остаться на зимовку, например, на острове Хоккайдо. Казарку может погубить намёрзший на пластик лёд. И шейных колец мы больше не одевали.

Первый наш вылет на Экарму с 16 казарками состоялся в начале июля 1995 года. Мы летели вместе с Коваленковым на Ми-8 его авиакомпании «Кречет». Из этих птиц до Японии не долетела ни одна.

Тем же результатом завершился и следующий выпуск 14 казарок.

1 августа 1997 года свободу на острове обрели сразу 33 казарки. Прожив рядом с птицами полных десять дней, мы неоднократно и тщетно пытались отыскать их в буйной островной растительности, так хорошо она скрывала вселенцев. Однажды по следу, оставленному в траве прошедшей стаей, мы вышли к небольшой лужайке, густо заросшей любимым этой птицей, как мы всегда считали, лесным хвощом. Наши гуси остановились на краю поляны, основательно ощипали росший здесь же кустик полыни и, не тронув ни единой веточки хвоща, отвернули в сторону.

— Видишь, — сказал я сыну, — а мы этой травой кормим маленьких со дня их рождения целых два месяца. Сейчас они, наверное, специально привели нас сюда, чтобы нам стало стыдно.

А в последний день этого года мы получили самый драгоценный новогодний подарок — сообщение о прилёте в Японию четырёх наших птиц! Это стало первой на-



Экарма, год 2005-й



Единственный весенний выпуск, Экарма, май 2006 года



Птицы тогда уходили от нас пешком



Это тоже год 2006-й, но уже сентябрь

шей победой, и первые бокалы при проводах уходящего 1997 года мы подняли за этот успех, за наших казарочек.

Вскоре от японских коллег мы получили удивительное фото, за которое очень благодарны оставшемуся не известным для нас автору.

Уникальность этой фотографии в том, что она не согласуется с бытующим в среде камчатских, да и не только, охотников мнением об исключительной агрессивности лебедей, о нетерпимости их к другим видам водных птиц. Лебеди якобы убивают появившихся рядом с ними всех птиц. Убивают вряд ли, но если изгоняют от себя потенциальных пищевых конкурентов, это естественно. Однажды некоторые малограмотные охотоведы даже пытались поднять кампанию за отстрел на Камчатке лебедей, которая, очевидно, должна была проходить под флагом «защиты слабых». Тогда в областной печати в статье «Не стреляйте в белых лебедей» мне пришлось разъяснять охотникам, сколь высокое эстетическое и этическое значение имеет

образ этой красивейшей птицы для людей самых разных национальностей. Тогда я, помнится, рекомендовал специалистам от охраны природы ознакомиться хотя бы с азами зоологической литературы.

Если же говорить об агрессивности представителей птичьего мира в период размножения, давайте ещё раз посмотрим, как ведут себя те же любимые нами алеутские гуси. Да, нам и на себя повнимательнее посмотреть иногда не мешает.

Сейчас же на фото мы видим одну из самых первых наших казарок, оставшихся зимовать на острове Хоккайдо. Прилетела ли она туда вместе с лебедями или присоединилась к ним только в Японии, не известно. И здесь семья из двух взрослых и шести молодых кликунов явно приняла, «усыновила» нашу казарочку на трудное для неё время зимовки. Коллеги сообщали, что другие лебеди, пытавшиеся как-то обидеть, прогнать сидзюкара-ган, тотчас семьёй изгонялись сами. Такой вот удивительный феномен проявления межвидового альтруизма.



Одна из первых наших казарок в Японии (фото Hirotohi Takagi)



Семья кликунов, принявшая в свою стаю алеутскую казарку

Основным критерием, определяющим успешность наших усилий, является рост числа птиц на исторических японских зимовках. Выпуски казарок продолжались: 28, 16, 12 птиц были завезены на Экарму в последующие годы. Закончились они едва

ли не нулевым результатом. От эйфории, вызванной прилётом в Японию первых птиц, не оставалось следа.

В 2002 году мы привезли на остров сразу 70 казарок.

Отчаяние

На одной из полок книжного стеллажа в ряд выстроились наши дневники. В первые годы среди книг они были мало заметны. Потом их стало десять, а ещё через пять лет — пятнадцать. И в каждом дневнике не виден лишь редкий день наших здесь лет. Случалось это, когда на запись о сделанном и увиденном за день просто уже не было сил. Но то, что там отражено, в сравнении с «достигнутыми результатами» нормальному человеку может показаться просто несопоставимым. Сколько отдано сил! И неужели всё это зря?

Впервые что-то похожее на отчаяние я ощутил в зиму 2002—2003 годов после вывоза на Экарму 70 казарок. В нашем понимании это была действительно немалая партия птиц. С каким нетерпением ждали мы тогда прихода зимы и сообщений от наших японских друзей. Сколько наших казарок долетит в этот раз до Японии? Двенадцать—пятнадцать — это очень хорошо, больше — это победа.

Прилетели три птицы!

С алеутской казаркой, сидзюкара-ган, алеутским гусём к этому времени полных двенадцать лет были связаны вся наша жизнь, все помыслы, светлые надежды. Ложась спать, мы торопили наступление завтрашнего утра, чтобы чуть свет бежать к своим детям-казаркам. В ночь ещё раз обходили вольеры, чтобы убедиться, что всё там спокойно. И счёт дням такой жизни уже шёл на тысячи. А сколько я видел жутких снов, когда, проснувшись, не сразу верил в то, что пережитый мной кошмар был всего лишь отражением никогда не покидающего нас беспокойства о сохранности и здоровье наших птиц. И неужели все многолетние труды, все наши надежды превращаются в прах?

Куда они исчезают? Где пропадают? И вдруг!.. В моём мозгу это возникло подобно вспышке. Как же я не учёл охотников Южных Курил?! Почему не известил их ещё в начале наших работ, почему всё не рассказал, не объяснил, не попросил потерпеть, не стрелять, не убивать нашу мечту?? Неужели весь наш адский труд, наши переживания за здоровье каждого гусёнка — всё это было зря? Неужели все мы, охотники, превратились в бессовестное зверье? Где же тогда наши рассуждения в журналах, газетах, перед камерами телевидения о «благородной страсти» и о любви к Природе, если, увидев какую-то исключительно редкую птицу, тотчас отключаем разум и хватаемся за ружьё, камень, палку? А не лучше ли называть это «любовью убивать», бездумным, тупым желанием ещё больше самоутвердиться в качестве «царя природы»?

Может быть, ещё не всё потеряно? И я позвонил сахалинским охотоведам. Говорил с Александром Костиным и Андреем Здориковым, горячо поддержавшими «казарочий» проект ещё на заре нашей деятельности и не забывавшими о нём сейчас.

— Не убивают ли наших казарок охотники Сахалина и Курил?

— Очень может быть.

— Если я напишу две-три статьи о нашей работе, сможете поместить их в своих газетах?

— Да! Поместим во все газеты области.

— Спасибо!

Послал три материала, в одном из них было это вот

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОХОТНИКАМ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Друзья-охотники,

Вы, наверное, обратили внимание на то, что в последние годы на осеннем пролёте появляются маленькие стайки мини-

атюрных гусей — черноголовых, с ярко-белыми щеками казарочек. Замечали вы и то, что они совершенно не боятся людей и что их почему-то практически нельзя увидеть весной. Наиболее пытливые из вас узнали в них алеутских канадских казарок, вымерших в Азии, в частности, на Курильских островах, в начале XX столетия. А те из вас, кому «посчастливилось» добыть такую птицу, а кому-то и перебить целую их стайку, уж точно, обратили внимание на то, что все они имели цветные метки и металлические кольца московского «Центра кольцевания».

Откуда появляются они через семьдесят лет после полной гибели этого вида в России? Почему так доверчивы к человеку, я и хочу вам рассказать.

Март 2003 года на Камчатке оказался на удивление бесснежным. И апрель, как нам обещают, будет таким же. Но уже со второй декады февраля мы просыпаемся под крики наших казарок. Мы знали разные вёсны, но такой ранней я не припомню.

С каждым днем гусиных криков в нашем питомнике все больше, они все громче. И птицы и мы ждем скорого прихода тепла. А будет настоящая весна, значит, скоро появятся и маленькие пушистые комочки новой жизни — наши гусята. До последнего года с рождением каждого из них росла наша вера в успех этого уникального для России проекта. Все это было! Сейчас же в наших сердцах больше тревоги, чем надежд.

За прошедшие летние сезоны в питомнике родились и выросли более 300 алеутских казарок, и большую их часть мы выпустили на свободу. Первые гуси из камчатского питомника прилетели зимовать в Японию в 1997 году, через 70 лет после тех последних, вымерших, как казалось, навсегда. И тогда у нас укрепилась надеж-

да на скорое успешное завершение этого, не бывалого для нашей страны и для всей Азии проекта. Но птиц, получивших свободу, пока ещё мало. И мы поставили перед собой задачу возможно скорее увеличить число ежегодно выпускаемых в природу гусей. Я планировал в 2002 году вывезти на Курильские острова не менее 50 казарок, затем ежегодно число выпускаемых птиц увеличивать. На самом деле в прошлом году мы выпустили их 70. С нетерпением ждали осени, мечтали о прилёте на японские зимовки не менее полутора десятка наших птиц. Долетели только три. В Японии они прекрасно перезимовали. Но вернулись ли к месту выпуска на Курилы? Боюсь, что нет. Ни одна из казарок, зимовавших в Японии один раз, не появилась там следующей осенью. Птиц мы выпускаем летом очень крепких, на Курильских островах для них достаточно корма и нет серьёзно угрожающих им хищников. В чём же дело?

О своих очень грустных догадках я скажу чуть ниже. А сейчас постарайтесь хоть чуточку проникнуться нашими заботами, радостями и тревогами, которыми группа, очевидно, не совсем нормальных людей жила и живёт, взявшись за этот непосильный труд — возрождение погибшей курильской популяции алеутской канадской казарки.

Ребята, прочитанное вами выше было написано более месяца назад. Тогда нас, исполнителей программы, в питомнике было всего лишь трое: я — лидер проекта, мой бессменный постоянный помощник — жена Аля и старший научный сотрудник нашего института Владимир Савенков. И вот уже нет Володи Савенкова. Он умер в ночь на 21 февраля. А был моложе меня более чем на пять лет. Последние десять лет

своей жизни он отдал на то, чтобы в нашей стране, в Азии вновь жили эти прекрасные птицы — алеутские гуси.

И теперь все «родительское счастье» по воспитанию наших малышей и много-много других забот свалилось уже на нас двоих. Возможно, мы просто боимся доверить кому-то еще это самое наше «счастье». Но об этом я уже вам рассказал.

Мне нередко задавали один вопрос: «А не жалко вам после стольких трудов взять вот так просто и выпустить этих почти своих собственных детишек в неизвестность?» — «Нет! — отвечал я. — Мы счастливы тем больше, чем больше их вывозится в естественную для этого вида жизненную среду. Нам не жалко выпускать их в природу, так как они рождены для свободной жизни».

И я говорил правду: так оно и было. До осени 2002-го, прошлого года.

Когда около десяти лет назад мы приняли решение о выпусках казарок только на Северных Курильских островах, бывший губернатор Камчатки В. Бирюков и руководители Облкомприроды спросили меня: «Почему птицы не выпускаются в нашей области?» Я объяснил это тремя важнейшими причинами. Во-первых, Северные и Средние Курилы являются настоящей, исторической родиной этих птиц. «Но Командоры — тоже!» — сказали мне. Во-вторых, казаркам, выпущенным на Курильских островах, не будут угрожать ружья камчатских охотников. И, наконец, эту работу, какой бы престижной она ни была для нашей области, нельзя низводить до узко региональных интересов. Наша цель — возрождение вида, уничтоженного нами же, людьми, не только в России, но во всей Азии. С моими доводами согласились.

До нынешнего года мы выпустили в природу более 210 этих птиц, 189 из них — на

Курилах. Куда делись эти птицы? Очевидно, что большая их часть убита охотниками.

Мы будем работать, давать путёвки в свободную жизнь стайкам алеутских канадских казарок столько времени, сколько будет у нас. У меня. Но мне 67. Времени для моей работы, как вы понимаете, может оставаться совсем мало. Я просто могу не успеть довершить для вас, друзья, задуманное. Очень жаль, но сейчас в нашей стране, кроме меня, «тянуть» этот проект больше никому. И это одна из причин, почему я обращаюсь к вашему, охотники Сахалина, Курильских островов, сознанию. Помогите нам, помогите себе, помогите птицам вновь обрести свою родину. Потерпите хотя бы несколько лет, не поднимайте ружья при встрече с этими птицами. И тогда у них появятся по-настоящему вольные дикие дети. При воспитании казарок в питомнике, как бы мы ни старались привить им страх, недоверие к человеку, всё равно у малышей казарчат уже с первых дней жизни наш заход в вольер ассоциируется с появлением корма. Человек в представлении наших птиц — это не страшно. Выстрелов они не боятся: в питомнике обязательно отстреливаются все залетевшие вороны и сороки. И «удачно» сбита вами из пролетающей стаи казарка не будет сигналом опасности, она будет означать, что надо садиться вслед за той птицей: там человек и, значит, это безопасно. Результат — к большой радости охотника, перебита вся стайка глупых, доверчивых птиц. Вот почему вы не видите этих казарок весной — вы всех их убили осенью!

Мне особенно горько не столько оттого, что многие годы нашего труда пока не принесли ожидаемого результата, сколько потому, что, кроме меня, никто в этом не виноват. Я должен был давно рассказать вам об этой работе.

Я очень надеюсь на вашу сознательность, друзья. И обращаюсь к охотникам «со стажем»: если я смог достучаться до вашего сознания, пожалуйста, разъясните молодёжи, не читающей газет, то, о чём я прошу всех вас.

В августе нынешнего, 2003 года на Северных Курильских островах мы выпустим на свободу ещё 50 алеутских канадских казарок.

Николай Герасимов,
охотовед, кандидат биологических наук

В питомнике осень

По календарю осень должна была бы состоять из трёх месяцев. Но фактически их у нас только два: печально красивый и светлый сентябрь и такой же светлый, но со второй своей половины обычно ветреный и студёный октябрь.

В первые дни сентября на нашей клубничной грядке ещё можно найти несколько

красных ягодок. Созрели плоды шиповника. В иные годы на его кустах в массе появляются толстенные пауки. И, возможно, по этой самой причине на озёрной территории бывает необычно много воробьиных птиц. В наших паутинных сетях (это совсем не сети упомянутых пауков) за день висят десятки соловьёв-красношеек, охотских сверчков, овсянок-ремезов и зелёных коньков — *Anthus hodgsoni*. До середины месяца ещё попадают камышовые овсянки, чечевицы, а какое-то время спускаются и юрки — *Fringilla montifringilla*. В такие дни паукам из густой ещё листвы лучше не показываться, так как для многих наших пернатых гостей они являются очень даже желанным блюдом.

Нам жалко расставаться с летним теплом и так хочется считать, что хотя бы первая половина сентября — пора ещё летняя. Но с этим почему-то никак не хочет согласиться максималистка черёмуха. Ещё совсем тепло, а она торопливо избавляется от своих, уже поблекших листьев. Через не-



В питомнике вторая декада сентября

сколько дней остатками её наряда сплошь устелются берега нашего пруда. И тогда все увидят, плодотворным ли для черёмухи было это лето. Если на её оголившихся ветвях торчат растопыренные пальчики с терпкими ягодами, значит, скоро можно ждать охочих до них и желанных для нас пернатых гостей: дубоносов, снегирей, реже свиристелей — *Bombicilla garrulus*, а если очень-очень повезёт, то и совсем уж редких посетителей наших мест — добродушных щуров.

А лес с каждым днём рыжеет. Всё обильнее рассыпают золото своих листьев берёзы. Желтеют пока ещё густые шевелюры ветеранок ив. Скоро и они вслед за берёзами густо-густо усыпят листвой всю нашу территорию.

Однажды, вероятно, как и мы, не согласная с осенью в эти дни, вдруг зацвела одинокая диссидентка — веточка шиповника. А в сетях уже не путаются ни чечевицы, ни камышовые овсянки, но ещё попадаются сизые овсянки — *Emberiza variabilis* и очень даже обычны соловьи-красношейки.

За гранью осеннего равноденствия по утрам даже при ярком солнце чувствуется настоящая осенняя прохлада, могут случаться и явно поторопившиеся заморозки. Давно нет ни листочка на кустах черёмухи, наша территория всё гуще покрывается ивовой и ольховой листвой. В конце сентября по утрам из поднебесья слышны резкие вскрики поздних мигрантов — юрков. Но ещё не улетели красношейки, и нет-нет да и зависнет в сетке вниз головой покорная судьбе таловка, а однажды, уже в середине третьей декады сентября, в одной из сетей я обнаружил явно припозднившуюся с отлётом на юг, полную негодования малую мухоловку.

Голоса летящих над Авачей на юг перевозчиков и крачек — *Sterna hirundo* ещё



Впервые этот красношейка побывал в наших сетях шесть лет назад

раз подтверждают, что лето кончилось, пришла осень.

Во второй декаде сентября наша «прихожая» зеленеет ещё по-летнему, и очень хотелось бы сохранить её такой как можно дольше. Но мы отдаём её во владения птиц. Биологические часы казарок сообщают им о том, что наступает период миграции. Птицы уже сбились в стаю, хотя и держатся в ней заметными семьями либо парами. Некоторые самцы ещё пытаются охранять своих самок от мнимых соперников, но стая всё больше уплотняется, и индивидуумы-ревнивцы вынуждены подчиняться её коллективной воле.

Нашим гусям этой осенью лететь куда не предстоит, на одном крыле у них подрезаны маховые перья, но они, похоже, с этим ещё не смирились. Казарки вдруг начинают «лететь» по территории всей стаей. Конечно же, это всего лишь бег с частыми взмахами не способных к полёту крыльев. Иногда спокойно кормящаяся до того на траве стая вдруг, будто чем-то испуганная, вся враз взрывается взметнувшись вверх веерами крыльев. Точь-точно так же взрывоподобно взлетали испуганные тихоокеанскими орланами — *Haliaeetus pelagicus* чёрные казарки —



У казарок подрезаны крылья, им предоставлена относительная свобода

Branta nigricans, когда я наблюдал за ними в лагуне Маламваям, на северо-востоке Камчатки. И опять наших птиц подводят крылья. Но и в этом и в следующем месяце раз за разом они будут пытаться все вдруг взметнуться ввысь, в небо.

Получившие доступ к озеру около середины сентября гуси, не дожидаясь сумерек, какое-то время будут возвращаться в «прихожую». Потом, всё дольше задерживаясь у воды, наконец остаются на озере ночевать. На ночь птицы уходят на воду либо сидят по самому её урезу. Так велят им биологический календарь и инстинкт самосохранения: в это время они должны были бы лететь на зимовку и сейчас где-то по пути остановиться в незнакомой местности. Ночевать же в непривычном месте на берегу вдалеке от воды небезопасно.

ЯЩИК

Самыми многочисленными нашими посетителями все эти годы, конечно же, были туристы. Достаточно долгое время правом посещения знаменитой на весь мир Долины гейзеров обладала только принадлежавшая Анатолию Коваленкову авиакомпания «Кречет». Погода нередко задерживала вылеты вертолётов, и гиды приводили людей к нам. И потому за первые десять лет через питомник прошли тысячи гостей Камчатки — туристов из Японии, Америки, Германии, Франции, Италии, Голландии и других стран, перечислить которые мы сейчас просто не сможем.

Впечатление такое, что поначалу значительно меньше было наших, русских.



На озёрной части нашей территории любители птиц из Дании

Уже потом о питомнике узнали учителя городских школ, воспитатели детсадов и интернатов.

Всем посетителям, без исключения, мы обычно в двух-трёх фразах рассказываем о цели, немного — о путях исполнения нашей работы, особое же внимание уделяем элементам поведения казарок. И, надо отметить, наша работа, рассказы о птицах редко кого оставляют равнодушными.

Многие из проходящих к нам спрашивали:

— У вас вход платный?

— Нет.

— Фотографировать и снимать на видео можно?

— Конечно.

— А платить за это надо?

— Нет!

Как бы трудно нам ни жилось, мы не представляли себе, что можно устанавливать и требовать с людей плату за то, что они хотят увидеть наших замечательных птиц, за то, что мы делимся с гостями нашей к казаркам любовью.

Кто-то, не помню, посоветовал: раз не хотите, не можете брать плату, поставьте ящик для пожертвований, и некоторые люди сами захотят оставлять вам какие-то деньги, быть причастными к вашему проекту. И мы сдались: так году, может быть, на третьем или четвертом в нашей «прихожей» появился «ящик для пожертвований». Его увидел Анатолий Коваленков.

— Смотри, как бы об этой «копилке» не прознали налоговики. Неприятностей не оберётся.

И, как говорится, «накаркал». Буквально через несколько дней, доставая из сетей паутинок и кольца птиц, я услышал громкий лай охранника Грома. Закончив с птицами, вышел в «прихожую», а там уже похозяйски расхаживал уверенный в себе крупный человек.

— Что у вас здесь?

— Питомник диких гусей.

— А попугаи или другие птицы-звери есть?

— Нет. У нас не зоопарк, а питомник для разведения редких диких гусей.



Учителя школ Камчатки

— А я думал, это что-то вроде зоопарка. Да, я с налоговой... заместитель начальника...

— Ну, вот! Только на днях Коваленков сказал мне, что у вашей службы к нам могут возникнуть вопросы в связи с установкой этого вот ящика.

— Мы что, шакалы какие?! Будьте спокойны: кому задавать вопросы, мы знаем! Я к туристам приехал. Ну, ладно, пойду.

Так был «узаконен» наш «ящик». Все поступления в «копилку» мы обязательно фиксировали в дневнике, и в конце года их суммы отражались в научном отчёте. Как много давал нам ящик? За год набегало в пределах 350—450 долларов. И только однажды, когда своих друзей, бывших однокашников по МГУ, на Камчатку привёз наш коллега Женя Сыроечковский, «выручка» нашей копилки позволила едва ли не полностью оплатить очередной вывоз казарок на Экарму.

Притягательная сила Долины гейзеров (вкупе с непогодой) и высокий авторитет Коваленкова в своё время привели в пи-

томник немало «больших» людей Российской державы в чинах министров, замминистров, депутатов Государственной и каких-то других «дум» и «собраний». Удостоил нас вниманием в бытность свою премьер-министром В. Черномырдин, посетил улыбчивый Е. Гайдар.

Надо сказать, при таких посещениях я испытывал истинное удовольствие, но отнюдь не от лицемерия столь известных личностей. Забавно было видеть, как тот или иной высокий гость и вся его свита стараются встать подальше от «ящика» и спиной к нему. Это и в самом деле было куда дороже вдруг бы оставленной кем-то из них «десятки». За то первое богатое столь «высокими» посетителями десятилетие ни один из них не оставил питомнику ни единого «деревянного», ни одного металлического рубля.

Впрочем, мерить всех известных деятелей страны «одним аршином», конечно же, нельзя. Запомнилось посещение питомника А. Чубайсом, в то время, насколько мы помним, вице-премьером российского



Гость из Индии

правительства. Мы прошли по питомнику втроем: губернатор Камчатки Бирюков, Чубайс и я. Целя время гостей, цель нашего проекта, его исполнение я пытался излагать, что называется, в «телеграфном стиле». И тут же заметил, что Анатолий Борисович не просто слушает, а пытается вникнуть в решаемые нами задачи. (Такой же интерес годы спустя, будучи нашим гостем, проявлял и Ю. Лужков.) Несколько раз он что-то уяснял, а потом спросил:

— Скажите, какие у вас возникают проблемы?

— Да, мы, в общем-то, со всем справляемся сами.

— И всё-таки?

— Вот сейчас я ожидаю значительных трудностей в общении с таможней.

— Так (повернувшись к губернатору), пока я здесь, надо эту задачу разрешить.

— Не беспокойтесь. Я думаю, мы решим её вместе с Владимиром Афанасьевичем.

— Решим! — подтвердил губернатор.

И мы продолжили нашу «экскурсию».

Я не стал бы специально рассказывать об этой встрече, если бы, уже выйдя с территории питомника за калитку, Чубайс не обернулся ко мне.

— А всё-таки давайте я разрешу вашу проблему с таможней!

Я отказался и действительно от души поблагодарил этого человека. Нам неоднократно приходилось слышать от людей, что они чем-то «постараются» нам помочь, но пустые обещания я, как правило, различал тотчас. Но когда человек, уже уйдя с территории, возвращается и опять просит принять его помощь, он — настоящий.

И ещё. Мы никогда ни у кого из наших посетителей сами не просили помощи. Так вот, по прошествии лет я впервые пожалел, что не сказал о наших финансовых проблемах Чубайсу. Почему-то уверен, что он бы нам помог.

А однажды, было это в начале мая 2004 года, на нашу территорию уверенно зашли два господина. Меня удивило то, что тот и другой прямо от калитки, не глядя по сторонам, направились к ящику для пожертвова-

ний, оба опустили туда банкноты и лишь после этого обернулись в мою сторону. Их, примелькавшихся с экрана TV депутатов Государственной Думы В. Васильева и В. Заварзина, я, конечно же, узнал сразу. Кстати, года через три Заварзин решил показать наше хозяйство своей супруге. Меня в это время в питомнике не было, и уже потом Лилия Коваленкова передала нам оставленный Виктором Михайловичем конверт.

В том же 2004 году в числе зашедшей к нам группы туристов опять оказались депутаты российской Госдумы. Одного из них, выдвиженца от Камчатки, в недавнем прошлом министра финансов России М. Задорнова, не узнать я не мог. Провёл гостей по питомнику, рассказал о цели проекта, о птицах, о нашей работе. Попутно высказал Задорнову своё непонимание причин ликвидации областного Экологического фонда, который до этого оказывал нашему проекту хоть какую-то поддержку. Михаил Михайлович «утешил» меня, сказав, что эконофонды упразднены по всей стране. Я ответил, что в таком случае очень рад за ещё более распухшую мощь нашей «бедной» родины. Потом мы стояли вчетвером: два депутата, молодая красивая женщина, как оказалось, директор АПН Светлана Миронюк, и я.

— Скажите, сколько вам нужно денег на вашу работу? — спросил не знакомый мне депутат.

— Мы только что выпустили очередную партию птиц, это самые весомые наши траты. Сейчас нам нужны деньги на энергообеспечение питомника и на серьёзные ремонтные работы, в частности, на полную замену водопроводных труб. Это двести семьдесят тысяч рублей.

— Долларов?

— Нет, рублей!

— Не понял. Двести семьдесят тысяч рублей или долларов?

— В данный момент нам необходимы двести семьдесят тысяч рублей!

Я продолжал рассказывать о нашей работе и видел, что коллега Задорнова находится в явном затруднении. И он не выдержал:

— Я так и не понял, вы говорите о сумме в рублях или всё-таки в долларах?

— Он говорит о сумме в рублях. Сейчас питомнику необходимы двести семьдесят тысяч рублей! — помогла мне Светлана.

Гости уходили, по лицу одного из них я видел, что он так и остался в недоумении. А в нашем ящике неожиданно для себя мы обнаружили более ста долларов

Не менее поразительной и, не скроем, приятной для нас стала последняя (на день завершения этой книги) встреча с туристами в конце лета 2009 года. Непогода придержала вылет гостей Камчатки на одну из баз компании Лилии Коваленковой, и они «забредли» на нашу территорию. Кто-то, едва глянув на птиц, сразу «вышёл вон», но пять человек, хотя по телефону им уже поступила «команда» на выход к вертолёту, задержались.

По завершении краткого рассказа о предмете нашей любви — казарках один из мужчин передал мне очень неожиданную сумму денег.

— Возьмите это! Мы хотим принять участие в вашем замечательном проекте.

— Спасибо! Как вас звать-величать? Кто вы?

— Это не обязательно. — Мужчина явно смущался.

— Но нам это очень хотелось бы знать. Вы, мне кажется, не камчатский чиновник.

— Нет, — пришла мне на помощь молодая милая дама, — мы из Москвы, Александр Михайлович — депутат Госдумы.

— Александр Михайлович...

— Бабаков.



А.М. Бабаков (в центре группы)



Посещали питомник и особы княжеских кровей

Вот так! А ещё недавно свой сарказм я готов был распространить чуть ли не на всех высоких столичных гостей.

К сожалению, не часто нас навещали дипломаты. Мы имели истинное удовольствие от общения с послом Новой Зеландии Джоном П. Ларкиндейлом, послом Южно-Африканской республики Филиппом Е. Иммельманом, был нашим гостем и посол Республики Корея. А как-то за два дня через питомник прошли сотрудники немецкого посольства в Москве. Самих посольских и членов их семей было, как мне показалось, человек пятьдесят. Гостивший у Коваленкова наш соотечественник — посол России в Англии зашёл к нам ещё и на другой день. Не в обиду многим другим искренне уважаемым нами гостям я хочу отметить, что всех, без исключения, служителей дипломатического корпуса отличала совершенно особая интеллектуальность. Внимательно выслушав наш рассказ, они пытались докопаться до самой сути проблемы, понять все сложности на пути в её достижении. Глубоко вникать

во всё новое, дотоле не известное, этих людей, безусловно, научила специфика их профессии. И все они (я говорю о дипломатах-иностранцах) обязательно подходили к нашему «ящику».

В бедности или в богатстве познаётся человек? Мнения людей на этот счёт расходятся. Лично я считаю, что хороший человек остаётся собой, и когда он беден, и при свалившемся на него достатке.

Однажды, было это уже давно, поздней осенью, когда посетителей мы уже не ждали и были заняты подготовкой к скорой зиме, у наших ворот вдруг появились гости. Как оказалось, возвращаясь из Долины гейзеров, вице-губернатор Камчатки Тимошенко решил показать своим московским приятелям наш питомник.

— Николай Николаевич, мы зайдём?

— Да ради бога, Сергей Васильевич! Но у нас здесь разгром. Мы готовимся к зиме.

В питомник зашла группа «в меру упитанных» посетителей. Все навеселе, и было видно, что день этих господ и без нас был насыщен одними удовольствиями.

Тем не менее три человека остановились около меня и выслушали краткий рассказ о птицах и цели нашей работы. Один из них, явно не чиновник (жаль, я не узнал его имени), достал пухлый бумажник и, может быть, всего лишь чуть бравируя, протянул мне весьма заметную для нас сумму денег.

— Я человек не богатый, и это мой очень скромный вклад в ваше нужное, хорошее дело!

И вот другой пример. Как-то нашими желанными гостями стали детишки из детского сада города Петропавловска. Мы показали им сидящих на гнёздах «уток», родившихся «утятки»; я, как мог, попытался доходчиво рассказать, что это за птицы, почему они живут у нас и зачем мы отпускаем их на волю. И вдруг воспитатели, собравшись вместе, стали доставать свои кошельки, после чего, несмотря на наши самые серьёзные протесты, дали одной девочке какие-то деньги, и она с заметным удовольствием побежала опускать их в наш ящик для пожертвований. Я повторяю: это были воспитатели детского сада. И ме-

сячная зарплата некоторых из них в то время едва ли достигала суммы, равной ста долларам!

Однажды из ближнего к питомнику интерната к нам привели не маленьких уже детей с несколько замедленным интеллектуальным развитием. Увидев ящик, в котором лежали банкноты, они тотчас стали доставать свои монетки и старались наперебой, кто раньше, бросить их в «копилку». Я попытался остановить их, но мальчишки и девчонки воспротивились этому. То же сделала их воспитательница:

— Не останавливайте их в этом хорошем порыве! Они хотят почувствовать свою причастность к вашему делу — помочь птицам!

Надо ли говорить, что все эти годы мы не были обделены вниманием многочисленных представителей СМИ, сейчас даже не вспомнить, скольких стран. Поначалу больше всего нашей работой интересовались пишущие и TV-корреспонденты Японии. Как-то с японскими телезрителями мы с Алей в реальном времени обща-



Дети — наши постоянные гости

лись через спутниковую связь. А совсем недавно видеозапись интервью с нами велась на совсем уж экзотическом валлийском языке.

И всё же наиболее ярко в моих воспоминаниях запечатлелась самая первая встреча с корреспондентом Еленой Прохоровой. Это был трудный для России 1995 год. Преобладающая часть россиян, обворованная теми, кого скоро назовут олигархами, обнищала. До полной дистрофии пошел рубль, зато почти все мы вдруг стали «настоящими» миллионерами.

В один из позднеосенних дней в питомнике появилась радиокорреспондентка от Камчатки. Выслушав краткую информацию о наших птицах и стоящей перед нами цели, Елена честно призналась в «приземлённости» (это было её выражение) своих взглядов на подобные проекты, в неприятии её сознанием этой самой цели. Такая самооценка уровня культуры представителем СМИ подкупала. Потому её вопросы и тут же следовавшие к ним комментарии корреспондентки удивления не вызывали.

— Скажите, какую сумму затратил на ваших птиц Коваленков?

— В этом году «Согжой» потратил на наш проект полтора миллиона рублей.

— Как вы считаете, а не лучше ли было бы отдать эти деньги старикам и детям? Ведь сейчас для них такое трудное время.

— Мне ваш вопрос не понятен. И почему вы, корреспонденты, этим так часто спекулируете? Переданные нам деньги никуда не пропали, птицы ни у пенсионеров, ни у детей их не отобрали. Ими оплачены изготовленные рабочими строительные материалы, корма для птиц, ими выплачена заработная плата рабочим, помогающим строить питомник, в бюджет страны ими перечислены налоги, из которых складывается и ваша, корреспондентов, зарплата. Все вы и принесёте эти ни куда не исчезнувшие деньги своим детям и родителям.

Елена расспрашивала ещё о чём-то, но было видно, что впечатление о нас, о нашей проблеме у неё уже сформировалось и нюансы для опытного корреспондента были не важны. Вместе мы ехали в Петро-

павловск, а выходя из машины, корреспондентка призналась, что здравого смысла в нашей работе она так и не увидела. Я, скорее всего, просто забыл бы о ней, не сообщив мне Елена через несколько дней по телефону о времени выхода в эфир её репортажа. Это был первый радиорассказ о нашем проекте.

Утренняя программа шла под сразу же показавшейся мне провокационной рубрикой «О богатых и бедных». Сначала корреспондентка говорила о ком-то другом, потом дошла очередь и до нас. И сейчас я постараюсь предельно точно воспроизвести услышанное:

— Мария Васильевна, — это я разговариваю с работницей Петропавловского хлебозавода, — скажите, у вас будет гусь к новогоднему столу?

— Да что вы, какой гусь! Хорошо хоть мяса немного к празднику достала.

— Вот видите, у Марии Васильевны, которая тридцать лет проработала на Камчатке, гуся к празднику не будет. Зато гусей много на ферме учёных в Елизово...

Дальше этот бред я слушать не стал. За небольшое число следующих лет, как я уже сказал, через наш питомник прошли десятки и десятки российских и зарубежных мастеров слова от СМИ, но таких корреспондентов-уникумов нам больше наблюдать не довелось. Впрочем, один нештатный газетный писака-недоумок после уже просмотренного и одобренного нами материала решил добавить в него собственной дури и этим поставил нас в крайне незавидное положение перед коллегами-японцами. Очень надеюсь, что наши японские друзья этого «преображённого» интервью не видели.

Вот уже и поздняя осень 2009 года. Мы давно свыклись с неудачами уходящего го-

да, почти безразличны к росту стоимости «вертолётного часа» (до будущего выпуска птиц ещё нужно дожидаться). Но нет-нет да что-то вдруг нехорошо сожмётся там, где должно находиться сердце. Хватит ли у нас сил и возможностей завершить эту работу в году будущем?

Моя подруга — бессонница находилась совсем рядом, и мы опять общаемся с ней едва ли не каждую ночь. Но, я об этом уже говорил, страданий её общество мне не доставляет.

Как оказалось, то посещение нашего питомника московскими гостями в осень 2009 года (о нём я говорил выше) не было последним. Нам позвонили: питомник хотел бы посетить Валерий Малеев. Он — политик, депутат Госдумы РФ. Но это не важно. А важно то, что Валерий — охотовед-иркутянин. Пока я знал об одном выпускнике нашего института, депутате Госдумы Глебе Якунине. Значит, в «Высочайшем собрании» объявился ещё один выпускник вскормившего нас факультета. Эта встреча мне была интересна.

И вот, проснувшись задолго до утра, своими думами я ушёл в далёкие годы студенчества. В 1950—1960-х годах на ежегодные студенческие «практики» мы разлетались по всей великой нашей стране. И едва ли не все из нас, появляясь, даже случайно, в каком-либо посёлке, небольшом районном городе, спрашивали:

— У вас охотовед есть?

— Есть.

— Расскажите, как его найти.

И сразу шли по указанному адресу.

— Здравствуй! Я — охотовед!

Это был «пароль» единомышленников, пароль нашего «братства». И гарантия любой помощи от здешнего «резидента» нам была обеспечена. Но годы те ушли.

Вот почему меня интересовала встреча с охотоведом более поздней генерации, ступившим к тому же на кажущуюся мне несколько чуждой для вольной братии стезю.

В питомник с Малеевым приехал и сенатор от Камчатки Лев Бойцов. «Прицельно» глянув на Валерия, я увидел, что в политике он явно «забурел». Но уже самые первые минуты общения показали: к этому человеку со словами «Я — охотовед!» прийти можно. Это было приятно. И ошибиться в этом мне бы не хотелось.

Октябрь

Между тем конец сентября незаметно встретился с началом октября. Дни в эту пору нередко солнечные, с голубым небом, но ветры всё более преобладают западные, резкие и холодные. Значит, на горах к западу от нас лёг снег, это отсюда стекает вниз холодный воздух. На наших клумбах утренний морозец загубил все бархатцы, но ему ещё долго будут проти-

востоять поздние мелкоцветковые астры. Когда же случаются дожди, морозящие при двух-трёх градусах тепла, понимаем, что с неба падает не совсем вода, что это почти уже снег.

Мы продолжаем готовиться к зиме: промываем и поднимаем на гнездовые домики ванны, снимаем с вольеров защитные сетки, выходим на смежную с нашей территорию собирать осыпавшуюся хвою лиственниц. Весной она станет прекрасным материалом для выстилки гнезд, утепления гусиных кладок. Траву я выкашивал и сушил ещё в августе, она тоже пойдёт на устройство гнёзд. А вот разнотравного сена для зимней подкормки птиц маловато, и его надо будет покупать у фермеров.

Несравнимо больше, чем у меня, работы у Али. Она не может спокойно смотреть на засыпанную опадающей листвой территорию и до самого снегопада будет опять и опять «вылизывать» нашу «прихожую», дорожки, собирать и сжигать листву в вольерах. Если октябрь случится преимущест-



Наш водоём в первой декаде октября



Сбор лиственничной хвои

венно сухим, Аля, мне кажется, постарается собрать все, до последнего опавшего листика. Ей надо ещё, а потом ещё раз обойти все вольеры, просмотреть, всё ли хорошо сделал, не забыл ли чего я. Ей нужно всё! Мне часто достаётся за не там брошенный инструмент, грабли-лопаты да и мало ли ещё за что. Я же любую минуту использую для того, чтобы сбежать к компьютеру: для меня наступил период подведения итогов.

Третья декада октября. Всё, что можно, выметено, сожжено или вынесено из питомника вон, заготовлены и уложены в поленицы дрова, на случай выхода из строя бойлера подготовлена металлическая печь. Так что к концу октября мы приходим почти полностью готовыми не только к зиме, но и к будущей весне.

Утренние температуры на дворе потихоньку подползают к минусам. А всего



Как бы ей хотелось подняться в небо

лишь чуточку потеплеет, по вечерам из позднеосенней темноты в освещённые окна нашего дома начинают биться стайки осенних мотыльков. Уж они-то, кажется, могли бы вылететь ещё по теплу, а не ждать этих самых последних дней стылого октября! Их, оказывается, два вида, и названия у этих бабочек соответствующие: пяденица осенняя и пяденица зимняя.

Вот и всё. Дальше так нелюбимая нами да, мы думаем, и гусями тоже зима. А обходящей в «прошлое время» очередной нашей здесь осени напоминает стоящий на столе последний в этом году букет мелкоцветковых астр.

У нас зима

Ярким остался в памяти один из дней ноября середины 1990-х. Мы с Алей в отпуске. В Москве мне нужно отчитаться за грант, полученный на выполнение проекта от Академии наук. Аля осталась ждать около института, я поднялся на второй этаж, в отдел грантов. В стильном кабинете сидят одетыми в пальто две симпатичные молодые женщины. Представляюсь, отдаю отчёт. С ним всё нормально.

— Девушки, — перехожу на свою обычную, неофициальную манеру общения, — вы считаете, что можно выполнять такой проект на столь незначительную по нынешним меркам сумму наших родных рублей? Гранта Академии едва хватает на прокорм птиц в течение полугода.

— Мы вас понимаем, но по Программе сохранения биоразнообразия России вы получили один из самых больших грантов.

— Что, Большая академия в самом деле так бедна?

И девушки грустно поведали мне о действительной нищете Российской академии

наук, о том, что за коммунальные долги институт, где я сейчас нахожусь, второй месяц отключён от теплоснабжения (вот почему они сидят одетыми!). В ответ на деликатный вопрос о моей камчатской зарплате «остепенённого» старшего научного сотрудника я узнал, что в Москве в значительно меньшую сумму сейчас оценивается труд доктора наук, профессора. И мне действительно стало стыдно смотреть в глаза этим милым женщинам. С ощущением неловкости я и вышел из дверей института к продрогшей на уличном холоде Але.

— Я совсем замёрзла, пока тебя ждала. Но за это время увидела и поняла, насколько обнищала ваша наука. Смотрю, идёт бедно одетая женщина: такой холод, а она в старой болоньевой курточке, в стоптанных туфлях. Подумала, что это нищенка или спившаяся. Пожалела: как же она, бедная, должна сейчас мёрзнуть, если мне в дублёнке холодно. Женщина подошла, смотрю: у неё измождённое, бледное лицо, она просто очень бедна. Оказалось, шла в этот институт. Потом появился мужчина, чуть ли не в довоенном потрёпанном плаще, в беретке и дешёвой, похожей на тряпичные кроссовки обуви. У нас на Камчатке его бы, точно, посчитали бомжём. Но и у него интеллигентное лицо, он тоже зашёл в эту дверь. Мне стало очень обидно и больно за этих доведённых до столь жуткого состояния людей.

А в это время Москва, Россия уже пестовали поколение «новых русских». Ещё немного, и этот новоявленный «цвет нации» приватизирует всё, что создавалось умом этих вот бедных учёных, руками в одночасье обнищавших рабочих. И отказы от международных фондов российским учёным часто пойдут от недоверия. Наш австрийский коллега Франц Хафнер рассказывал, как в ресторанах Швейцарии, Бель-



Раннезимний фотоэтиюд

гии, Австрии эти «новые» прикуривают от стодолларовых банкнот, сотни «зелёных» бросают официантам «на чай». «Как же не стыдно этим русским учёным прибедняться?!»

Зимы я не любил никогда. Не любит её сейчас, так как «не хочет мёрзнуть», и Аля, а ведь когда-то она, спортсменка-лыжница, ждала её с нетерпением.

Очень редко у нас бывали годы, когда земля оставалась «голой» чуть ли не до декабря. Тогда долгим бесснежьем старается воспользоваться Аля: в который раз прочистит, прометёт вольеры и дорожки, ещё раз пройдёт с секатором по кустам спиреи и шиповника. Я же боюсь одного: в малоснежную пору у нас случались сумасшедшие тридцатиградусные морозы. И тогда перемерзали водопроводные трубы. Воду для себя мы сначала носили в вёдрах, а потом, после циклонов, иногда по пояс в снегу, в канистрах таскали за собой на верёвке. Но хуже было весной, когда вода

для птиц нужна уже тоннами. Сколько же мы тогда перетаскали вёдер!

Обычно же снег ложится в первой-второй декадах ноября. Как-то два года подряд для расчистки дороги нам ни разу не потребовался бульдозер, дорога к питомнику накатывалась машинами. В январе 2006 года, когда вся Европа страдала от жестоких морозов, у нас дневная температура иногда заползала на плюсовые отметки. Зато «доставали» следующие один за другим обильные снегом циклоны: за одну только пургу, за одни сутки наша территория покрывалась метровыми сугробами, ещё через день-два снегу опять насыпало столько же. И если летом Аля называет себя «электровеником», зимой она превращается в «мини-трактор».

— Я еду на рынок, надо купить лопаты.
— Сколько ты хочешь их купить?
— Две. Тебе и мне.
— Зачем нам две лопаты, если мне хватит одной.
— А мне?

— Зачем? Ты же знаешь, что копать снег буду только я!

— Хорошо. Куплю одну.

Этот диалог в один из зимних дней я записал «с натуры». Кому была нужна та «одна» лопата, объяснять не хочу. Стыдно.

В последние годы до ночных температур в минус восемь—десять градусов казарки ночуют под открытым небом. К утру перо птиц покрывается инеем, и Аля их жалеет. Это ускоряет перевод казарок в зимник, для них, как говорил Володя Савенков, наступает «стойловый период». Мы давно уже отказались от отопления этого помещения электробатареями. Даже в самые сильные морозы температура в зимнике редко опускается ниже минус десяти, а при обилии корма, отсутствии ветра и осадков для гусей такие условия очень даже комфортны. Первых, американских казарок мы выгоняли на прогулку при морозе и в двадцать градусов. Потом посчитали это настоящим садизмом и в качестве минимальной для птичьих прогулок выбрали температуру в минус восемь, может быть, десять градусов. Только тогда открывается дверь зимника, а выходить или нет на свежий воздух, решают сами гуси; иногда они предпочитают оставаться в доме.

В более или менее тёплые зимы настоящие оттепели случаются неоднократно, и тогда в «прихожей» выставляется несколько тазиков. Воду в них за день меняем и пять и шесть раз, пока всласть не накопятся все птицы.

Зима — наиболее спокойная в нашем хозяйстве пора. С осени завезён комбикорм, и хватит его, хотим надеяться, до начала года будущего; заготовлено сено. Каждый день нашим птицам нужно всего-то до трёх вёдер воды, а при сильных морозах, когда температура в зимнике становится минусовой, ставим один-два таза со

снегом. Гуси не перестают удивлять нас тем, что к утру они съедают весь снег даже тогда, когда в других тазах сохраняется вода. В углах зимника стоят ящики с крупным речным песком, за зиму казарки выберут подходящие песчинки, мелкие камешки, и те, подобно жерновкам, будут помогать птицам, перетирая в их желудках твёрдую пищу. Заготовлена и мелкая стружка. Обычно раз в две недели мы чистим зимник, выносим из него унавоженную гусями подстилку, заменяем её свежей стружкой.

Интересных наблюдений за гусями зимой мало. И лично мою зимнюю жизнь украшают появляющиеся на территории в разные годы то одни, то другие мелкие птицы. Самые заметные из них, конечно же, «говорушки» — чечётки. В отдельные годы чечёток бывает действительно очень много. И тогда пунктиры их весёлых трелей, кажется, перечёркивают всё окружающее пространство, скоростной «морзянкой» сыплются с неба на деревья, а с них опять устремляются в небеса. Нередки годы, когда нашими гостями становятся меланхоличные, «алые, как праздничные розы», так написал о них П.Н. Дьяконов, снегири. Реже мы видим у себя осторожных дубоносов, свиристелей, совсем редко залетают щуры и кажущиеся заблудившимися кедровки — *Nucifraga caryocatactes*.

С выпадением снега с территории питомника исчезают домовые воробьи, безраздельно пользующиеся ею летом. Остаются воробьи полевые. Раньше я как-то не обращал на это внимания. Так же случилось и в ноябре 2006 года. Зима в этот раз у нас выдалась на удивление «безптичья»: ни снегирей с осени, ни чечёток, ни синиц-гаичек. И только в конце декабря у нашего крыльца появились сначала два, потом стали прилетать три, а затем кормились уже шесть полевых воробьёв. Они были чу-



С ноября гуси ночуют, а в морозные дни и днюют в зимнике

мазыми, нахохленными, выглядели несчастными, и Аля их очень жалела. С утра, а потом два-три раза в день крошила воровьям хлеб, подсыпала пшена. Ночевали они под крышей нашего дома и, казалось, должны были успешно пережить тяжёлую для мелких птиц пору.

Однажды Аля обратила внимание на то, что утром у крыльца «завтракали» только четыре воробья. Я объяснил: те два где-то обнаружили другое сытное место. Двумя-тремя днями позже воробьёв оставалось только три. А вскоре я увидел, что прямо над местом, куда сердобольная Аля каждый раз высыпала крошки и зерна, сидит крупный, необычно тёмноокрашенный ястреб-перепелятник — *Accipiter nisus*. Было похоже, что это место ему хорошо знакомо, и сейчас хищник удивлялся: почему здесь нет желанной добычи? Потом ветер принёс к нашей двери воробьиные пёрышки. Я пошёл навстречу ветру и недалеко нашёл место, где повезло больше ястребу, чем воробью. Несколькими днями позже

уже на озёрной части питомника вокруг берёзового пня обнаружили пёрышки от самочки снегиря. Так что сомнений, куда «улетели» наши «нахлебники», больше не оставалось.

А однажды я увидел, как за ястребом гнались сразу три вороны. Хищник попытался хоть как-то укрыться в голой кроне ольхи, однако рядом с ним тотчас присела кричащая во всё горло ворона. Она увидела, что я вышел из дома с ружьём, но, как мне думается, не могла предположить, что гибель шла по её душу. Могла ли ворона знать, что я готов истребить в округе всех её родственников и никогда не подниму ружья на ястреба.

Эту зиму пережила только парочка наших воробьёв.

Наверное, первая зимняя радость для нас — конец декабря, когда солнце поворачивает свой лик на весну. Вот как восторженное состояние Али отразилось в дневнике 26 декабря 1995 года: «День сегодня прибыл на одну минутку! “Солнце на

лето, зима — на мороз», — говорят про эту пору в народе. И природа сегодня прямо сказочная! Погода прекрасная: тишина, солнце, совсем слабый морозец, голубое, в лёгких вуалевых облачках небо. Но главная причина этой сказочности, конечно же, в снежных пушинках, лежащих на всех ветках и веточках деревьев, висящих на сетках ограждений. Кусты шиповника как бы укутаны в белую воздушную вату. Каждая маленькая веточка шиповника, каждая его колючка, кажется, боятся шелохнуться, чтобы не потерять это удивительное предновогоднее, подаренное зимой одеяние. И кажется, что каждый кустик замер в боязливом ожидании ветра. Он же одним дуновением отнимет этот чудный рождественский подарок зимы. А так хочется, чтобы такими нарядными кустики оставались до самой весны...»

В такие дни легко думается и мечтается; строятся планы на весну, на лето.

Зима — это время написания годового отчёта, научных статей, писем, многократного просмотра дневниковых записей. В дневниках (о них я уже говорил) 90-х мы видим подробные записи Володи Савенкова, нашего сына Юрия и Юры Артюхина, а потом настала пора, когда в них различаются только два почерка — Алин и мой. И каждой наступившей зимой необходимо не только осмыслить, интерпретировать всё увиденное нами с весны до осени, но ещё и ещё раз вчитаться в записи прошлых лет.

На одной из полок книжного стеллажа в ряд выстроились наши дневники. В первые годы рядом с книгами они были мало заметны. Потом их стало десять, а ещё через пять лет — пятнадцать. И в них не отражён лишь редкий день наших здесь лет. Случалось это, когда на запись о сделанном и увиденном за день просто уже не было сил.

Наши посетители

Однажды, было это на шестнадцатом году нашей здесь жизни, в питомнике появились двое молодых парней.

— Мы студенты-биологи из Камчатского университета.

— Слушаю вас, коллеги.

— Нам нужно написать дипломы. Мы хотим сделать их по вашей работе.

— Вы — будущие учителя биологии?

— Нет. Нам просто нужны дипломы о высшем образовании.

— Птиц наших вы видели? Знаете, какой это вид, подвид?

— Ну... гуси.

— Вы хотите помогать нам работать?

— Нет. Нам некогда. Уже надо делать дипломы.

— Когда защита?

— Через полтора месяца.

Вот так. Откровенно. Бессовестно. Я смотрел на этих молодых беспардонных, явно из «благополучных» семей ребят и опять вспомнил поэта И. Губермана, сказавшего: «Нынче это глупость или ложь — верить в просвещение: по-моему, ибо, что в помой ни нальёшь, теми же становится помоями». Применительно к данному случаю резковато, но, согласитесь, для нашего «перестроечного» времени, характерного, кроме всего прочего, и расплодившимися (подобно опятам в сырое лето) «университетами», всё-таки правильно.

Парням я сказал всё, что о них думаю, и отослал искать темы дипломов в другом месте.

Я не считаю себя метеозависимым. Но иногда, бывает это при следующих один за другим серых, с тяжёлым низким небом зимних днях, наша работа начинает казаться никому, кроме нас, не нужной. Хандра берёт верх, и тогда, просыпаясь среди

ночи, я не сплю два-три часа. Мысли чаще всего невесёлые: где искать деньги, чтобы выпустить птиц, чтобы прожить до весны следующей? Вспоминается, сколько раз мы видели удивлённые глаза туристов-иностранцев, когда они слышали о минимальной, необходимой для выживания питомника сумме. Нам она казалась недосягаемо большой, им же — до смешного малой. Могли ли эти люди представить себе, что лидер кажущегося им замечательным проекта ходит по соседним территориям, собирает с земли либо выдирает из старых досок ржавые, гнутые-перегнутые гвозди, а потом, отбивая пальцы, прямит их. А ведь это было и на четвёртом и даже ещё на десятом году нашей здесь жизни.

Как-то после таких вот ночных раздумий уже под утро я сказал себе: «Герасимов, почему от этих вопросов голова болит только у нас двоих? Поделись заботами с международными природоохранными фондами, напиши сразу штук тридцать писем, и пусть твоей проблемой озадачатся они!» И вскоре по разным фондам с просьбой «Помогите!» разлетелось двадцать семь моих писем. Ответ пришёл из всех двадцати семи адресов. К тёплым, похвальным в наш адрес словам последняя фраза двадцати шести ответов начиналась одинаково: «К сожалению...» Лишь один английский фонд готов был предоставить грант на нашу работу. Но неожиданно минимально необходимая сумма объявилась с другой стороны, и злоупотреблять добрым порывом равнодушных коллег из Англии я счёл нечестным.

Но почему так много ответов с отказом в помощи? Очевидно, подумал я, письмо получилось казённым и неубедительным.

Потом приходили другие зимы, но проблемы оставались те же. И опять бессонные ночи, опять те же думы. И опять шли

письма. Но они уже не писались «под копирку»: с каждым из них адресатам передавалась частица моих, наших душевных переживаний. Я быстро выдыхался, и потому таких посланий не могло быть много. Да и зачем обращаться по многим адресам, не могут же нам отказать и в этот раз. А в результате... отказ, отказ, отказ!

Однажды после одновременно пришедших двух или трёх таких писем, долго не засыпая, я пытался найти объяснение не столько причинам отказных ответов, сколько неубедительности своих просьб. Снова и снова вспоминал тех первых наших гостей — немецких коллег. Тогда среди зарослей шиповника, то есть «на пустом месте», они поверили в мою мечту и в мою способность обратить её в реальность. А сейчас, когда у нас есть питомник, успешно размножаются казарки, когда мы вывозим их в природу, почему я не могу достучаться до сознания, вероятно, очень даже неплохих людей — держателей фондов? Ведь в каждое письмо я вложил частичку своей души. Почему? И вдруг до меня, что называется, «дошло»: каким бы хорошим человеком ни был переводчик, как бы хорошо ни владел английским, он не мог сохранить в письме нашу искренность, наши переживания. И, значит, с нашими адресатами разговаривали уже не мы, а другой человек. Понял, но на душе всё равно было противно. И в который уже раз, стиснув зубы, я повторял: «Мы сделаем этот проект! Одни и сами, но сделаем!»

А завершая рассказ о зимнем периоде нашего существования, вспомним ещё одну встречу.

Наши посетители

До того зимой массовых посещений питомника, насколько мы помним, не было. Но однажды, а случилось это в первых чис-

лах января 2000 года, выйдя из дома на лай Грома, у калитки я увидел группу из двух десятков человек. Главной среди них, это я отметил сразу, была молодая женщина; тут же «высветились» и рослые, спортивного склада ребята, роль которых сомнений не оставляла. Про обвешанных аппаратурой вездесущих корреспондентов уже не говорю.

Выпустив из зимника казарок, я предельно кратко рассказал об этих птицах, причинах и виновниках их полного исчезновения в Азии, в России, о цели, к которой мы стремимся. Выслушав меня, дама спросила:

— Скажите, а кому всё это надо?

— А как вы считаете: комары в природе нужны? — задал я вопрос, который не менее 20 лет на биологических олимпиадах слышали от меня юннаты.

— ... Нужны.

— Если в природе нужны комары, можем ли мы смириться с тем, чтобы с лица Земли исчезла эта прекрасная птица?

— ...

— Но вы ещё молоды. Со временем поймёте, кому и зачем это нужно.

— Спасибо!

Дама и за ней вся свита направились к калитке. Приотставшие двое ребят охраны перед выходом с территории крепко пожали мне руку.

— Спасибо! Хорошее дело вы делаете!

Этот год был в череде тех, когда бессонница и нелёгкие думы мучили меня особенно часто. Какого понимания наших задач, наших трудностей можно ожидать от некоторых зажавшихся чиновников Камчатки, если «Скажите, а кому всё это надо?» задаёт будущая (это не оставляло сомнений уже ни у кого) «первая леди» России.



Наш верный охранник Гром

ТАК МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО?

Сахалинские охотоведы сдержали своё слово. И хотя мы получили от них только одну газетную публикацию, это было уже не важно. Главным было то, что наши птицы в Японию полетели! И год от года интересных сообщений нам стало поступать всё больше.

Однако то, что состояние численности сидзюкара-ган в Японии складывалось не столь для нас печально и ранее, мы совершенно для себя неожиданно узнали из полученного от коллег постера. Как оказалось, заметными на исторических зимовках наши гуси стали по крайней мере с самых первых дней нового тысячелетия. И всё более привычными для японских любителей птиц становились встречи с зимующими сидзюкара-ган в годы последующие. Но чуть ли не все эти птицы не имели цветных меток. Значит, решили наши коллеги, камчатские орнитологи здесь «ни при чём». Северокурильский охотовед Сергей Маршук, работавший летом на острове Онекотан, систематически наблюдал прилетающую «со стороны Экармы» стаю алеутских казарок, числом «не менее 25 особей». Птиц привлекали обильные

ягодой местные тундры. Как я уже говорил, семью казарок, пару с молодыми, видел на Экарме Джон Турк. «Да, — ответили коллеги, — такую семью в Японии мы зимой видели, только цветных меток у них не было». — «Но казарки, живя в травянисто-кустарниковых зарослях, могут быстро терять метки, а птицы, родившиеся за эти годы на Курилах, не имеют их тем более». В ответ — молчание. Так неужели наши коллеги всерьёз считали, что в возврате сидзюкара-ган в Японию мы «не виноваты», что нет в этом нашей заслуги?

Начиная этот проект, мы наивно надеялись, что на его успешное завершение нам вполне хватит десяти лет. Понятие об «успехе» для нас ассоциировалось с цифрой 100: столько, и не меньше, птиц должны были прилететь в Японию в одну из зим. Такую «планку» мы поставили для себя сами. При достижении этой «высоты» можно было громко заявить: «Мы сделали это!»

Между тем численность алеутских казарок в Японии растёт. Сорок, пятьдесят, а в зиму на 2009 год и того больше, стали видеть их на островах Хонсю и Хоккайдо.

Всё больше среди них птиц с нашими метками, притом впервые видят сидзюка-ра-ган, выпущенных на острове Экарматри и четыре года назад. Может быть, недостаточно внимательными были наши японские друзья? Впрочем, «виноватыми» в этом могут быть и наши казарки: не обязаны же они, в конце концов, летать зимовать только в Японию. Мы уже знаем о зимовках какого-то числа алеутских гусей на Корейском полуострове. А самые

«ленивые», как оказалось, вообще решили никуда не лететь, остаются на зиму в местах размножения. На острове Онекотан, в частности, тот же С. Маршук видел казарок, зимовавших вместе с лебедями-кликунами на реке Чёрной.

Здесь моя дневниковая запись от 15 января 2008 года: «Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, в какую авантюру в том далёком 1989 году вверх не только себя, но и многих поверивших в меня людей. И



Мы начинали это вместе, середина 1990-х годов



И они таки возвращаются. Япония, о-в Хонсю, 10 апреля 2007 г. (фото Kazunori Noro)

то моё заявление о готовности выполнить едва ли вообще выполнимое отнюдь не опиралось на разум, на трезвые расчёты. Но было огромное желание сделать это, уверенность в своих силах и возможностях, настоящая вера в исполнимость заявленного. Далёкий от политики, мог ли я знать, что живу реалиями, которые в те дни уходили в невозвратную для нынешних поколений историю. И, конечно же, ни я, ни мои коллеги не могли представить тогда глубину пропасти, на краю которой скоро мы, исполнители этой авантюры, окажемся.

И вот сейчас птицы наши, из питомника, и те по-настоящему вольные, которые родились уже на Курилах, в Японии зимуют. Их пока немного: от зимы к зиме прибывают по десятку. Но прибывают!

И надежда на то, что «Мы сделаем это!» у нас есть!»

Рассказывая об этом равнодушным посетителям питомника, мы всё чаще слышим в свой адрес поздравления. Но можно ли считать это только нашей, исполнителей проекта — ученых КФ ТИГ ДВО РАН, заслугой? Конечно же, нет. Мы просто не имеем на это морального права.



МЫ ДЕЛАЛИ ЭТО ВМЕСТЕ

Да, тогда, в 1989 году (после неудачной попытки японских коллег) идея данного проекта возрождения потерянной для Азии стаи алеутской канадской казарки полностью принадлежала мне. Каким воспалённым мозгом она была рождена, я уже рассказывал. Но, не будь тогда рядом ещё большего, чем я, авантюриста Анатолия Коваленкова, моя идея, это зачатое мной по неразумению дитя, так и скончалась бы, ещё не родившись.

Рассказал я, и как мы начинали этот проект. И всё-таки ещё раз напомним. Нас, научных сотрудников Камчатского филиала Тихоокеанского института географии, тогда было трое. Вскоре от нашей группы отделился Витя Дьячков, на смену ему пришёл наш сын Юрий, потом к работе подключился Юра Артюхин. Но оба Юрия время спустя ушли в свою научную тематику. Ушли, но в трудные для нас дни тотчас приходили на помощь.

Мы пока мало что сказали о соисполнителях проекта — японских коллегах. Все эти годы не забывали о нас и американские учёные: Форрест Ли, Вернон Бёрд, Джеф Уильямс... А когда однажды я понял и

кое-кому уже объявил, что «тянуть» проект дальше нет сил, что, признав своё поражение, вынуждены будем раздать наших казарок по зоопаркам, нас вдруг «обнаружили», признали за «своих» коллеги самого авторитетного международного фонда — WWF. Впрочем, обо всём по порядку.

Та моя первая встреча с руководителями японской Ассоциации помощи диким гусям Ёсио Ёкота и Масаюки Куречи состоялась в 1982 году в Москве на XVIII Международном орнитологическом конгрессе. Потом я прилетал в Японию. А некоторое время спустя М. Куречи стал первым лицом в руководстве JAWGP. Он и остаётся бессменным президентом Ассоциации на протяжении последних десятилетий. Это Куречи-сан в 1989 году сообщил американским коллегам о появившемся «сумасшедшем» русском орнитологе, берущемся чуть ли не в одиночку решать проблему по возрождению азиатской популяции сидзюкара-ган. Знай он тогда, в сколь безнадежной ситуации скоро окажется российская наука, вряд ли рискнул бы ратовать за нас перед американскими учёными.



Форрест Байрон Ли — американский «гусиный папа», один из первых поверивших в нас учёных США

Это он вместе с Брайаном Андерсоном привёз на Камчатку первых алеутских гусей и высоко оценил подготовленную для птиц «ферму». Это Форрест слал и слал нам одну за другой бандероли с инструктивными материалами, отчётами и научной литературой. А его замечательная супруга Джанет собирала для Али посылки со сладостями и подарками. Со временем мы с трудом уговорили Форреста и Джанет не передавать нам деньги.

Эти удивительной души люди и сейчас стараются быть в курсе наших дел.



М. Куречи, президент JAWGP, главный соисполнитель проекта

Куречи-сан стоял у самых истоков этого действительно международного проекта, является его подлинным соисполнителем. Нам трудно сейчас оценить суммы материальных средств, вложенных Ассоциацией М. Куречи в проект. По нашим меркам, они весьма и весьма значительны. Высшего японского качества палатки, спальные мешки, бинокли, фото- и видеокамеры, другое полевое снаряжение, оплата в первые годы авиаобеспечения работ и «гусиных» экспедиций по Камчатке — всё это несомненная заслуга Куречи-сан и его ближайших сподвижников.



Т. Икеучи — «менеджер-финансист» JAWGP

Тосио Икеучи — «финансовый мозг» JAWGP, неизменный соратник её президента. Нам представляется, что на вооружении Икеучи-сан находится богатейший арсенал средств и методов изыскания источников финансирования как самой JAWGP, так её проектов. Икеучи-сан принадлежит идея по изготовлению медалей, которые вручаются истинным защитникам диких гусей. Это он организовывал сбор средств на оплату наших с Алей и сыном Юрием поездок в удивительную страну Японию. Обладай хотя бы толикой способностей Икеучи-сан, мы не оказывались бы перед многими возникающими у нас проблемами.



Вот он, Сузуки-сэнсэй — профессор Миша

Доктор Мичио Сузуки — профессор университета Тохоку города Сендай, член JAWGP и просто очень хороший человек, в первые годы один из активнейших участников нашего проекта. Он приезжал на Камчатку. Мы посещали в Японии его семью и его родителей, провели там немало часов. И поняли, что в такой среде мог появиться только такой светлый человек. С нашей лёгкой руки этот улыбчивый, с добрыми, излучающими свет глазами человек сразу получил русское имя — Миша. Но особенно заразительный смех Мичио-сан мы слышим, когда по-русски называем его «Профессором Мишей».



Сюичи Сакамото — неизменный член JAWGP

При первой встрече он показался нам изваянным из камня. Но едва Сакамото-сан заговорил о диких гусях, как с лица его тотчас упала маска сурового сфинкса и раскрылась истинная душа этого замечательного человека. А когда камчатский питомник сидзюкара-ган пострадал от наводнения, в числе первых, изъявивших желание оказать нам помощь, был Сакамото-сан. Мы имели искреннее удовольствие близко познакомиться с женской частью семьи Сакамото, и любовь к этим красивым, душевным людям увезли с собой на Камчатку.

Таков Сакамото-сан — настоящий!



Наш Саша на Камчатке с гусёнком-гуменником

Хисаси Сугава (для нас он сразу же стал Сашей) — первый японский учёный, орнитолог, с кем у нас завязалась переписка. В числе первых коллег из Страны восходящего солнца он стал нашим гостем на Камчатке. И авторы неоднократно были гостями семьи Сугава: Хисаши, Мичико-сан и их сына Ватору, гостями их родственников. Очень добрые, хорошие они люди.

А в 1997 году Саша в прекрасной поездке показал авторам действительно самобытную, настоящую Японию.

Хисаси, Мичико и Ватору Сугава также одними из первых отреагировали на постигшую питомник беду.

SAKAMOTO SYUICHI 10000zh
 ABE ATSU 10000zh
 ZENPO TOMOKO 10000zh

KARIWATARUKAI 22000zh
 ABEMIEKO SATO YOKO TSUNEKIKEIKO
 KANEKO REIKO TAKHASHI EMIKO OKABEMASA
 AMEMIYA EMIKO
 OTHERS 13000zh
 TSUNEKI SHIGERU 5000 SUZUKI 6000
 WAKAO 3000

О «накрывшем» питомник небывалом половодье японским коллегам сообщил Женя Сыроечковский. И снабдил свои письма убедительными фотографиями. Мы о его инициативе узнали от первой появившейся на Камчатке группы японских любителей птиц. А вскоре из Страны восходящего солнца поступили первые конверты с пожертвованиями и сообщение,

что сбор «помощи» для нас продолжается.

Эти люди стали первыми, но далеко не последними, кто нам помог.

У нас нет сомнений, с чьей подачи частичное финансирование проекта взяла на себя мэрия города Сендай. Это заслуга Хироки Като, бывшего главного ветеринарного врача зоопарка Ягияма. Мы уже упоминали о том, как искренне поразился Като-сан, узнав о нищенском положении российской науки в середине 1990-х годов. Тогда он пообещал найти финансирование для оплаты авиационных услуг на выпуск птиц. И сделал это. Иногда же мы с улыбкой вспоминаем, как смертельно побледнел наш друг, когда увидел, что, подняв вертолёт с острова Экарма, экипаж оставил в стороне всю северокурильскую островную гряду и взял курс прямо на Камчатку. Этот трёхчасовой полёт над морем стал для Като-сан нешуточной, а главное — незаслуженной пыткой.



Тосикадзу Абэ-сан

Зато Тосикадзу Абэ, коллега Хироки Като по зоопарку, летавший с нами на Экарму не менее десяти раз, казалось, получал от этого только удовольствие. Когда же у нас чуть было не прекратилось финансирование с японской стороны, Абэ-сан доложил о нашей работе на заседании одной из японских ассоциаций. Председательствовал на собрании сын императора Японии. Абэ-сан потом близко к реальному показал нам, какая его была дрожь перед лицом столь высокого председателя. А тот, высоко оценив цель и усилия исполнителей проекта, порекомендовал продлить его финансирование японской стороной ещё на несколько лет. Жаль, что этого «продления» не хватило на последние годы.

Конечно же, говоря о японских соисполнителях проекта, было бы неправильно ограничиться только названными сейчас именами. Мы знаем, что привозимые на Камчатку деньги JAWGP передавались нам

от многих десятков не равнодушных к судьбе сидзюкара-ган и других диких гусей японских друзей. Всем этим очень хорошим людям мы говорим наше искреннее спасибо!



Монти с казарчатами своей семьи



В 1999 году, находясь в Малайзии на конференции, я имел удовольствие познакомиться с живущей в Новой Зеландии известной художницей-анималисткой Монти. Так она подписывает свои работы, полное же её имя — Шейла Монтгомери Виджери.

Узнав о нашем проекте, эта замечательная женщина, имеющая за плечами весьма почтенный возраст, специально прилетала на Камчатку только затем, чтобы увидеть наших казарок.

Живя в питомнике, Монти каждый раз просыпалась рано утром, обходила вольеры и шла ко мне с сообщением о здоровье молодых птиц. При малейшем намёке на заболевание казарчат мы с ней вооружались сачком, лекарствами и шли лечить маленьких.

А одна из лучших пар казарок находится под патронажем Монти и сейчас, когда я пишу эти строки. В 2009 году при бедственной, действительно форсмажорной ситуации, приведшей к гибели преобладающей части кладок наших гусей, весь свой выводок из пяти гусят смогла сохранить только пара 05—D04 — родители семьи, патронируемой Монти.

На вольере с гусями семьёй Монти ежегодно вывешивается табличка с информацией о её состоянии в данном году.

А прекрасные работы художницы — изображения птиц на фарфоре — украшают наш маленький «птичий» музей.

Всемирный фонд дикой природы — WWF в судьбе нашего проекта действительно занял особое место. Однажды, было это осенью 1995 года, в московском офисе WWF авторы уже побывали. Встретили нас любезно, отнеслись к нашим проблемам сочувственно, результат — тот же, что в десятках ответов на мои письма в другие международные природоохранные фонды. Нам это показалось неправильным и обидным. В моём тогдашнем понимании WWF в нашей стране существовал извечно. Тогда, в 1995-м, мы

и подумать не могли, что представительство этого фонда в России, в Москве открылось лишь год или и того меньше назад. И уж конечно, обижаясь в тот раз на «недостаточное внимание» к нашей работе, мы были очень неправы.

Между прочим, мне до сих пор не понятно, почему в нашей бывшей социалистической стране столь мощная природозащитная организация была не в чести. А вот «капиталистическая» Россия WWF вдруг признала. Это при том, что столь бездумного, варварского убийства нашей родной

Природы, какое мы видим всё последнее «перестроечное» двадцатилетие, Россия не знала никогда.

Но вернёмся к нашим личным отношениям с WWF. В 2004 году в питомник зашёл не знакомый нам раньше Константин Згуровский. На удивление обаятельный, коммуникабельный, Костя оказался сотрудником Дальневосточного отделения WWF. Внимательно ознакомившись с нашей работой, уходя, он ничего не обещал. Как вдруг... нам было предложено оформить заявку на грант, притом на совершенно немыслимую для нас сумму в десять тысяч американских долларов. Первый грант от WWF! Нас, наконец, признал самый представительный международный Фонд охраны дикой природы! Лично для меня это признание явилось не меньшей наградой, чем сама выделяемая на проект сумма. И случилось это в наиболее тяжёлый в нашей жизни период, когда я с тоской думал о впустую выброшенных из жизни двенадцати годах, о потерянных экспедиционных «полях», принесённых в жертву интереснейших заграничных командировках. Особенно же тоскливо было осознавать то, что, вовлекши в эту авантюру

стольких уверовавших в неё, в меня людей, я оказывался заурядным прожектёром, пустым трепачом.

Не знаю, как бы сложились наши отношения с этим фондом в дальнейшем, не появившись на Камчатке гражданка США Лора Уильямс. Как я узнал уже потом, именно она была тем человеком, который открывал в Москве первый офис WWF. И вот в 2006 году Лора возглавила отделение этого фонда на Камчатке.

Удивительной энергии и преданности делу охраны Природы человек, не умеющий давать уклончивые ответы, сладко лгать, она многих подавляла этой своей прямоотой и неустанным стремлением к действию. Её попытка разбудить «сонное царство» Кроноцкого заповедника породила кляузы и гнусные заказные статьи в газетах. Отказала в гранте, как мне сказали, изощрённому интригану и весьма посредственному «киношнику» — коммерсанту и... Жаль, что Интернет не обладает собственным интеллектом. Может быть, тогда подобные склочные представители человеческого племени не считали бы Всемирную сеть сточной канавой, не сливали в неё нечистоты собственных душ.



Лора Уильямс

Костью в горле оказалась Лора и у камчатских чиновников от охраны природы. Её жёсткая принципиальность никак не могла ужиться с пустой болтовнёй одних функционеров и откровенно преступным отношением к своим обязанностям других. Результатом «подвигов» Лоры стало фактическое объявление беспокойной госпожи Уильямс персоной на Камчатке нежелательной.



Так светло улыбается
обаятельная Маргарэт
Уильямс

Маргарет — представительница американского отделения WWF, однофамилица Лоры (говорят, Уильямсов в США, как у нас Ивановых), посетив питомник, вынесла о нашей работе самое благоприятное впечатление. С тех пор при каждом появлении на Камчатке она бывает у нас обязательно. И жить нам стало значительно легче. Внимание и реальную помощь со стороны Маргарет мы ощущаем постоянно и сейчас.

И, конечно же, самые добрые и тёплые слова мы говорим в адрес одной из главных тружениц камчатского отделения WWF — Катюши Липатовой. В свои нередкие посещения офиса Фонда лично я никогда не видел её празднующей. Никогда она не отмахнулась от моих просьб о помощи в подготовке документов. Спасибо тебе, Катя! И тебе, и другим твоим коллегам — сотрудникам WWF.

В 2007 году программа по возрождению азиатской популяции алеутской ка-

зарки была признана лучшим проектом WWF в России.

Вообще же, приступая к написанию этой главы, мы не представляли себе, о скольких замечательных людях, наших коллегах и помощниках должны рассказать. Этого проекта, нынешних результатов просто не было бы без американских коллег Форреста Ли и Вернона Бёрда, без Брайана Андерсона и Джефа Уильямса, без президента IWWI Вальтера Старгона, без... без... без...



Вернон Бёрд, о-в Булдир

В трудные времена руку реальной помощи нам подавали российские учёные: Пётр Горовой, Виталий Кривенко, Евгений Сыроечковский. Особая наша благодарность друзьям Евгения — выпускникам МГУ. Не оставляли без внимания нас, наших птиц и коллеги-охотоведы. Валентин Пинигин, будучи чиновником камчатской администрации, в течение двух зим раз за разом выезжал на реку Авача, граблями доставал из воды шелковник, заполнял этой водорослью тазы и мешки и вёз их в питомник казаркам. Тотчас, когда возникла в нём нужда, отозвался Сергей Алексеев. Узнав о временных наших трудностях, ребята-охотоведы привозили вёдра с яйцами чаек, необходимых для выкармливания маленьких казарчат. Друзья Наташа и



Е. Сыроечковский,
о-в Экарма

Володя Козаковы год за годом кормили нас овощами и ягодами со своего дачного участка, по первому зову и без него появлялись в питомнике с неизменным желанием узнать, всё ли у нас хорошо и чем они могут помочь ещё. Леонтий Ковальский всего лишь при намёке на возникшую нужду в его помощи тотчас приезжал из Петропавловска и брался за самые трудные работы, выполнять которые с годами нам становилось всё труднее. Механизаторы соседствующих с питомником туристических фирм и авиакомпаний после очередной пурги безотказно гнали бульдозеры, чтобы пробить к нам подъездные пути, очистить от снега территорию. И любой из них в нашем нынешнем «капиталистическом бытии» соглашался не более чем на одну плату — стакан чая. Вокруг нас, рядом с нами постоянно находились хорошие, бескорыстные люди. Боюсь, сейчас мы просто не в состоянии вот так сразу вспомнить, перечислить всех их по именам. Но помним мы всех и благодарны всем.



Лилия Коваленкова —
достойная преемница дела
А.Г. Коваленкова

Когда в 2008 году не стало Анатолия Коваленкова, его дочь Лилия пригласила нас к себе.

— Как и вы, я считаю: в успехах этого замечательного проекта, в том, что вы успели сделать, и в том, чего ещё достигнете, действительно есть неоспоримая, большая заслуга моего отца. И я продолжу начатое им: мы остаёмся соисполнителями проекта, других ваших дел, направленных на сохранение Природы. В наших отношениях всё будет по-прежнему. Как при отце!



Семейное фото

АЛЕУТСКИЕ ГУСИ НАД ОЗЕРОМ ИЗУНУМА

В феврале 2008 года мы с сыном Юрием опять в Японии. В приёмной мэра города Сендай одну из стен занимает большая фотография: два месяца назад фотомастер Atsushi Uryu запечатлел летящую над озером Изунума стаю из 25 сидзюкара-ган.

У двух третей казарок просматриваются полученные от нас цветные метки; остальные, очевидно, родившиеся уже на Курилах, оказались «беспаспортными», настоящими вольными птицами. Да, это наши гуси! Поступали сообщения о наблюдениях сидзюкара-ган и в других префектурах, увидеть некоторых из них нам помог Тосио Икеучи. Всего же, как позже посчитал Куречи-сан, в Стране восходящего солнца зиму 2007—2008 годов провели не менее пятидесяти алеутских гусей.

Прошёл ещё год. Из письма Тосикадзу Абэ мы узнали, что в этот раз в Японии отмечены уже 59 сидзюкара-ган. И три наши семейные пары прилетели с 4, 5 и 6 своими детьми. Две из этих родительских пар отмечаются в Японии четвёртый год подряд, одна — третий. А вот казарочку с красной меткой 56 увидели здесь впервые. Но

выпустили-то мы её на Экарме четыре года назад! Где же она провела те три зимы?

Мне показалось, что летние месяцы года нынешнего, 2009-го, пролетели как никогда быстро. Последние надежды на выпуск птиц в этом году не покидали нас ещё и в августе. Сохранялись они даже тогда, когда начали бледнеть листья торопыгичерёмухи. Мы продолжали искать деньги. Ещё раньше, исходя из своих возможностей, небольшой грант для участия в выпуске птиц нам выделил «Global Greengrants Fund». Предложил свою помощь молодой директор Кроноцкого биосферного заповедника Тихон Шпиленок.

Наступил сентябрь. Казалось, что листочки дней с нашего календаря опадали всё быстрее. Ждать дольше не имело смысла. Так поздно, как в этом году, в конце месяца, мы не подрезали птицам крылья ещё никогда. Теперь подняться в небо они смогут не ранее августа года будущего. И это значило, что пришёл к финалу очередной наш год. В прошлом к этому времени обычно уже давно были «посчитаны цыплята» последнего сезона, вывезена



Приёмная мэрии, город Сендай, Япония, февраль 2008 года

на Курилы очередная партия птиц. И можно было с надеждой и нетерпением ждать хороших вестей от японских коллег.

Первый сбой в этом «распорядке», когда мы не нашли возможности для выпуска казарок, случился в 2008 году. Стоимость «вертолётного часа» за тот год подскочила вверх трижды. Три тысячи долларов за один час полёта — это не для нас. И вот

опять. Во что оценила свои услуги авиакомпания в году нынешнем, мы даже не интересовались, нам это уже было безразлично. И угораздило же нас со своим проектом угодить в тиски между двух кризисов: начало его в 1992 году пришлось на обрушение экономики России, а попытка проект завершить «упала» на год 2009-й — катастрофу экономики мировой.

Октябрь. Готовимся к зиме и весне будущего, 2010 года. Корякский вулкан не успокаивается, временами даже наоборот — дымит ещё больше. Но, надеемся, высокая вода врасплох наших птиц уже не застанет.

Ноябрь. К зиме мы готовы. И вот наконец письмо от Абэ-сан: на озеро Изунума прилетела стая сидзюкара-ган, в которой около шестидесяти птиц. Это здорово! И мы надеемся, что наших казарок здесь видели ещё не всех.

Декабрь. Последний день года, E-mail от Тосикадзу Абэ: в Японии учтены 85 сидзюкара-ган. Восемьдесят пять!! Это уже победа! Поздравления всем участникам проекта!

Было ли ещё что-то хорошее в ушедшем трудном году? Да, но это уже наше сугубо личное: в августе мы с Алей праздновали 50-летний юбилей совместной жизни. С нами это торжество отмечали все наши камчатские друзья.



От авторов

Позади семнадцать сезонов размножения казарок, сотни родившихся, сотни получивших свободу птиц. И по крайней мере десятки их ежегодно рождаются на своей исторической родине — Курильских островах. Это уже по-настоящему свободные, дикие птицы. В них надежда на то, что последние годы авторы прожили не без пользы. Хотим верить: наш проект, несмотря ни на что, получился. И это последнее сообщение японских коллег о появлении на исторических зимовках 85 (!) сидзюкара-ган вселяет большие надежды. Надеемся, что будущим летом мы возвратим Природе России, Японии, Природе Азии ещё малую толику нашего перед ней долга.

Рассказывая о нашей работе, мне кажется, я много жаловался. Но если увлечение птицами — твоё хобби и твоя работа, если ты постоянно находишься в окружении птиц, ты счастливейший человек. Если же рядом с тобой любящая, преданная общему делу соратница — жена, ты счастлив вдвойне.



Проект должен был когда-то закончиться. Как часто, просыпаясь по ночам, я думала о том, что нам пришлось здесь пережить, сколько всего построить, привести в порядок, вычистить, перемыть; сколько это стоило переживаний за наших птиц. И как же мне хотелось всё это как можно скорее «бросить», всё оставить тут и... забыть. Забыть навсегда. Но, просыпаясь каждым утром, постоянно видя, пропуская через себя поистине маниакальную одержимость Николая, его переживания, когда вдруг заболели гусята, когда мы не могли найти денег на комбикорм, на выпуск птиц, я забывала о тех своих ночных желаниях. Всё, чем мы жили все эти годы подчинялось одному, одной цели. Цели, которой, я уж не знаю, вольно или невольно, прониклась всем своим существом. И хочу верить, верю, что эти годы моей, нашей с Колей жизни не будут бесплодными. Надежду на это укрепило и только что поступившее очередное сообщение из Японии. Теперь я знаю точно:

МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!

Россия, Камчатка,
31 декабря 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О КНИГЕ И ЕЁ АВТОРАХ	3	Июль — заботы, заботы	68
От лица первого автора	6	Странный гусёнок	70
КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ	9	«Потомки птиц»	72
Первая встреча	9	Август — итог года	76
Алеутский гусь — история гибели популяций	11	Остров Экарма — историческая родина алеутской казарки	78
Я вынес себе приговор	14	Возвращаем Природе	82
Мы строимся	15	Мы даём им свободу или выпускаем на смерть?	84
Нам дают птиц	22	Отчаяние	88
Вступление второго автора	24	В питомнике осень	91
Таможня	30	Ящик	93
Чиновники	31	Октябрь	102
НАШ ГОД	35	У нас зима	104
Март — преддверие весны	35	ТАК МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО?	111
Апрель — пора любви	39	МЫ ДЕЛАЛИ ЭТО ВМЕСТЕ	114
Мы во многом похожи	41	АЛЕУТСКИЕ ГУСИ	
Люба	44	НАД ОЗЕРОМ ИЗУНУМА	123
Май — месяц надежд	47	От авторов	126
Защитник семьи	50		
Этого не должно было быть	54		
Июнь — месяц больших хлопот	56		
Казарчата — наши дети	59		

Научно-популярное издание

Н.Н. Герасимов
А.И. Герасимова

20 ЛЕТ С ДИКИМИ ГУСЯМИ

Корректор *С.В. Цыганова*
Художественное оформление, верстка, цветоделение *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес: 129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес: 127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корп. 1.
Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, (499) 940-48-73.

E-mail: veche@veche.ru <http://www.veche.ru>

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».
Тел.: (499) 940-48-70. E-mail: reklama@veche.ru

ООО «Вестъ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «Вече»
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru

Подписано в печать 11.02.2011. Формат 84 × 108 1/16. Гарнитура «Прагматика».
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 8. Тираж 1000 экз. Заказ №



Герасимова Алевтина Ивановна

Родилась 18 апреля 1939 г. в г. Фурманове Ивановской области. После окончания Ивановского техникума физической культуры — инструктор ДСО «Спартак» г. Иркутска.

С 1962 г. на Камчатке — учитель физвоспитания в школах г. Петропавловска. Отличник народного просвещения, ветеран спорта.

С 1994 г. — сотрудник лаборатории орнитологии Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН, исполнитель проекта по возрождению азиатской популяции алеутской канадской казарки.



Герасимов Николай Николаевич

Родился 7 марта 1936 г. в г. Иваново. Средняя школа № 30, армия, Ивановский завод автокранов;

1957—1962 гг. — Иркутский с/х институт, биолог-охотовед.

С 1962 г. на Камчатке — ст. охотовед, затем главный госохотинспектор.

Создал группу охотничьего надзора Камчатской области, организовал около 15, в т.ч. 10 «гусиных», государственных зоологических заказников. С 1984 г. — с.н.с. КО ВНИИОЗ;

с.н.с. заведующий лабораторией орнитологии Камчатского филиала ТИГ ДВО РАН. Автор и ответственный исполнитель международного проекта по возрождению азиатской популяции алеутской канадской казарки. Кандидат биологических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заслуженный эколог России.

ISBN 978-5-9533-4901-7



9 785953 349017

